

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2022 Том 22 № 4

В номере: Постколониализм и антиколониальная борьба

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук,
кандидат экономических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Д.П. Елагин (экономика) (РУДН, г. Москва, РФ), кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история) (РУДН, г. Москва, РФ),
кандидат исторических наук *М.А. Никулин* (политика) (РУДН, г. Москва, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Джэ., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США
Бехера Навиита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Государственного университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабазга Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2023 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 2 2023	Незападное миротворчество	До 1 ноября 2022 г.	До 15 января 2023 г.
№ 3 2023	100-летие Турецкой Республики	До 1 января 2023 г.	До 15 апреля 2023 г.
№ 4 2023	Международные и региональные исследования: от теории к практике	До 1 марта 2023 г.	До 15 июня 2023 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова

Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 15.11.2022. Выход в свет 28.12.2022.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1225. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2022 VOLUME 22 No. 4

In this issue: Postcolonialism and Anti-colonial Struggle

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

Denis P. Elagin (Economics) (RUDN University, Moscow, Russia), PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada** (History) (RUDN University, Moscow, Russia), PhD in History **Maxim A. Nikulin** (Politics) (RUDN University, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2022 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
# 2 2023	Non-Western Approaches to Peacekeeping	By November 1, 2022	By January 15, 2023
# 3 2023	100th Anniversary of the Republic of Türkiye	By January 1, 2023	By April 15, 2023
# 4 2023	International and Regional Studies: From Theory to Policy Science	By March 1, 2023	By June 15, 2023

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor *I.L. Pankratova*

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198

Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Постколониализм и антиколониальная борьба

- Бовдунов А.Л.** Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокolonизма 645
- Лошкарёв И.Д.** Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории 659
- Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Дубровский И.Р., Журавлева Е.В., Еномян А.В., Ивкина Н.В., Никулин М.А., Кассае Ныгусие В.М., Шпаковская М.А.** Советские исследования неокolonизма 671
- Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е.** Постколониальная эпистемология: африканские «регистры»..... 688
- Шипилов А.Ю.** Взаимоотношения неприсоединившихся стран Африки и «второго мира» (1960—1980-е гг.) на примере Сьерра-Леоне 700
- Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Корендясов Е.Н.** Советская структурная помощь Республике Мали в 1960—1968 гг..... 714
- Крылова Н.Л., Кулькова О.С.** «Мягкая сила» России в Африке: потенциал и проблемы русскоязычных женских сообществ 728
- Моргунова О.А., Морару Н.-Ф.** Дискурсы «европейскости» в практике предоставления убежища в постколониальном контексте 741

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Демешко Н.Э., Ирхин А.А.** Турецкая Республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 года..... 755

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Шумкоски Г.** Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства 771
- Кузнецов А.В., Морозов С.А.** Долговая устойчивость стран Латинской Америки в постковидной экономике..... 788

РЕЦЕНЗИИ

- Хохолькова Н.Е., Блинова Е.В.** Рецензия на книгу: Hicks D. The British Museums: The Benin Bronzes, Colonial Violence and Cultural Restitution. London : Pluto Press, 2020. 336 p. 802
- Дейч Т.Л.** Рецензия на книгу: China in Africa. Between Imperialism and Partnership in Humanitarian Development / ed. by S. O. Abidde, T. A. Ayoola. Lanham, Boulder, New York, London : Lexington Books, 2021. 397 p. 805
- Кузьмин В.А.** Рецензия на книгу: The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. NY, London : Routledge, 2022. 263 p. 809
- Исмагулов Н.Н.** Рецензия на книгу: Pieper M. The Making of Eurasia. Competition and Cooperation Between China's Belt and Road Initiative and Russia. London, New York : I. B. Tauris, 2022, 168 p. 812
- Мелконян Л.А.** Рецензия на книгу: Kayashima N., Kuroda K., Kitamura Y. Japan's International Cooperation in Education: History and Prospects. Springer Singapore, 2022. 365 p. 815

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Postcolonialism and Anti-colonial Struggle

- Bovdunov A.L.** Challenge of “Decolonisation” and Need for a Comprehensive Redefinition of Neocolonialism 645
- Loshkariov I.D.** Postcolonialism in International Studies: Two Faces of Theory 659
- Bokeriya S.A., Davidchuk A.S., Degterev D.A., Dubrovskiy I.R., Zhuravleva E.V., Enokyan A.V., Ivkina N.V., Nikulin M.A., Kassaye Nigusie W.M., Shpakovkaya M.A.** Soviet Studies of Neocolonialism 671
- Gavristova T.M., Khokholkova N.E.** Postcolonial Epistemology: African “Registers” 688
- Shipilov A.Yu.** Relations between the Non-Aligned Countries of Africa and the Second World (1960—1980s): The Case of Sierra Leone 700
- Davidchuk A.S., Degterev D.A., Korendyasov E.N.** Soviet Structural Aid to the Republic of Mali in 1960—1968 714
- Krylova N.L., Kulkova O.S.** Russia’s Soft Power in Africa: Potential and Challenges of Russian-speaking Women’s Communities 728
- Morgunova O.A., Moraru N.-F.** Discourses of “Europeanness” in Asylum Practices in the Postcolonial Context 741

INTERNATIONAL SECURITY

- Demeshko N.E., Irkhin A.A.** The Republic of Türkiye and Ukraine: Using the Crimean Tatar Question in Foreign Policy after 2014 755

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Sumkoski G.** Global Dissipation of Neoliberal Models and the Sovereign State Doctrine 771
- Kuznetsov A.V., Morozov S.A.** Debt Sustainability of Latin American Countries in the post-COVID Economy 788

BOOK REVIEWS

- Khokholkova N.E., Blinova E.V.** Book review: Hicks, D. (2020). *The Brutish Museums: The Benin Bronzes, Colonial Violence and Cultural Restitution*. London: Pluto Press, 336 p. 802
- Deych T.L.** Book review: Abidde, S. O., & Ayoola, T. A. (Eds.). (2021). *China in Africa. Between Imperialism and Partnership in Humanitarian Development*. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 397 p. 805
- Kuzmin V.A.** Book review: Marochkin, S., & Bezborodov, Yu. (Eds.). (2022). *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*. NY, London: Routledge, 263 p. 809
- Ismagulov N.N.** Book review: Pieper, M. (2022). *The Making of Eurasia. Competition and Cooperation Between China’s Belt and Road Initiative and Russia*. London, New York: I. B. Tauris, 168 p. 812
- Melkonyan L.A.** Book review: Kayashima, N., Kuroda, K., & Kitamura, Y. (2022). *Japan’s International Cooperation in Education: History and Prospects*. Springer Singapore, 365 p. 815

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Постколониализм и антиколониальная борьба

THEMATIC DOSSIER: Postcolonialism and Anti-colonial Struggle

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658

Научная статья / Research article

Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неоколониализма

А.Л. Бовдунов

Международное «Евразийское Движение», Москва, Российская Федерация

 alexander.bovdunov@yandex.ru

Аннотация. В практической политике, равно как и в научных публикациях, все чаще поднимаются вопросы о необходимости «деколонизации» стран «второго мира» и полупериферии (в терминологии мир-системного анализа). Однако сама постановка вопроса о деколонизации применительно к странам, которые были объектами европейской колониальной экспансии, чревата как негативными последствиями в политической практике, так и теоретической путаницей. С одной стороны, дискурс «деколонизации» подстегивает сепаратистские тенденции и ведет к возникновению новых конфликтов. С другой — понятие «колониализм» становится все менее строгим: в этой оптике колониализмом можно назвать любую территориальную экспансию любого государства в любой исторический период. Понятие «колониализм» теряет свою конкретно-историческую нагрузку, а значит, превращается из научного термина в пропагандистское клише. Таким образом, исчезает возможность корректно осмыслить феномен европейского колониализма как конкретной исторической реальности, определившей судьбы народов как самой Европы, так и других частей света в Новое время, единственного «колониализма», с которым реально сталкивались народы Земли в течение последних 500 лет. Теоретический и практический, научный и политический аспекты проблемы тесно связаны между собой. Бывшие колониальные державы, более того, государства, до сих пор имеющие неравноправные зависимые территории, как, например, США, в рамках расширительного толкования понятия «колониализм» получают возможность обвинять в «колониализме» своих геополитических противников, коль скоро они представляют собой полиэтничные державы, сложившиеся в результате долгих исторических процессов, где имели место различные практики взаимодействия этносов. Сама возможность интерпретировать практики неевропейских держав (России, Китая, Ирана, Эфиопии) как колониальные связана с популярной парадигмой «внутреннего колониализма». Она возникла в рамках постколониальной теории международных отношений в европейских и американских научных центрах и по своему характеру является примером сознательно ангажированного подхода, где в центре внимания находятся наиболее маргинализированные группы — «субалтерны», но игнорируются крупные цивилизационные общности. Автор на конкретных примерах отмечает предвзятость и недостатки этого подхода, раскрывает его философские

© Бовдунов А.Л., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

предпосылки и предлагает использовать наработки фундаментальной геополитики, мир-системной теории, философии пространства и философии культуры для уточнения понятия «колониализм».

Ключевые слова: колониализм, внутренний колониализм, империя, постколониальные исследования, мир-системный анализ, функция и субстанция капитализма, геополитика, земля и море

Для цитирования: Бовдунов А. Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неоколониализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 645—658. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>

Challenge of “Decolonisation” and Need for a Comprehensive Redefinition of Neocolonialism

Aleksandr L. Bovdunov

International “Eurasian Movement”, Moscow, Russian Federation

alexander.bovdunov@yandex.ru

Abstract. The need for “decolonisation” of the Second world and semi-periphery countries (in the terminology of world-systems analysis) is increasingly raised in practical policy as well as in academic publications. However, the very question of decolonisation as applied to countries that were the targets of European colonial expansion is fraught with both negative consequences in political practice and theoretical confusion. On the one hand, the discourse of “decolonisation” encourages separatist tendencies and leads to new conflicts. On the other hand, the notion of “colonialism” is becoming less rigorous: in this perspective, any territorial expansion by any state at any time in history can be described as colonialism. The notion of “colonialism” loses its specific historical meaning and hence turns from a scientific term into a propaganda cliché. Thus, the possibility to correctly comprehend the phenomenon of European colonialism as a concrete historical reality that determined the fate of the peoples of both Europe itself and other parts of the world in Modern times, the only “colonialism” that the peoples of the world have really faced for the last 500 years, disappears. Theoretical and practical, scientific and political aspects of the problem are closely linked. Within an expansive interpretation of “colonialism”, former colonial powers, moreover, states still possessing unequal dependencies, such as the USA, are able to accuse their geopolitical opponents of “colonialism” as they are multi-ethnic powers, formed as a result of long historical processes, where various practices of ethnic interaction have taken place. The very possibility of interpreting the practices of non-European powers (Russia, China, Iran, Ethiopia) as colonial is linked to the popular paradigm of “internal colonialism.” It has emerged as part of the post-colonial theory of international relations in European and American academic centres and by its very nature is an example of a deliberately biased approach that focuses on the most marginalised groups of “subalterns” but ignores major civilisational entities. The author points out the biases and shortcomings of this approach with concrete examples, reveals its philosophical premises and suggests using the findings of fundamental geopolitics, world-systems theory, philosophy of space and philosophy of culture to clarify the concept of “colonialism.”

Key words: colonialism, internal colonialism, empire, postcolonial studies, world-system analysis, function and substance of capitalism, geopolitics, land and sea

For citation: Bovdunov, A. L. (2022). Challenge of “decolonisation” and need for a comprehensive redefinition of neocolonialism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 645—658. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>

Введение

«Колониализм» как теоретический концепт и практическая проблема, несмотря на крушение колониальных империй в середине XX в., по-прежнему актуален. С одной стороны, в нем, или в «колониальности», видят едва ли не причину всех современных проблем,

с которыми сталкиваются развивающиеся страны. С другой стороны, в рамках схожей риторики тезисы о деколонизации как о необходимом векторе развития начинают применяться в отношении пространств, которые ранее сами считались жертвами колониальной политики или как минимум не считали себя колониальными державами. В первую

очередь, речь идет об условном «втором мире» (Россия, постсоветские страны, Китай), а также крупных странах «третьего мира».

«Деколонизация» России: практика дискурса и истоки идеи

23 июня 2022 г. Комиссия США по безопасности и сотрудничеству в Европе организовала в Конгрессе США мероприятие под названием «Деколонизация России: моральный и стратегический императив»¹. Сама комиссия является правительственным агентством США, созданным и контролируемым Конгрессом. Ее сопредседатель, конгрессмен Стив Коэн, открывая заседание, заявил, что русские «по сути, колонизировали свою собственную страну»². В анонсе конференции отмечалось, что «в настоящее время ведутся серьезные и противоречивые дискуссии о необходимости признания фундаментального империализма России и необходимости “деколонизации” России для того, чтобы она стала жизнеспособным участником европейской безопасности и стабильности»³.

17 марта 2022 г. Институт мира США, финансируемый из средств госбюджета Соединенных Штатов, выпустил рекомендации об освещении Специальной военной операции России на Украине для африканской аудитории. Предлагалось проводить «очевидные» параллели между борьбой африканцев за свободу от «колониального контроля» и

сопротивлением Вооруженных Сил Украины действиям России⁴.

Обвинения в колониализме и империализме в адрес России не новы. Еще в 1959 г. в приобретшей статус закона резолюции Конгресса США о «Неделе поработанных наций» содержались инвективы в адрес русского и советского «империализма» и обязательства поддержки «поработанных наций»⁵. Несколько лет ранее в журнале *Foreign Affairs*, который выпускается авторитетным в США Советом по международным отношениям, тезис о России как «колониальной империи» обосновывал экс-меньшевик Соломон Шварц (Schwarz, 1952), сотрудничавший с правительством Соединенных Штатов (Liebich, 1995, p. 264).

Другой американский советолог, Вальтер Коларц, также в начале холодной войны опубликовал книгу «Россия и ее колонии», в которой записал в «колонии» все «этнически нерусские территории СССР» (Kolartz, 1953, pp. v—vi). В отличие от В. Коларца Александр Беннигсен, французский востоковед и советолог, считал колониями России только ее азиатские территории и Кавказ (Bennigsen, 1969). А. Беннигсен пишет о «колониальной атмосфере» превосходства по отношению к инородцам, заселении русскими (земледельческая колонизация), особом характере управления и даже сохранении особых прав и обычаев народов Империи как признаках «колониальности» (Bennigsen, 1969, p. 145). Зб. Бжезинский в «Великой шахматной доске» называет русских в Центральной Азии представителями «бывшего правящего колониального класса», рассуждая о «колониальном» и «постколониальном» статусе региона (Brzezinski, 1997, pp. 93, 129—130). В работах американского историка Михаила Ходарков-

¹ См.: To Receive a Briefing on Decolonising Russia // Congress.gov. June 23, 2022. URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/joint-event/332780?s=1&r=11> (accessed: 14.10.2022); Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative // YouTube. June 23, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-iGtFXs9gvo> (accessed: 14.10.2022).

² Bosnic D. US Government Openly Advocates Destroying Russia // BRICS Information Portal. June 27, 2022. URL: <https://infobrics.org/post/36034/> (accessed: 14.10.2022).

³ Decolonisation of Russia To Be Discussed at Upcoming Helsinki Commission Briefing // Justice for North Caucasus. June 22, 2022. URL: <https://justicefornorthcaucasus.info/?p=1251683963> (accessed: 14.10.2022).

⁴ Ashby H., Sany J. On Ukraine, Africa Needs a Clearer U.S. Message // United States Institute of Peace. May 17, 2022. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/05/ukraine-africa-needs-clearer-us-message> (accessed: 15.10.2022).

⁵ Eisenhower D. Proclamation 3303 — Captive Nations Week // UC Santa Barbara. The American Presidency Project. Documents. July 17, 1959. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-3303-captive-nations-week-1959> (accessed: 15.10.2022).

ского конца 1990-х — начала 2000-х гг. (Khodarkovsky, 1999; 2002) активно продвигался тезис о колониальном характере континентальной экспансии России. После справедливых возражений, что российский опыт не вписывается в то, что называют колониализмом, имея в виду взаимоотношения Запада и стран «третьего мира» (LeDonne, 2002, р. 765), западные и российские исследователи, однако, не отказались от использования понятий «колонии» и «колониализм». Результатами попыток втиснуть российский опыт в прокрустово ложе «колониализма» стали концепты «невыраженного колониализма» (Khodarkovsky, 2011, р. 168), «гибридной империи»⁶, «самоколонизации» (Кагарлицкий, 2009; Эткин, 2013).

Общей проблемой всех этих и многих других работ по российским «колониям» и «колониализму» является то, что в них не объясняется, чем «колония» отличается от любой другой иноэтничной, завоеванной или присоединенной мирным путем территории.

Внутренняя колонизация: проблематичный концепт

В частности, этот недостаток присущ ставшей современной классикой работе Александра Эткина «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». Весьма спорным является определение, которое А. Эткин дает колониализму: «идеологическая система» колонизации, где колонизация понимается как «процесс доминирования, в котором переселенцы мигрируют из колонизирующей группы на колонизованную территорию» (Эткин, 2013, с. 17). Профессор Кембриджского университета выхватывает цитату В.О. Ключевского о том, что «история России — это история страны, которая колонизируется» (в источнике — исключительно в смысле расселения русского народа⁷),

и сближает эту «колонизацию» с европейским колониализмом. Из «крестьянской колонизации» — заселения территории Сибири русскими и представителями других народов России, проблематичного тезиса о «Сибири как колонии» сибирского сепаратиста Н. Ядринцева и злоключений вернувшегося с Кавказа коллежского асессора Ковалева, главного героя повести Н.В. Гоголя «Нос», — выводится тезис о колониальности русской культуры и наличии в России «колониализма». Этот проблематичный «колониализм» (в таком случае, почему расселение народов банту по Африке — не колониализм?) некорректно приравнивается к традиционно понимаемой под «колониализмом» специфической политике западных стран, направленной на неравноправную эксплуатацию заморских стран и народов⁸. Практическим результатом становится дискурс «деколонизации России».

В результате подобного неряшливого обращения с терминами «колониализм» и «колония» можно прийти к выводам, что «русская история колониализма... начинается в XI веке»⁹. Именно это утверждает именитый российский ученый В. Иноземцев. В таком контексте неудивительно, что и присоединение Рязанского княжества к единому Российскому государству становится для него частью «колониальной» политики Москвы.

Сам факт, что дискуссия о том, были ли Российская империя и Советский Союз колониальными образованиями, идет в течение всей второй половины XX в. и продолжается до сих пор, свидетельствует о нехватке аргументации, которая бы подкрепляла колониальный характер России. Во всех случаях российский исторический опыт пытаются подогнать под категории колониальности, основанные на западном опыте, и предсказуемо

⁶ Sinness M. Empire of the Steppe: Russia's Colonial Experience on the Eurasian Frontier // UCLA International Institute. May 5, 2014. URL: <https://www.international.ucla.edu/apc/centralasia/article/139315> (accessed: 15.10.2022).

⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция II // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской

академии наук. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch02.htm> (дата обращения: 15.10.2022).

⁸ Webster R. Western Colonialism // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Western-colonialism> (accessed: 15.10.2022).

⁹ Inozemtsev V. Russia, the Last Colonial Empire // The American Interest. June 29, 2017. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/> (accessed: 15.10.2022).

находят множество исключений. Возникает вопрос: следует ли подверстывать опыт континентальной империи под западные категории «колоний» и «колониализма»?

Однако в современных постколониальных исследованиях существует теоретическая рамка, позволяющая применить термин «колониализм» к практически любой стране мира. Это концепция «внутреннего колониализма», активно применяемая в работах уже упоминавшихся Б.Ю. Кагарлицкого (Кагарлицкий, 2009), А. Эткина (Эткинд, 2013) и В. Морозова (Morozov, 2015).

Генезис концепта «внутреннего колониализма» возводят к труду В.И. Ленина «Происхождение капитализма в России», где теоретик большевизма сравнивает расчистку леса в Уфимской губернии с практиками германского колониализма в Африке и пишет о колонизации степных пространств России в конце XIX — начале XX в. (Ленин, 1950, с. 212). В первом случае, однако, классик позволил себе скорее эмоциональное высказывание, а во втором — речь идет о крестьянской колонизации, заселении свободных земель, которая не равна колониализму как системе эксплуатации, сходной с «колониализмом» заморских колоний Великобритании, Франции или Германии.

Другой источник вдохновения сторонников теории «внутренней колонизации» — Антонио Грамши. В работе 1926 г. «Некоторые аспекты Южного вопроса» А. Грамши, рассказывая о перекосах развития регионов страны, обмолвился, что «северная буржуазия подчинила себе юг Италии и острова и превратила их в эксплуатируемые колонии» (Gramsci, 2005, p. 28). Однако продолжение этой фразы заставляет сомневаться, что речь шла о чем-то большем, чем о пропагандистской метафоре. «Деколонизация» мыслилась как образцовая пролетарская революция: «Освободив себя от капиталистического рабства, пролетариат Севера освободит южные крестьянские массы, поработанные банками и паразитической промышленностью Севера» (Gramsci, 2005).

Окончательно концепт «внутреннего колониализма» был оформлен в 1960—1970-х гг.

сначала мексиканцем Пабло Гонсалесом Казановой (Casanova, 1965), а затем британским историком Майклом Хечтером. Исследование последнего, посвященное неравноправным отношениям Уэльса и Англии (Hechter, 1999), привело к масштабной дискуссии относительно применения концепта к странам и регионам, формально никогда не являвшимся колониями.

Концепт «внутреннего колониализма» при всей его неоднозначности в итоге способствовал появлению работ о «внутреннем колониализме в Китае» (Gladney, 1998), «колониальном управлении» в «Иранском Курдистане» (Hassaniyan & Sohrabi, 2022), «внутреннем колониальном Другом» в Иране (Soleimani & Mohammadpour, 2019). В результате научные журналы и уважаемые публицистические издания наполнились материалами не только о русском колониализме, но и об иранском¹⁰ или даже эфиопском¹¹ или «абиссинском» колониализме (Birru, 1981).

Пример Эфиопии показателен тем, что обвинения в «колониализме» активно использовались сепаратистами Эритреи (в то время как сама Эритрея как отдельная от Эфиопии страна также может быть названа плодом итальянского и британского колониализма) (Negash, 1997, p. 144), группами сепаратистов в Огадене и активистами национального движения оромо (Holcomb & Ibssa, 1990). С политической точки зрения этот дискурс обосновывал раздробление единственной африканской страны южнее Сахары, чьи границы были сформированы самими африканцами, а не колонизаторами. С теоретической точки зрения обвинения в колониализме в адрес традиционной Эфиопии были основаны на упрощенческом и политизированном подходе. Традиционные структуры власти в многоэтнической империи, где были переплетены

¹⁰ Caschetta A. J. Why Are Academics Ignoring Iran's Colonialism? // *National Review*. December 27, 2019. URL: <https://www.nationalreview.com/2019/12/academics-ignore-iranian-colonialism/> (accessed: 15.05.2022).

¹¹ Mergo T. Ethiopia's Problems Stem From Internal Colonialism // *Foreign Policy*. July 22, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/07/22/ethiopias-problems-stem-from-internal-colonialism/> (accessed: 15.05.2022).

этническая, племенная, сословная и религиозная идентичности, рассматривались исключительно с позиции зарождающихся национализмов малых народов Эфиопии, которые конструировали свои национальные идентичности на противопоставлении имперскому прошлому и настоящему (Záhořík, 2014).

После появления концепта «внутреннего колониализма» в колониализме можно было обвинить кого угодно, включая ЮАР, Таиланд, Судан и Бангладеш (Gladney, 1998). Ответственность за колониализм, которая ранее ложилась лишь на западную часть человечества, в контексте постколониальных исследований равномерно распределялась и на представителей других цивилизаций. После теоретических дискуссий о незападном колониализме неудивительно слышать речи президента Франции Эмманюэля Макрона о «русском колониализме» во время его посещения Бенина¹² или о том, что османское правление в Алжире было «колонизацией», сравнимой с колонизацией Алжира французами¹³.

Более того, Запад мог требовать от противостоящих ему государственных систем «деколонизации», превращая «постколониализм» в инструмент своей внешней политики. Неслучайно на конференции по «деколонизации России» в Конгрессе США говорилось, что русские «колонизировали свою собственную страну». Это прямая отсылка к «самоколонизации» А. Эткинды и в конечном счете — к концепту «внутреннего колониализма».

Постколониализм как ангажированная теоретическая парадигма

Для того чтобы понять причины, которые привели к использованию концепта внутреннего колониализма против западных

держав, включая жертв колониальной экспансии, необходимо обратиться к генезису постколониальных исследований, в рамках которых эта концепция и возникла.

Постколониальные исследования восходят к трудам авторов, на которых повлияла неомарксистская социальная философия. Для всех постпозитивистских подходов в международных отношениях, к которым относят и постколониализм, характерным является отрицание «нейтральности»: «ангажированность» исследователя рассматривается не как недостаток, но как неизбежная составляющая любой теоретизации.

Эту ангажированность можно прямо возвести к характерным для левой среды 1960-х гг. концепциям, в частности к М. Фуко и его идее политической функции интеллектуала как персоны, участвующей в «производстве» знания и «правды» (Foucault, 1977), которые, в свою очередь, неотделимы от власти и политики. Генеалогически эта ангажированность восходит к концептам гегемонии, «исторического блока» и «органического интеллектуала» А. Грамши (Грамши, 1991, с. 325—467) как представителя интересов угнетенных (Cox & Sinclair, 1999).

Заемствованная у А. Грамши концепция «субалтерна» как представителя маргинализованных слоев общества, лишенных политического голоса и репрезентации, стала одной из ключевых для постколониалистов. В частности, Гаятри Спивак, индийско-американская исследовательница, которую причисляют к представителям этого подхода, в работе «Могут ли угнетенные говорить» (Spivak, 1988) причислила к субалтернам индийских женщин времен британского колониального владычества в Индии. С одной стороны, они были маргинализированы колониальной администрацией, с другой — якобы патриархальными общественными структурами индийского традиционного общества. Несмотря на критику колониализма, такой подход исходит из системы ценностей, порожденных западным обществом Нового времени (Модерна) и представлением этого общества об универсальном векторе развития человечества в сторону большей эмансипации и равенства.

¹² Macron Calls Russia ‘One of the Last Imperial Colonial Powers’ on Africa Visit // France24. July 28, 2022. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20220728-macron-calls-russia-one-of-last-imperial-colonial-powers-in-benin-visit> (accessed: 15.10.2022).

¹³ Turkey Slams Macron for Describing Ottoman Rule in Algeria as Colonialism // Duvarenglish. October 08, 2021. URL: <https://www.duvarenglish.com/turkey-slams-macron-for-describing-ottoman-rule-in-algeria-as-colonialism-news-59123> (accessed: 15.10.2022).

Если в 1990-х гг. ученые могли задавать вопрос о необходимости сближения теории международных отношений и постколониализма (Darby & Paolini, 1994), то к 2010-м гг. постколониализм стал одним из признанных в академическом сообществе направлений исследования международных отношений (Grovoğui, 2010). Это отражало в том числе и определенный сдвиг в общественном сознании в западной академической среде, где ранее считавшиеся радикальными теории превращались в мейнстрим.

Инструментализация постколониализма: теоретические предпосылки

Последующее развитие постколониальных исследований высветило еще одну проблему этого подхода. Постколониальные исследования претендуют на освобождение от «культурного империализма», на выражение воли «Юга», противопоставленного «Северу», говорят о взаимосвязи знания и власти. Как и другие постпозитивистские теории, постколониализм также претендует на деконструкцию властных дискурсов. Однако они не деконструируют сами себя, свои базовые аксиомы. Поскольку же идейно-философский базис постколониализма — это западные (левые) теории, порожденные западной же культурой эпохи Модерна, спецификой исторического пути Запада, его интеллектуальной эволюции, его логическими и философскими системами, то они и сами могут рассматриваться как инструменты власти, глобальной гегемонии Запада. Это подозрение усиливается тем, что подобного рода исследования проводятся в мейнстримных институтах Запада за счет средств государственных и частных инвесторов.

В результате мы видим сближение постколониалистского дискурса с мейнстримом западноцентричной философской мысли: феминизмом, космополитизмом, релятивизмом, критикой онто-тео-телео-фалло-фонологоцентризма. Так, современный британский теоретик постколониализма индийского происхождения Хоми Баба приходит к важнейшей

для постколониализма идее «гибридности» (Bhabha, 1994, p. 38), противопоставленной четкой артикуляции идентичности. Постколониалисты не настаивают на возвращении к доколониальным идентичностям, не упорствуют в аутентичности культур (Grovoğui, 2010, pp. 244—245), освобождающихся из-под влияния бывших колониальных держав, но рассматривают эти культуры как временные амальгамы, которые конструируются и деконструируются в ходе взаимодействия разных этнических и социальных групп. Мир предстает «архипелагом» (Spivak, 2021, p. 29) таких групп, что сближает постколониализм с современной идеологией мультикультурализма и принципом «разнообразия» (*diversity*) как якобы важнейшей и необходимой составляющей современного демократического либерального общества. В целом это соответствует концепту «жидкой современности» З. Баумана, где «посторонние встречают посторонних» (Bauman, 2000, p. 94).

Как отмечает филиппино-американский исследователь Эпифанио Сан Хуан, такое возвеличивание «множественности, различий и синкретизма» «происходит в поле плюралистического глобального рынка»¹⁴, где освободительный порыв антиколониальной борьбы вырождается в «эклектический космополитизм постколониальности» (San Juan Jr., 1995, p. 92).

В свою очередь, американско-израильская исследовательница профессор Нью-Йоркского университета Элла Шохат ранее подчеркивала, что «постколониальное может легко стать универсализирующей категорией, которая нейтрализует значительные геополитические различия между Францией и Алжиром, Британией и Ираком или США и Бразилией» (Shohat, 1992, p. 103). Более важным оказывается якобы то, что и те и другие встречаются с одними и теми же вызовами постколониальных, гибридных, смешанных обществ глобального мира.

¹⁴ San Juan Jr. The Limits of Postcolonial Criticism: The Discourse of Edward Said // Marxist Internet Archive. November-December, 1998. URL: <https://www.marxists.org/history/etol/newspape/atc/1781.html> (accessed: 15.10.2022).

Близкое к постколониализму направление в американской академической среде — «критическая расовая теория» — стало де-факто идеологией левого крыла правящей в США Демократической партии. Как отмечает современный американский политический философ Пол Готтфрид, в современных США эта идеология — «инструмент репрессий, используемый властью имущими против тех, кто, как они опасаются, может оказать им сопротивление»¹⁵. Действуя от имени «угнетенных» и меньшинств «субалтернов» (в постколониалистской терминологии), они получают моральное право на противостояние с консервативным большинством.

Схожим образом в практической геополитике защита меньшинств и поддержка сепаратистских и радикальных движений становится инструментом стран Запада в борьбе со своими геополитическими противниками — крупными незападными государствами «второго мира» или «полупериферии»: поддержка сепаратизма в Чечне, курдских марксистских радикалов в Сирии, сепаратистов в Иране. Последние, точнее якобы угнетенные меньшинства, от имени которых они пытаются говорить, также получают статус субалтернов (Gladney, 2004; Matin, 2022).

«Колониализм»: попытка уточнения

В 1960 г., когда Генеральная Ассамблея ООН с подачи Советского Союза приняла «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам», всем участникам международных процессов было понятно, о каких территориях шла речь, а именно землях Азии, Африки, Латинской Америки, островах Тихого океана, подчиненных и эксплуатируемых европейцами и американцами. Это были заморские, как правило, иноэтничные территории, никак ранее не связанные с метрополиями, которые эксплуатировались как рынки сбыта или источники необходимого метрополиям сырья.

¹⁵ Gottfried P. Critical Race Theory Is Worse Than Marxism // The Chronicles. May 26, 2021. URL: <https://chroniclesmagazine.org/web/critical-race-theory-is-worse-than-marxism/> (accessed: 15.10.2022).

Сейчас с подачи западных исследователей, в том числе в рамках постколониального дискурса, понимание колониализма неоправданно расширяется. Если колониализм определять как «завоевание земель и богатств других народов» (Loomba, 1998, p. 3), логично прийти к выводу, что «колониализмом» были любые эпизоды человеческой истории, когда создавались сколько-нибудь обширные государственные образования. «Когда это понятие растягивается на весь мир, оно теряет смысл», — отмечает современный американский русист Джон ЛеДон (LeDonne, 2002, p. 765).

В таком случае следует либо прекращать любые научные дискуссии о колониализме (что невозможно, да и сам термин из употребления в политической и общественной сферах никуда не исчезнет), либо максимально сузить понятие колониализма, попытаться сделать его точным. Очевидно, что постколониальный дискурс в том виде, в котором он сложился сейчас, идет в прямо противоположном направлении.

Для того чтобы сделать понимание «колониализма» более осмысленным, необходимо, во-первых, отталкиваться от конкретной исторической реальности того, что точно было «колониализмом». Во-вторых, уточнить, частью каких исторических процессов был «колониализм», почему он случился, каковы его экономические, политические, юридические и философские (мировоззренческие) предпосылки и какие процессы сейчас обусловлены теми же факторами, то есть что является продолжением «колониализма». В-третьих, понять, каково место «второго мира», «полупериферии» и крупных, исторически имперских государств периферии в «колониализме» — колониалисты они или жертвы колониализма?

Колониализм в том смысле, который в это понятие вкладывался в «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», — явление Нового времени. Сомнительно применять его к Средним векам или Античности, равно как и к государственным системам, сложившимся вне *Jus Publicum Europaeum*. Этот аспект

подробно описан К. Шмиттом в «Номосе земли» (Шмитт, 2008, с. 616). То, что ассоциируется с колониализмом: расизм, идеи превосходства, рассмотрение территории чужих культур как свободного поля экспансии европейских держав, — неразрывно связано со спецификой европейского понимания пространства в Новое время, начиная с эпохи Великих географических открытий.

Вестфальское международное право и суверенитет распространялись лишь на самих европейцев (Шмитт, 2008, с. 150, 236—264). В колониях не действовал порядок, определявший жизнь в метрополиях. Более того, само наличие колоний обеспечивало этот нормативный европейский порядок — правила войны, которые нужно было соблюдать в Европе, не распространялись на колонии. Определенное равновесие в Европе поддерживалось за счет вытеснения борьбы европейских держав за свободные земли в доступные для колониальной экспансии территории (Шмитт, 2008, с. 199).

Схожее понимание «колониализма», но в контексте вытеснения противоречий капитализма из центра на периферию, в конце 1950-х гг. предложил французский философ русского происхождения Александр Кожев. Он определял «колониализм» как современную форму марксова «капитализма» XIX в. — ту систему, где «прибавочная стоимость, как и при капитализме, инвестируется частными лицами, а не государством, но изымается она не в пределах той же страны, но за ее пределами» (Кожев, 2006, с. 394). Схожую мысль, но в другом направлении развивал ранее ряд марксистских авторов, трактовавших капитализм как экстенсивную систему, основанную на эксплуатации колоний (Люксембург, 1934, с. 177—181). Этот подход повлиял на теории мир-системного анализа и зависимого развития.

В таком случае исторически явление, которое получило название «колониализм», — это расширение западной мир-системы в форме мир-экономики, основанной на неравноправной эксплуатации, до глобальных масштабов в эпоху, последовавшую за Великими географическими открытиями. Тогда

прошел переход от множества мир-экономик и мир-империй к одной глобальной мир-экономике за счет экономической, цивилизационной и культурной экспансии Запада. Колониализм — это форма покорения Западом других культур, интеграции («инкорпорации») их в его мир-систему. И. Валлерстайн справедливо отмечал: «Включение в капиталистический мир-экономике никогда не было инициативой тех, кого туда включали. Скорее данный процесс исходил из потребности мир-экономики в расширении своих рубежей — потребности, которая сама по себе была результатом внутренних воздействий в рамках мир-экономики» (Валлерстайн, 2016, с. 159).

Показательно, что в равной мере кандидатами на «инкорпорацию» в начале «долгого XVI века» были Индийский субконтинент, Османская империя, Российская империя и Западная Африка» (Валлерстайн, 2016, с. 159). Каждый из этих регионов столкнулся с одной и той же угрозой со стороны «мир-экономики», гегемоны которой стремились поставить эти регионы в зависимое положение. Однако реакции на эту угрозу были в каждом случае разные.

Часть стран не-Запада в условиях давления превратилась в колонии. Другая часть вынуждена была адаптироваться, частично вестернизируясь, чтобы выжить и оппонировать самому Западу. Это — Россия, Османская империя, Персия, Япония, Абиссиния в Африке, частично Китай. Как правило, эти страны в самом лучшем случае могли закрепиться на полупериферии глобальной западной мир-системы, не интегрируясь в ядро. Исключением можно назвать Японию после Второй мировой войны, но ценой стал отказ от суверенитета. Согласно И. Валлерстайну (Валлерстайн, 2016, с. 231), в XVIII в. Россия, присоединившись к мир-системе, пошла в ином направлении — пожертвовала возможностью более тесной экономической интеграции в ее ядро ради имперской мощи, сделав выбор полупериферии: либо мощь и суверенитет, либо — (возможное) более высокое место в экономической системе ценой деглобализации.

Лишено смысла использование термина «колониализм» в отношении имперских полупериферийных и периферийных стран, частью которых является «второй мир» (Россия, постсоветское пространство и Китай), если мы понимаем колониализм как политику по инкорпорации незападных стран в мир-систему Запада на подчиненных ролях. Систему, которую называют «империей-субалтерном» (Mogozov, 2015), якобы являющуюся и объектом колониализма для Европы, и субъектом колониализма для подданных, можно описать и в терминах российского представителя мир-системной теории А.И. Фурсова (Фурсов, 1996) через противоречие между функциональной (государство современного типа, бюрократия, финансовая система) составляющей капитализма, вынужденно усваиваемой державой полупериферии, дабы сохранить независимость, и ее субстанциональной (капиталистическое буржуазное гражданское общество) составляющей. Любая полупериферийная держава, если она стремится сохранить политическую самостоятельность, обречена быть «империей-субалтерном», приспособившая под свои нужды функциональную составляющую капитализма, институты современного государства, а сейчас — приспособившаяся к специфике Постмодерна.

Однако следует ли называть подобную форму спасения от прямого колониального подчинения «колониализмом» или утверждать, что такая «периферийная империя» — лишь «колониальное государство» (Кагарлицкий, 2009, с. 247), где европеизированные верхи эксплуатируют низы? Или, как пишет российский публицист Е.С. Холмогоров, имеет смысл рассматривать этот опыт полупериферии как «вхождение в капиталистическую мир-экономику, но не в качестве периферии, меняющей свою систему разделения труда, структуру экономики и т. д. по желанию заказчика, а в качестве консолидированного выгодополучателя, достаточно резистентного (прежде всего военно-политически) по отношению к европейской экспансии»¹⁶. Не будет

¹⁶ Холмогоров Е. С. Очерки Смутного Времени. Очерк второй. Два мира — две системы // Русская народная линия. 18.10.2007. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=24000> (дата обращения: 15.10.2022).

ли такая резистентность примером не колониализма, а чего-то прямо противоположного?

Колониализм — это западный, европейский и американский глобализм на его ранней стадии, коль скоро современная глобальная система есть все та же европейская мир-система Модерна, а не какая-то иная. Трудно не согласиться с утверждением, что «колонизация была основным способом переделать новый мир по европейскому образцу» (Ливен, 2007, с. 500). С этой точки зрения наработки постколониального подхода и концепций «внутреннего колониализма» адекватны, но лишь в тех случаях, когда пытаются критиковать механизмы вестернизации и модернизации, которые сопровождалось разрушением альтернативных «“незападных” систем координат и способов бытия» (Фитуни, Абрамова, 2020, с. 32).

С культурологической точки зрения колониализм можно понимать как субпродукт современной западной цивилизации, которая, как отмечает современный итальянский историк Франко Кардини, поглощена идеями постоянной трансгрессии, отмены всех границ, постоянного расширения, что воплощается как в представлении об истории как бесконечном прогрессе, так и в территориальной, экономической и культурной экспансии¹⁷.

Колониализм и есть Модерн, социокультурная система Нового времени, точнее, одна из форм навязывания остальным западного Модерна как неизбежной судьбы. Колониализм немислим без западного «фаустовского духа», шпенглеровского «человека-хищника», его технического превосходства¹⁸.

Колониализм не отделим и от представлений о цивилизаторской миссии. Одной из важнейших характеристик *Jus Publicum Europaeum* было представление, что «нецивилизованный» народ не мог стать членом

¹⁷ Nieri D. Le esercitazioni NATO nel Baltico sono una minaccia per la Russia. Intervista di Umberto De Giovannangeli // Il blog di Franco Cardini. June 12, 2022. URL: <https://www.francocardini.it/minima-cardiniana-382-2/> (accessed: 15.10.2022).

¹⁸ Шпенглер О. Человек и техника // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3131> (дата обращения: 15.10.2022).

этого международно-правового сообщества (Шмитт, 2008, с. 616). Представления европейцев и американцев о мировой политике в колониальный период строились на иерархизации народов и регионов мира (Hobson, 2012, pp. 8—9), формальным выражением которой стала трихотомия американца Льюиса Моргана («дикость — варварство — цивилизация»). На высшей ступени стояли европейские «белые» «цивилизованные» народы, ниже — азиатские «варварские» «деспотии», еще ниже — «черные» «дикари». Россия, если и рассматривалась как «белая» цивилизованная страна, то все равно располагалась ниже в иерархии, чем, например, Великобритания, Турция — ниже России и т. д. Нетрудно заметить совпадение «варваров» с тем, что в будущем стало «периферией» мир-системной теории, частично — «вторым миром».

С точки зрения западных колониалистов, просвещенные и цивилизованные имели право на вмешательство в дела «дикарей» и «варваров». Не к тому же самому мы вернулись сейчас? «Цивилизация» теперь называется «демократией». «Вмешательство» в дела «демократических стран» непростительно, тогда как сами западные страны обладают правом гуманитарной интервенции или введения санкций ради демократии и «миропорядка, основанного на правилах», принятых узким кругом «цивилизованных» и «демократических стран». Более того, сам концепт «гуманитарной интервенции» исторически развился в Европе и США из расистских и колониалистских идей об оправданности вмешательства в дела «нецивилизованных» стран (Heraclides & Dialla, 2015, pp. 33—56).

Наконец, удивительно мало внимания обращают на самую очевидную геополитическую сторону колониализма. Колонии — это всегда заморские владения. В постколониальных исследованиях этот момент уходит на второй план, вплоть до описания провинций сухопутных империй (или частей метрополии) как колоний. У Эдварда Саида, однако, можно встретить интуицию, что «идея заморского правления, прыжка за пределы соседних территорий» специфична именно для культур Франции, Великобритании и

США. Это отличает их от Российской и Османской империй (Саид, 2012, с. 27, 52). Для Доминика Ливена главное отличие России от морских колониальных империй — «континентальность». Континентальность означает развитие внутри одной «экологической системы» схожего пространства, не сравнимое с открытием по-настоящему новых заокеанских миров. Это экспансия в «мире, который не был по-настоящему новым», а значит, и различия, которые отделяли жителей заморских колоний от метрополии, в континентальной империи не существовали или были выражены менее резко (Ливен, 2007, с. 365).

Основатель британской геополитики Хэлфорд Джон Маккиндер в работе «Демократические идеалы и реальность» ввел два концепта: «точка зрения человека моря» (*seaman's point of view*) и «точка зрения человека суши» (*landman's point of view*) (Mackinder, 1996, p. 38). «Человек моря» видит материк как цепь побережий, которые он стремится осваивать и контролировать извне. Именно так происходила европейская колонизация других континентов. «Человек суши» видит материк изнутри как обширную континентальную массу, к которой принадлежит он сам. С точки зрения геополитики колониализм может быть осмыслен как часть политики морских держав по контролю над сушей, включая контроль над континентальными империями и противодействие им. «Взгляд морской, внешний по отношению к материку, видит береговые территории как потенциальные колонии, как полоски земли, которые можно оторвать от остальной континентальной массы, превратить в базу, в стратегическое пространство», — отмечает российский геополитик Александр Дугин (Дугин, 2000, с. 15).

В этом контексте деколонизация может рассматриваться как усиление континентальных образований, интеграция на континентальном уровне, позволяющая преодолеть политическое, экономическое и военное давление морских держав. Это же может объяснить интерес к континентальной интеграции среди сторонников антиколониальных движений и

сблизить их идеи с интеграционными проектами «второго мира» («Один пояс, один путь», Евразийский экономический союз (ЕАЭС), панафриканские проекты).

Заключение

Постколониальные исследования дают пищу для ума, вскрывая гносеологические механизмы колониализма, гегемонии и доминирования Запада после формального провозглашения независимости бывших колоний. Нельзя не признать, что они ставят острые вопросы о сочетании модернизации и колониальности, модернизации как формы колонизации, «неправильной стороны современности» (Vasiliev, Degterev & Shaw, 2021, p.11). Самый болезненный вызов — попытки интерпретировать политику стран полупериферии в отношении собственных окраин как «колониальную». Ответом на этот вызов должно быть более тщательное рассмотрение проблем колониализма и неоколониализма в ракурсе политэкономии (мир-системная теория), философии, геополитики, исследований

международного права, истории и культурологии. Странам условного «второго мира» необходимо выстраивать свою контргегемонистскую постколониальную теорию. Следует ответить на вопрос о том, насколько опыт «второго мира» уникален и связан с геополитическими и историческими факторами, континентальностью России и Китая (Фурсов, 2001) и спецификой систем власти в обеих странах, а также в какой степени он универсален как ответ на давление колониального Запада и, следовательно, интересен для «третьего мира».

Антиколониальный дискурс может быть полностью научным, если он освободится от болезни левизны — постколониального восприятия любых сложных солидарных систем как репрессивных, любой экспансии и насилия (неизбежных в ходе истории) как «колониализма». У колониализма есть четко выраженная генеалогия и аспекты формирования и трансформации в современный международный порядок, потенциал изучения которых не исчерпан.

Поступила в редакцию / Received: 17.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 21.09.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том III: Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е гг. Москва : Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2016.
- Грамыши А. Тюремные тетради : в трех частях. Ч. 1. Москва : Политиздат, 1991.
- Дугин А. Г. Основы геополитики. Москва : Арктогея, 2000.
- Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. Москва : Алгоритм, Эксмо, 2009.
- Кожев А. «Атеизм» и другие работы. Москва : Праксис, 2006
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950.
- Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. Москва : Европа, 2007.
- Люксембург Р. Накопление капитала. Москва; Ленинград : Соцэргиз, 1934.
- Саид Э. Культура и империализм. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2012.
- Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26—40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>
- Фурсов А. И. Колокола Истории. Москва : ИНИОН РАН, 1996.
- Фурсов А. И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (très-très grand espace dans une très-très longue durée) // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV, № 1—4. С. 15—114.
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва : Новое литературное обозрение, 2013.
- Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge : Polity Press, 2000.

- Bennigsen A.* Colonization and Decolonization in the Soviet Union // *Journal of Contemporary History*. 1969. Vol. 4, no. 1, P. 141—151. <https://doi.org/10.1177/002200946900400110>
- Bhabha H. K.* *The Location of Culture*. London : Routledge, 1994.
- Birru L.* Abyssinian Colonialism as the Genesis of the Crisis in the Horn: Oromo Resistance (1855—1913) // *Northeast African Studies*. 1981. Vol. 2/3, no. 3/1. P. 93—98.
- Brzezinski Zb.* *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York : Basic Books, 1997.
- Casanova P. G.* Internal Colonialism and National Development // *Studies in Comparative International Development*. 1965. Vol. 1, no. 4. P. 27—37. <https://doi.org/10.1007/bf02800542>
- Cox R. W., Sinclair T.* *Approaches to the World Order*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
- Darby Ph., Paolini A. J.* Bridging International Relations and Postcolonialism // *Alternatives: Global, Local, Political*. 1994. Vol. 19, no. 3. P. 371—397. <https://doi.org/10.1177/030437549401900304>
- Foucault M.* The Political Function of the Intellectual // *Radical Philosophy*. 1977. No. 17. P. 12—14. URL: <https://www.radicalphilosophy.com/article/the-political-function-of-the-intellectual> (accessed: 21.09.2022).
- Gladney D. C.* *Dislocating China: Muslims, Minorities, and Other Subaltern Subjects*. London : C. Hurst & Co., 2004.
- Gladney D. C.* Internal Colonialism and the Uyghur Nationality: Chinese Nationalism and its Subaltern Subjects // *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. 1998. No. 25. P. 1—12. <https://doi.org/10.4000/cemoti.48>
- Gramsci A.* *Southern Question*. Toronto, Buffalo, Chicago, Lancaster (UK) : Guernica, 2005.
- Grovogui S. N.* Postcolonialism // *International Relation Theories. Discipline and Diversity / ed. by T. Dunne, M. Kurki, S. Smith*. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 239—255.
- Hassaniyan A., Sohrabi M.* Colonial Management of Iranian Kurdistan; with Emphasis on Water Resources // *Journal of World-Systems Research*. 2022. Vol. 28, no. 2. P. 320—343. <https://doi.org/10.5195/jwsr.2022.1081>
- Hechter M.* *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development*. New Brunswick, N.J. : Transaction Publishers, 1999.
- Heraclides A., Dialla A.* *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester : Manchester University Press, 2015.
- Hobson J. M.* *The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Theory, 1760—2010*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Holcomb B. K., Ibssa S.* *Invention of Ethiopia: The Making of Dependent Colonial State in Northeast Africa*. Trenton, N.J. : Red Sea Press, 1990.
- Khodarkovsky M.* *Bitter Choices. Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 2011.
- Khodarkovsky M.* Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550—1800 // *The Journal of Modern History*. 1999. Vol. 71, no. 2. P. 394—430. <https://doi.org/10.1086/235251>
- Khodarkovsky M.* *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800*. Bloomington : Indiana University Press, 2002.
- Kolartz W.* *Russia and Her Colonies*. Hamden, CT : Archon Books, 1953.
- LeDonne J. P.* Michael Khodarkovsky, Russia's Steppe Frontier // *Cahiers du monde russe*. 2002. Vol. 43, no. 4. P. 763—765. <https://doi.org/10.4000/monderusse.4044>
- Liebich A.* Mensheviks Wage the Cold War // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. 30, no. 2. P. 247—264. <https://doi.org/10.1177/002200949503000203>
- Loomba A.* *Colonialism/Postcolonialism*. London : Routledge, 1998.
- Mackinder H. J.* *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. Washington, DC : NDU Press, 1996.
- Matin K.* Decolonising Iran: A Tentative Note on Inter-Subaltern Colonialism // *Current Anthropology*. 2022. Vol. 63, no. 2. P. 1—4. URL: https://www.researchgate.net/publication/360258068_Decolonising_Iran_A_Tentative_Note_on_Inter-Subaltern_Colonialism (accessed: 15.10.2022).
- Morozov V.* *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London : Palgrave Macmillan, 2015.
- Negash T.* *Eritrea and Ethiopia. The Federal Experience*. Uppsala : Nordiska Afrikainstitutet, 1997.
- San Juan Jr. E.* On the Limits of “Postcolonial” Theory: Trespassing Letters from the “Third World” // *ARIEL: A Review of International English Literature*. 1995. Vol. 26, no. 3. P. 89—115. URL: <https://journalhosting.ucalgary.ca/index.php/ariel/article/view/31422> (accessed: 15.10.2022).

- Schwarz S. M.* Revising the History of Russian Colonialism // *Foreign Affairs*. 1952. Vol. 30, no. 3. P. 488—493. <https://doi.org/10.2307/20030915>
- Shohat E.* Notes on the “Post-Colonial” // *Social Text*. 1992. No. 31/32. P. 99—113. <https://doi.org/10.2307/466220>
- Soleimani K., Mohammadpour A.* Can Non-Persians Speak? The Sovereign’s Narration of “Iranian Identity” // *Ethnicities*. 2019. Vol. 19, no. 5. P. 925—947. <https://doi.org/10.1177/1468796819853059>
- Spivak G. Ch.* Can the Subaltern Speak? // *Marxism and the Interpretation of Culture* / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Urbana, IL : University of Illinois Press, 1988. P. 271—313.
- Spivak G. Ch.* How the Heritage of Postcolonial Studies Thinks Colonialism Today // *Janus Unbound: Journal of Critical Studies*. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 19—29. URL: <https://journals.library.mun.ca/ojs/index.php/JU/article/view/2309/1826> (accessed: 15.10.2022)
- Vasiliev A. M., Degterev D. A., Shaw T. M.* Decolonization, Postcolonialism, Multiple Modernities, and Persistent East — West Divide in African Studies // *Africa and the Formation of the New System of International Relations: Rethinking Decolonization and Foreign Policy Concepts (Advances in African Economic, Social and Political Development)* / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Cham, Switzerland : Springer International Publishing, 2021. P. 1—17. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77336-6_1
- Záhořík J.* Colonial Perspective and Nationalism(s) in Ethiopia in the Context of African Decolonization // *West Bohemian Historical Review*. 2014. Vol. 4, no 1. P. 149—174. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/295567974.pdf> (accessed: 15.10.2022).

Сведения об авторе: Бовдунов Александр Леонидович — кандидат политических наук, ведущий аналитик Международного «Евразийского Движения»; ORCID: 0000-0002-4977-0351; e-mail: alexander.bovdunov@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670

Научная статья / Research article

Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории

И.Д. Лошкарёв

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел
Российской Федерации (МГИМО МИД России), Москва, Российская Федерация
ivan1loshkariov@gmail.com

Аннотация. Постколониальная теория постепенно входит в исследовательский арсенал международных исследователей, хотя пока не представлена достаточно широко в современной международно-политической науке. Важность освоения инструментов и приемов данной теоретической парадигмы или группы родственных парадигм связана как с постепенным отказом от европоцентричного видения глобальной и региональной политической истории, так и с выявлением пространственных и временных особенностей теоретизирования на международные темы. В этой связи необходимо выявить внутренний потенциал постколониальной теории и те онтологические, эпистемологические и методологические особенности этой теории, которые позволят более конкретно применять к международным реалиям имеющиеся в распоряжении данной парадигмы концепты, их интерпретации и заложенные в них причинно-следственные связи. Именно поэтому автором предложены базовые типы постколониальной теории международных отношений, а также раскрыты их узловое методологические принципы, дана оценка своеобразия объекта и цели исследования. На основании интерпретативистских принципов анализа теорий автор производит реконструкцию ключевых онтологических и эпистемологических оснований, особенностей толкования причинно-следственных связей постколониального «стиля мышления». Выделено два основных типа постколониальной теории — постколониализм различия и постколониализм взаимозависимости. Несмотря на сходство в базовом желании освободить научный дискурс от приемов и концептов европоцентричной науки, эти разновидности выстраивания постколониальной исследовательской программы различаются по степени готовности разорвать связи с колониальным прошлым, по требованиям к конечному результату исследования, а также по оценке пространства и социального времени в теоретизировании как таковом. На основе выявленных типов постколониальной теории автор намечает траектории взаимодействия этой парадигмы с другими школами исследования международных отношений, а также предлагает географически разграничить применение этих типов. Таким образом, продемонстрированы неоднородность, аналитический потенциал и адаптивность представленной парадигмы и возможности для более широкого ее применения в современных международных исследованиях.

Ключевые слова: постколониальная теория, постколониализм различия, постколониализм взаимозависимости, международные отношения, бифокальный подход, пограничное мышление

Для цитирования: Лошкарёв И. Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лика теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 659—670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>

© Лошкарёв И.Д., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Postcolonialism in International Studies: Two Faces of Theory

Ivan D. Loshkariov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

ivan1loshkariov@gmail.com

Abstract. Postcolonial theory is gradually entering the research arsenal of international relations, although it is not yet widely represented in modern international political science. The importance of mastering the tools and techniques of this paradigm or a set of relatively close paradigms is associated both with the gradual rejection of the Eurocentric vision of global and regional political history, as well as the identification of spatial and temporal features of theorizing on international issues. In this regard, it is necessary to identify the internal potential of postcolonial theory and those ontological, epistemological and methodological foundations of this theory, which will allow more concrete application of its concepts, interpretations and causalities to international realities. That is why the article attempts to single out the basic types of the postcolonial theory of international relations while revealing their key methodological principles and assessing the originality of the object and purpose of the study. On the basis of the interpretivist principles of the analysis of theories, the author reconstructs the key ontological and epistemological foundations and features of the interpretation of causal relationships in postcolonial way of thinking. The article highlights two main types of postcolonial theory — Postcolonialism of difference and Postcolonialism of interdependence. Despite the similarity in the basic desire to liberate scientific discourse from the techniques and concepts of Eurocentric science, these types of postcolonial thinking differ in the degree of willingness to break ties with the colonial past, in the requirements for the final result of the study, and also in the appreciation of space and social time in theorizing per se. Based on the identified types of postcolonial theory, the author proposes the trajectories of interaction of the theory with other schools of research in international relations, and also identifies geographically limits of these types. Thus, the article demonstrates porousness, analytical potential and adaptiveness of the discussed approaches that makes them more useful for the current IR studies.

Key words: postcolonial theory, Postcolonialism of difference, Postcolonialism of interdependence, international relations, bifocal approach, border thinking

For citation: Loshkariov, I. D. (2022). Postcolonialism in international studies: Two faces of theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 659—670. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-659-670>

Введение

Публикация работы Э. Саида «Ориентализм» (1978) дала мощный импульс переосмыслению роли основных концептов в социальных науках. Поскольку с Нового времени эти науки преимущественно сформировались на Западе, то оказалось, что в них есть существенная доля предрассудков и скрытых репрезентаций, которые отражают особенности развития европейских и североамериканских государств, а также интересы отдельных политических сил и бизнеса (Саид, 2006, с. 314—318). В итоге в академическом дискурсе страны Востока/не-Запада¹ оказались пространством «формирующего за пределами»

¹ Здесь и далее понятия не-Запада и Востока употребляются как синонимичные, хотя включение в «Восток» ряда регионов мира (например, Латинской Америки или Африки) более чем спорно.

го» (*constitutive outside*), которое стало средоточием приписываемых отрицательных черт. Если западным странам придавали в качестве характеристик рациональность поведения, прогресс в развитии и капиталистическую модель экономики, то Востоку на контрасте доставались нерациональность, социальная отсталость и экономическая примитивность. Этот процесс не имел конца, поскольку западные страны могли бравировать этими достижениями тогда и только тогда, когда где-то наблюдалась противоположная ситуация — пусть и приписываемая, конструируемая, расходящаяся с действительным положением дел. То есть вместе с трансформациями на Западе мутировали, менялись и пересобирались способы и язык описания условного Востока/не-Запада (вернее — описание его отставания и маргинализации) (Mitchell, 2000, pp. 7—12). Это нашло отражение

в теориях, подходах и даже методах исследования современных социальных наук, в том числе теории международных отношений.

Основные теоретические школы в исследовании международных отношений не просто отталкиваются от исторического опыта Запада, но и предписывают масштабную программу действий в отношении условного Востока. В частности, современные версии реализма видят опасность для Запада в крупных незападных государствах (Китай, Россия, в меньшей степени Индия) и в сущности воспроизводят риторику поздней Римской империи о сдерживании и периодическом наказании варваров в условиях невозможности победы над ними. Отсюда, вероятно, проистекает концептуальное различие между «великими державами» и «державами-ревизионистами» / «восходящими державами»: первые могут быть только на Западе, а вторые — в не до конца освоенной периферии. Напротив, современные версии либерализма и отчасти конструктивизма занимают по отношению к Востоку патерналистскую позицию, стремятся принести условным варварам «цивилизацию» с помощью изменения политических режимов, усиления экономической взаимозависимости и внедрения общих ценностей. Это находит отражение в тезисах о различной суверенности государств, которая ранжируется от формально-фасадной до эталонной западной. Изменение положения в иерархии суверенности возможно в такой версии только через внутреннее преобразование, «окультуривание». В итоге именно различия в суверенности предопределяют траекторию глобализации, которая «исправляет» и направляет незападные государства по предписываемому маршруту развития (Hobson, 2012, pp. 257—260).

Международные исследования давно столкнулись с проблемой географического дисбаланса в производстве основных концептов и концепций. С тех пор как Стэнли Хоффман провозгласил теорию международных отношений «американской наукой», ситуация не слишком поменялась (Hoffmann, 1977). Несмотря на разнообразные попытки бросить вызов господствующим подходам и теориям,

переосмыслить саму историю международных отношений и историю их изучения в недавнем прошлом, дискурсивные рамки теории во многом остаются неизменными и игнорируют накопление логических и фактических противоречий (Bleiker, 1997).

В этой связи обращение к противоречиям и пересечениям исторического опыта Запада и Востока остается важным направлением исследований. Обращение к постколониальной теории не случайно: именно эта (пусть и аморфная по определению) теория обращается к самой сути процесса географического конструирования, причинам того дисбаланса, который наблюдается в теории международных отношений, как и в других социальных науках. Исходный посыл постколониальной теории — так называемая эмансипация, которая направлена на постепенное устранение культурных иерархий (Алексеева, 2019, с. 544—545). Вместе с тем остается не до конца понятным вопрос, в чем могут состоять возможности развития для постколониальной теории, какие онтологические и эпистемологические обязательства подспудно скрыты в ней самой. Именно такой оценке потенциала постколониальной теории посвящена данная статья.

Проведенный анализ опирается на интерпретативистский подход к исследованию самих теорий. С этой точки зрения постколониальная теория, как и конкурирующие аналитические рамки в международных исследованиях, стремится не просто к формулировке суждений по поводу имеющихся фактов, а к переосмыслению самого процесса теоретизирования, обоснованию предпочтений в пользу одного или нескольких вариантов трактовки причинно-следственных связей (Jackson, 2016, p. 10). В зависимости от этих предпочтений возникают те или иные онтологические и эпистемологические особенности и условия, которые позволяют теории одновременно развиваться и сохранять внутреннюю целостность в условиях прозрачности дисциплинарных и парадигмальных границ в социальных науках.

Две логики постколониальной теории

Признание скрытого неравенства в репрезентации Востока и Запада может подтолкнуть к двум различным логикам рассуждений.

Во-первых, постколониальная теория нередко обращается к «*бифокальному подходу*»: это подразумевает деконструкцию текущих властных отношений, а также формулировку альтернативной «восточной» повестки, «восточного» языка пересборки социальной реальности. В основе «бифокальности» лежит отказ от преимущественного использования европейского исторического опыта, в частности от попыток делать отсылки к Вестфальскому миру 1648 г. (Эльмуратов, 2021, с. 24; Untalan, 2020, р. 41). Без упорядочивающего опыта Запада теоретизирование оказывается в состоянии большей свободы и более открыто для новых концептов и подходов: формирование научных школ осознанно отматывается назад для получения более широкого охвата обновленных теорий. Этот тип постколониализма мы называем «постколониализмом различия».

Во-вторых, постколониальная теория может отказаться от самой логики противопоставления Запада и Востока. Понятие различия подразумевает отдельные закономерности развития, специфичность языка описания и интерпретации событий. Точно так же, как и противопоставление с Западом, аутентичность, которая приписывается Востоку, может подавлять/искажать социальные реальности не меньше, чем постоянная маргинализация в рамках западного дискурса (Booth, 1995). Вполне разумно предположить, что не только Запад как-то конструировал Восток, но и Восток принял деятельное участие в политико-культурном оформлении Запада. Этот процесс заключался не только в переселении из Азии и Африки, но и в адаптации западных стандартов науки и исследования, а также взглядов на политику и шаблонных форматов политических рекомендаций (Bilgin, 2008, pp. 12—14). В сущности это значит, что вместо четкой границы между Западом и Востоком есть взаимозависимый

континуум. То есть с методологической точки зрения перед нами не отрицание западного теоретического нарратива, а поиск точек соприкосновения и взаимного обогащения с восточными политическими подходами, концептами и даже ценностными ориентациями. Такой вариант постколониализма мы называем «постколониализмом взаимозависимости».

Две указанные логики постколониального теоретизирования подразумевают различные представления о социальной онтологии и эпистемологии, в том числе специфическое отношение к социальному времени.

В первом случае Восток представлен как онтологически отдельный исторический субъект или потенциальный субъект, на который должно быть направлено научное познание. В подобной логике деколонизация запустила не просто процесс освобождения государств от политической зависимости, а новый временной отрезок, в котором колониальные отношения используются для интерпретации современности. Безусловно, в зависимости от конкретных реалий отношений метрополий и колонии эти интерпретации будут различаться, но тут важно само временное направление анализа: от прошлого к настоящему (Африка: постколониальный дискурс, 2020, с. 39—40). При этом такая логика рассуждений вполне готова смириться с «расширением» уже имеющихся концептов на исторический опыт Востока хотя бы потому, что без этого невозможно провести деконструкцию властных отношений в научном и политическом дискурсе.

Во втором случае вместо онтологического дуализма появляется холизм: международные отношения видятся в качестве целостности с множествами демаркаций и конфигураций — как временных, так и сравнительно постоянных. Международные отношения, внутренняя политика, трансграничные связи оказываются частью процессов интенсивного горизонтального и вертикального обмена капиталом, идеями, нормативными ориентациями. Этому ответвлению колониального теоретизирования чужда идея фиксированного

пространства и времени: множественность временных соотнесенностей и фрагментарность пространства взаимодействий воспринимаются аксиоматически. Отсюда большое внимание к производству новых концептов, которые более точно описывают эту социальную реальность и не служат воспроизводству иерархических отношений (Barder, 2015, pp. 130—131).

Подавленный постколониальный субъект: постколониализм различия

Если мы всерьез воспринимаем разграничение на Запад и Восток, возникает несколько важных ограничений онтологического и эпистемологического характера.

Во-первых, иерархическое положение государств по отношению друг к другу подразумевает, что существующие нарративы о Западе по определению изменить или устранить сложнее всего. Международные отношения сконструированы на основе европейского и североамериканского опыта, а потому приемлемые практики сложно выстроить на прямом отрицании действующих нормативных рамок (Ивкина, Трусова, Черняев, 2019). Поэтому приходится признать, что с онтологической точки зрения постколониальный субъект, если такового удастся сконструировать, будет все равно ограничен внешними рамками западных международных отношений (Jabri, 2014, pp. 375—379). Проще говоря, даже деконструкция текущего и прошлого доминирования Запада обречена в какой-то момент остановиться, чтобы не утратить искомое.

Во-вторых, «бифокальный подход» предполагает максимальное наступление на антиисторизм теорий международных отношений, предельное насыщение дискуссии о современных глобальных и региональных связях с историческим опытом Востока. В целом обратное движение в сторону «историзма» подразумевает идиографическое обращение к отдельным деталям, специфическим условиям и индивидуальным траекториям, а не к теоретизированию по поводу тенденций, причинно-следственных последовательностей

и паттернов поведения (Hobson & Lawson, 2008). То есть постколониальная история в этом варианте обращает особое внимание на целеполагание и самовосприятие акторов, соотношение случайности и неизбежности. С точки зрения техники исследования речь идет о формировании новой последовательности фактов, привнесении эмоциональных и даже театрально-драматических элементов в изложение содержания событий, а также о работе над «глубиной» теории, а не ее охватом (Roberts, 2006, pp. 707—708). Интересно, что внимание к хронологии и последовательности, по сути, меняет традиционный объект исследования теории международных отношений, поскольку вместо *взаимосвязей* и *акторов* объектом становится само *развитие* международных отношений в конкретном географическом ареале.

Призыв к «историзму», теоретизированию вокруг и в рамках отдельного объекта исследования ведет к проблеме, которую сформулировал еще Ф. Ницше. Обращение к конкретному историческому опыту означает конструирование специфической рациональности, в рамках которой формируются уникальные признаваемые или маргинализируемые практики. Таких рациональностей получается много, поскольку в мире предостаточно регионов мира и отдельных культурных общностей. В условиях подобного плюрализма размывается или даже устраняется сама возможность объективного и точного знания, поскольку в одной системе координат нечто может быть истиной, а в другой системе координат — наоборот, ложью (Jackson, 2016, pp. 134—137). Получается, что вместо общих критериев оценки получаемого знания постколониальная теория подталкивает к анализу практик прошлого на основе установления некоего соответствия между тем, как эти практики воспроизводили и представляли себе непосредственные участники, и тем, как это в итоге сделали ученые. Однако в таком случае базовая предпосылка о бедственном и маргинализованном положении Востока в международно-политическом дискурсе оказывается под существенной угрозой: далеко не в каждой специфической рациональности это

будет истиной. Иными словами, устранение одного эпистемологического препятствия ведет к появлению другого.

Таким образом, с точки зрения познания постколониальных международных отношений требуется сохранить плюрализм результатов (признать наличие разного культурного опыта) и избежать релятивизма (не соглашаться с множественностью путей к истине или даже множественностью истин). Именно поэтому постколониальная теория нацелена не на одно лишь обличение политических интересов, стоящих за доминирующими парадигмами и способами производства знания, а на их постепенное сближение, взаимное признание и комбинацию. Вместо *разделения* знания на «колониальное» и постколониальное предполагается *циркуляция* знания, полученного разными теоретическими школами. Это позволит размыть замкнутость академических институтов, занимающихся теоретизированием на международные темы, и обеспечить признание постколониальной теории как способа производства знания о том, как колониальные отношения деформировали мир и продолжают это делать в наше время (Darby, 2003, pp. 147—154). Проще говоря, академический мейнстрим, с одной стороны, всячески осуждается за антиисторизм, а с другой — оказывается эпистемологическим «якорем», который удерживает альтернативные варианты теорий от перехода в разряд не-науки.

Принципы историзма и нелинейности развития международных отношений при всех сложностях практического внедрения позволяют сконструировать пространственную эпистемологию, в которой постколониальная субъектность обеспечивается за счет исследования взаимного *расположения* с устоявшимся набором признанных акторов (Эльмурадов, 2021, с. 29—31). Это, в свою очередь, ведет к новой глобальной социальной онтологии. В текущих теориях уже есть три уровня маргинализации Востока (не-Запада). То есть одним странам или обществам вообще отказывают в развитии. В отношении других государств отрицается болезненность и насильственность развития по

заимствованным и навязанным образцам. Наконец, считается вторичным возможное влияние на современный мировой порядок тех незападных государств, которые оказались сравнительно успешными в развитии по западному образцу. Однако вместо того, чтобы «схлопнуть» или побороть эти уровни маргинализации, по сути, «бифокальный» подход предлагает разбивать их на новые подуровни и придавать им разную направленность. Социальное, политические и дискурсивное неравенство оказывается в какой-то мере желательным, поскольку именно оно обеспечивает различия. Пока такие различия существуют и воспроизводятся, маргинализируемый Восток оказывается субъектным в силу разнонаправленности развития по сравнению с Западом и в той мере, в которой эти различия осознаются в конкретных государствах (Matin, 2013, pp. 354—355, 366—368). Тем самым происходит своеобразная научная и культурная «деколонизация» Востока, субъектность позиционируется как «опция», а не иерархическое преимущество (Тлостанова, 2020).

Хотя искомая субъективность Востока оказывается неоднородной и ограниченной нарративами о конкретных обстоятельствах социальной, культурной и политической жизни восточных государств, постколониальная теория с помощью «бифокального» подхода разрушает пассивную однородность международных отношений и дает множество оснований для пересмотра телеологии демократического транзита, экономической модернизации и глобализации. При этом на уровне эпистемологии получаемое знание оказывается возможным только за счет постоянного диалога с доминирующими теориями.

Признание ограничений онтологического и эпистемологического характера, как ни парадоксально, позволяет теоретизировать в постколониальном ключе. Ценность такого теоретизирования не в открытии каких-то общих законов развития и не в уточнении деталей о целых классах явлений. Напротив, такое теоретизирование порождает целостные повествование о конкретных явлениях и узких проблемных областях, которые

нередко не имеют аналога (Jackson, 2016, pp. 168—170). Однако подобный подход позволяет посмотреть, какие факторы оказались решающими при том или ином тектоническом сдвиге в международных ситуациях и какие альтернативные варианты развития событий имелись. Для Востока/не-Запада это означает не только внутреннюю множественность и многофакторность, но и значительный перевес по части неисследованных альтернатив и необходимых исторических изысканий, поскольку история Востока хронологически значительно превосходит европейскую.

Континуум постколониальной взаимозависимости

Вполне возможно выстраивать и исследовать идентичность без отрицания и принципиального противопоставления в отношении Другого. В сущности, колониализм не только породил классификацию неравенства в мире, но и географически распределил полученное неравенство. На основе этой классификации сформулированы определенные представления о способах и возможности познания социального мира, которые эксплуатировали противоречия между локальным опытом и европоцентричными «глобальными» правилами. Если колониальный опыт построен на разграничении и отрицании «развитости» и самодостаточности культуры и политической жизни Востока, то постколониальная теория должна всячески избегать такого разграничения и отрицания. Тем самым происходит отказ от рассуждений о недостатке, отсутствии или даже небытии каких-то заданных характеристик в незападных обществах (Mbembe, 2001, pp. 5—7). Отсюда необходимость преодолеть традиционную эпистемологию, дисциплинарные границы и дистанцию между познаваемым и познающим.

В. Миньоло назвал такой подход «пограничным мышлением» (*border thinking*), то есть принципиальной ориентацией исследователя на формирование междисциплинарных пространств, применение герменевтики (а не

более строгих позитивистских методологических подходов) и выстраивание исследовательской логики от фактов, а не от противоположного (на отрицании западного исторического опыта) (Mignolo, 2012, pp. 9—18). По сути, «пограничное мышление» подразумевает, что нам доступны далеко не все факты о Востоке, и есть большое число различных скрытых обстоятельств и причинно-следственных механизмов, которые еще только предстоит выявить. Если маргинализация Востока в дискурсе и распространенных глобальных институтах очевидна, то эпистемологическое неравенство предопределяет множество совершенно неочевидных форм колониального наследия и его воспроизводства.

В рамках «пограничного мышления» подвергается сомнению не только действительность противопоставления Востока и Запада, но и общепринятое деление истории на досовременную, современную и постсовременную. В этом делении подспудно присутствуют стадильность и убеждение, что все уголки мира последовательно прошли или пройдут эти стадии. Однако в реальности вместо «обязательных» этапов развития и «времени большой длительности» (*la longue durée* Ф. Броделя) исторические взаимосвязи характеризуются гибридность, смешением противоположностей и ситуативностью: схематические стадии и циклы оказываются аналитическими конструктами, которые подавляют временную разнонаправленность событий и процессов. Поэтому вместо модерна и постмодерна предлагается выделить особый период истории — трансмодерн², который характеризуется неопределенностью, неустойчивостью и сочетанием несочетаемого (Павлов, 2021, с. 176—198). Альтернативный вариант — тезис о множественности модерна (*multiple modernities*), то есть об утрате содержательного единства западного политико-экономического проекта (Dirlik, 2003). В сущности, различия концептов трансмодерна и множественного модерна — стилистические, а не смысловые.

² Термин ввел аргентинский философ Э. Дюссель.

Аналогично и социальное пространство в постколониализме взаимозависимости оказывается транслокальным, а не четко разделенным на локальное и глобальное. Как писал П. Гилрой, пространство оказывается глобальным по охвату, но не по содержанию. Постколониальная теория не видит важности в разделении мира на суверенные территории государств, а значит, глобальный охват не связывает какие-то конкретные единицы, а обозначает ограниченность социальной и политической деятельности со стороны природы (биосферы) (Gilroy, 2004, pp. 80—84). Кроме того, локального в мире также не остается, поскольку в условиях трансмодерна ему не может быть противопоставлена какая-то конкретная пространственная иерархия.

Понятия трансмодерна и транслокальности, безусловно, не получили однозначного одобрения со стороны всех постколониальных теоретиков. Однако эти концепты точно обозначают суть двух основных тезисов постколониальных исследований.

Во-первых, в самой Европе было несколько путей перехода к модерну и колониализму, что означает принципиальную неоднородность и несводимость к общему знаменателю способов маргинализации и языков описания условного Востока/не-Запада (Hall & Hobson, 2010).

Во-вторых, внутри самого Востока/не-Запада изначально были государства, которые выбрали сложный путь имитации и заимствования мнимых и реальных достижений Запада. Кроме того, существовали государства и политические единицы Востока, которые исчезли или проиграли в борьбе с западными колонизаторами, то есть были замещены европейским модерном. Все эти государства в какой-то степени разделяют ответственность за глобальное неравенство и саму ситуацию маргинализации Востока (Zarakol, 2011, pp. 38—45, 54—56).

Множественность неявных форм европоцентризма и упорядочивания вынуждает совершенно иначе посмотреть на объект международных исследований. Взаимное переплетение различных процессов и влияний подразумевает холистскую социальную

онтологию, в которой все оказываются частью единой сложной реальности. Государства, социальные группы, коммерческие предприятия в этой онтологии по определению не могут быть обособленными и единичными акторами. Данные единицы отражают определенный коллективный опыт, воспроизводятся и становятся частью повседневной жизни через институциональные практики. Однако во многом это результат внешнего приписывания каких-то характеристик коллективам, а также усвоения (в форме отторжения или принятия) приписываемых черт (Vieira, 2018, pp. 145—151). Таким образом, в качестве объекта исследования постколониализм взаимозависимости видит реакцию коллективных общностей Запада и не-Запада на трансмодерн и транслокальность, множественность пространственных и временных разнонаправленных воздействий.

Поскольку каждый исследователь, очевидно, не сможет учесть реагирование на все внешние факторы, а число возможных социальных единиц сравнительно велико, перед постколониализмом взаимозависимости остро встает «проблема ученых» (или «проблема выборки и рефлексивности»). В сущности, речь идет о том, насколько отбираемые исследователями акторы и внешние влияния оказываются результатом научного поиска, а не личных или политических предпочтений. Внешние условия влияют не только на объект исследования, но и на исследователя, а потому непонятно, должен ли исследователь находиться внутри или вне маргинализируемой социальной единицы, чтобы провести более продуктивную научную работу. П. Джексон полагает, что эта проблема снимается, во-первых, четким обозначением собственной социальной и политической принадлежности исследователя, а во-вторых, максимальным охватом возможных альтернатив реагирования (Jackson, 2016, pp. 185—204).

«Проблема ученых» фиксирует, что в постколониальной теории (как минимум в постколониализме взаимозависимости) признается не только маргинализация не-Запада/Востока исторически и дискурсивно, но и наличие каких-то скрытых форм и структур

его взаимоотношений с Западом (трансфактичность). При всей востребованности количественных методов (Дегтерев, 2019) эпистемологически такая позиция обозначает принципиальную ориентацию на качественные методы исследования, интерпретацию и объяснение фактов, а не их фиксацию. В случае постколониализма взаимозависимости полученные результаты исследования обречены на определенную субъективность. Однако здесь это скорее преимущество, которое повышает наше осознание существующих проблем и противоречий. Более того, у постколониальной теории в данном случае есть уникальная возможность опереться на аргумент, что стандарты науки и объективного знания представляют продукт колониализма и маргинализации не-Запада, то есть нуждаются в переосмыслении и деконструкции. То есть постколониализм взаимозависимости во многом тяготеет к рефлексивистской методологии, которая пробивает себе путь в международных исследованиях с конца 80-х гг. XX столетия (Hamati-Ataya, 2013).

Два лика теории

Один из ранних постколониальных теоретиков Х. Баба отмечал, что идея превращения всего мира в исследовательский проект неизбежно будет вести к бурным и не всегда обоснованным разногласиям и разделением, к «шизоидной фрагментации». Однако именно в таком проекте заложен потенциал появления чего-то нового в социальных и политических науках (Bhabha, 1994, pp. 216—217). Постколониальная теория стремится преодолеть ограничения доминирующих исследовательских школ, а потому какие-то линии разделения и внутри самой этой теории неминуемы.

Представленные различия постколониальной теории в реальности несколько менее выпуклые и отчетливые, поскольку теория непрерывно продолжает развиваться. Более того, постколониальная теория намного более чувствительна к географическому положению исследуемого и исследователя, а потому отражает разный исторический и социальный опыт, максимально сопротивляется обобщениям

на свой счет. Однако отчетливое разграничение внутри постколониальной теории позволяет начать прагматичный разговор о ее сближении с другими парадигмами и диалоге по онтологическим и эпистемологическим проблемам, а также перспективах применимости постколониальной аналитической призмы.

Основные черты постколониализма различия и постколониализма взаимозависимости обусловлены несходствами онтологического характера (табл. 1). Постколониализм различия предполагает дуальную социальную онтологию, в которой Запад четко разграничен с Востоком и не подвержен какому-либо серьезному его влиянию. В этой связи основной задачей исследования становится «открытие» Востока, разрушение искусственной европоцентричной однородности международных отношений и науки о них. Отсюда — озабоченность будущим, той траекторией развития, которую выберет Восток. Напротив, постколониализм взаимозависимости уже не видит в мире никакой однородности и даже отказывается отождествлять международные отношения с межгосударственными. Несмотря на фрагментарность и разнородность, явления и процессы все-таки тесно связаны и обусловлены (онтологический холизм). Поэтому изучение Востока оказывается не столько исправлением многовековой несправедливости, сколько осмыслением роли и места конкретных единиц в сложном переплетении социальных и политических взаимосвязей, что означает погруженность в настоящее, отказ от каких-то усилий по прогнозированию и предвидению.

Постколониальная теория едина в том, чтобы рассматривать не всю международно-политическую реальность, а лишь сравнительно небольшие ее фрагменты. Более того, постколониализм подразумевает логическую инверсию в теории международных отношений: бывшие периферии оказывались в центре внимания, бывшие герои — десакрализованы, сообщества-«молчуны» — начинают повествование своей истории (Африка: постколониальный дискурс, 2020, с. 86—87). Однако на практике это может означать совер-

шенно разные цели исследования. Несколько упрощая, отметим, что постколониализм различия нацелен на изучение развития и в конечном итоге пытается ответить на вопрос «Кто виноват?» и каковы обусловленные прошлым пути развития обществ Востока. В свою очередь, постколониализм взаимозависимости не ищет способов переключивания исторической ответственности и перебирает альтернативы в поисках ответа на вопрос «Что делать?».

Таблица 1

Два основных типа постколониальной теории в международных исследованиях

Критерий	Постколониализм различия	Постколониализм взаимозависимости
Онтологические основания	Дуализм: Восток и Запад — это отдельные социальные реальности, сформированные отношениями маргинализации	Холизм: Восток и Запад взаимно сконструированы в ходе международной коммуникации. Этот процесс продолжается
Эпистемологические основания	Феноменализм: Знание о Востоке маргинализировано, но полностью доступно	Трансфактичность: Знание о Востоке маргинализировано и недоступно во всей полноте
Методологические принципы	— Историзм; — межпарадигмальный диалог; — многоуровневость субъектности/акторности; — нелинейность развития	— «Пограничное мышление»; — условность субъектности/акторности; — нелинейность времени и пространства
Эпистемологические и методологические проблемы	Проблема релятивизма — относительности базовых посылок постколониальной теории	Проблема ученых — относительность результатов постколониальной теории
Отношение к социальному времени	Постмодерн как устранение ошибок прошлого	Трансмодерн как состояние «текущей» переходности
Цель исследования	Анализ конкретной ситуации в развитии	Анализ внешних условий и реакции на них
Конечный продукт	Аналитический нарратив	Выявление возможных альтернатив реакции акторов/социальных единиц

Источник: составлено автором.

В отечественной международно-политической науке пока не уделяется большое внимание постколониальным теориям, что во многом обусловлено особым положением России/СССР в мире (ядерная держава, государство — основатель ООН и т. д.). Однако Россия, как и многие государства Востока/не-Запада, нуждается в более осмысленном анализе собственной роли и перспектив в современных международных отношениях, своей международной идентичности и идентичности государств-соседей. В истории взаимоотношений Москвы/Санкт-Петербурга с миром немало темных пятен и замалчиваемых фрагментов, которые нуждаются в интерпретации и включении в общую дискуссию о направленности и долгосрочных целях российской внешней политики.

С этой точки зрения постколониальные теории позволяют не просто вести споры о фактах и их трактовках, а о том, что же такое все-таки современная Россия — часть Запада или устойчивый не-Запад, дискурсивное «формирующее запредельное» или онтологически обособленная социальная единица с собственной траекторией развития. Это имеет последствия и для осмысления перспектив развития всего постсоветского пространства. Грубо говоря, политику многовекторности Молдовы или Казахстана можно представить как попытку разрушить особую социальную реальность, выстроенную Россией, или как естественный процесс появления новых уровней взаимодействия, часть из которых выводит постсоветские страны за пределы привычных географических и темпоральных рамок. Если в западной политической аналитике существует сравнительное единомыслие по отношению к этим развилкам, то российские международники, работая в постколониальной логике, вполне могут предложить свои контраргументы или даже сформулировать альтернативные оценки происходящего. Представляется, что постколониализм различия в большей степени подходит для этого.

Заключение

Проанализированные разновидности постколониальной теории имеют большой потенциал для применения. Постколониализм

различия по своим онтологическим и эпистемологическим основаниям достаточно близок к конструктивизму и вполне может обогатить эту теоретическую школу. Синтез такого постколониализма и конструктивизма имеет потенциал в сфере исследования закономерностей и особенностей развития макрополитической идентичности, плотности и протяженности социального времени (темпоральности) в конкретных географических ареалах. Напротив, постколониализм взаимозависимости ближе к остальным критическим теориям — феминистским, расовым, постмарксистским. Рефлексивистская методология, свойственная этим школам теории международных отношений, позволяет более подробно оценить состояние структур упорядочивания и воспроизводства иерархических отношений (экономических, политических, культурных).

С географической точки зрения постколониализм различия, вероятно, более подходит для исследования тех регионов и стран, в отношении которых наблюдается амбивалентность, отсутствие четкого разграничения с Западом. На контрасте по отношению с онтологическим Другим анализ стран не-Запада может дать важные наблюдения о глубинных причинах их международных успехов и неудач, особенностей их внешнеполитической

идентичности и военно-политической мысли. Это касается, в частности, постсоветского пространства, некоторых стран Северной Африки и Латинской Америки.

Напротив, постколониализм взаимозависимости, скорее, подходит для регионов и государств, которые совершенно точно прошли колониальный период истории и теперь ищут свой собственный (пусть и не без заимствований) вариант развития. Эта тонкая и нюансированная разновидность постколониальной теории может удержать исследователей от ненужной апологии доколониального прошлого и разного рода перекосов в исследовательском интересе (радикальных версий афроцентризма, исламоцентризма и т. д.).

В целом постколониальная теория в международных исследованиях имеет потенциал не только для объединения усилий со смежными парадигмами. Смещение онтологических и эпистемологических оснований двух представленных разновидностей вполне может дать новую версию постколониализма, которая смогла бы, например, объединить в себе онтологический дуализм и трансфактичность. Можно предположить, что мы находимся на пороге появления постколониальной теории нового поколения, которая уже ждет своего исследователя.

Поступила в редакцию / Received: 11.03.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 08.10.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. Москва : Аспект Пресс, 2019.
- Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. Москва : Институт Африки РАН, 2020.
- Дестерев Д. А. Второй большой спор в контексте становления российской науки о международных отношениях // *Международные процессы*. 2019. Т. 17, № 2. С. 43—63. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.2.57.3>
- Ивкина Н. В., Трусова А. А., Черняев М. С. Китайский подход к концепции «американской исключительности» // *Международные отношения*. 2019. № 4. С. 14—24. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.4.31447>
- Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теория объясняют наше время. Москва : Дело, 2021.
- Сауд Э. Ориентализм. Москва : Русский Мир, 2006.
- Глостанова М. В. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 1 (161). С. 66—84.
- Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. Т. 14, № 3. С. 23—38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-3-78-23-38>

- Barder A.* Empire Within: International Hierarchy and Its Imperial Laboratories of Governance. London : Routledge, 2015.
- Bhabha H. K.* The Location of Culture. London : Routledge, 1994.
- Bilgin P.* Thinking past ‘Western’ IR? // *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29, no. 1. P. 5—23. <https://doi.org/10.1080/01436590701726392>
- Bleiker R.* Forget IR Theory // *Alternatives: Global, Local, Political*. 1997. Vol. 22, no. 1. P. 57—85.
- Booth K.* Human Wrongs and International Relations // *International Affairs*. 1995. Vol. 71, no. 1. P. 103—126.
- Darby P.* Reconfiguring “the International”: Knowledge Machines, Boundaries, and Exclusions // *Alternatives*. 2003. Vol. 28, no. 1. P. 141—166.
- Dirlík A.* Global Modernity? Modernity in an Age of Global Capitalism // *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6, no. 3. P. 275—292. <https://doi.org/10.1177/13684310030063001>
- Gilroy P.* After Empire: Melancholia or Convivial Culture? London : Routledge, 2004.
- Hall M., Hobson J. M.* Liberal International Theory: Eurocentric but Not Always Imperialist? // *International Theory*. 2010. Vol. 2, no. 2. P. 210—245. <https://doi.org/10.1017/S1752971909990261>
- Hamati-Ataya I.* Reflectivity, Reflexivity, Reflexivism: IR’s ‘Reflexive Turn’ — and Beyond // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19, no. 4. P. 669—694. <https://doi.org/10.1177/1354066112437770>
- Hobson J. M.* The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760—2010. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Hobson J. M., Lawson G.* What is History in International Relations? // *Millennium*. 2008. Vol. 37, no. 2. P. 415—435. <https://doi.org/10.1177/0305829808097648>
- Hoffmann S.* An American Social Science: International Relations // *Daedalus*. 1977. Vol. 106, no. 3. P. 41—60.
- Jabri V.* Disarming Norms: Postcolonial Agency and the Constitution of the International // *International Theory*. 2014. Vol. 6, no. 2. P. 372—390. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000177>
- Jackson P. T.* The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics. London : Routledge, 2016.
- Matin K.* Redeeming the Universal: Postcolonialism and the Inner Life of Eurocentrism // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19, no. 2. P. 353—377. <https://doi.org/10.1177/1354066111425263>
- Mbembe A.* On the Postcolony. Berkeley : University of California Press, 2001.
- Mignolo W. D.* Local Histories / Global Designs. Princeton : Princeton University Press, 2012.
- Mitchell T.* Questions of Modernity. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2000.
- Roberts G.* History, Theory and the Narrative Turn in IR // *Review of International Studies*. 2006. Vol. 32, no. 4. P. 703—714. <https://doi.org/10.1017/S0260210506007248>
- Untalan C. Y.* Decentering the Self, Seeing Like the Other: Toward a Postcolonial Approach to Ontological Security // *International Political Sociology*. 2020. Vol. 14, no.1. P. 40—56. <https://doi.org/10.1093/ips/olz018>
- Vieira M. A.* (Re-)imagining the ‘Self’ of Ontological Security: The Case of Brazil’s Ambivalent Postcolonial Subjectivity // *Millennium*. 2018. Vol. 46, no. 2. P. 142—164. <https://doi.org/10.1177/0305829817741255>
- Zarakol A.* After Defeat: How the East Learned to Live with the West. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.

Сведения об авторе: Лошкарёв Иван Дмитриевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России; научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0002-7507-1669; e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687

Обзорная статья / Review article

Советские исследования неокOLONИализма

С.А. Бокерия¹ , А.С. Давидчук¹ , Д.А. Дегтерев^{1,2} , И.Р. Дубровский¹ ,
Е.В. Журавлева¹ , А.В. Енокян¹ , Н.В. Ивкина¹ , М.А. Никулин¹ ,
Ныгусие В.М. Кассае¹ , М.А. Шпаковская¹

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

degterev-da@rudn.ru

Аннотация. Проведен обзор советских и переведенных на русский язык восточногерманских исследований неокOLONИализма. В общей сложности проведено системное изучение более 60 работ по проблематике западного неокOLONИализма, объединенных в электронный архив, специально созданный авторами данной работы в Российском университете дружбы народов. Опираясь на материалы советских исследований, авторы выявляют основные особенности западного неокOLONИализма, связанные как с политическими маневрами, так и экономическим арсеналом бывших метрополий. Представлен подробный анализ нарративов, используемых западными странами для подчеркивания своей близости к «третьему миру». Особое внимание уделено неокOLONИалистским теориям, как «адресованным развивающимся странам вариантам общеизвестных буржуазных и реформистских концепций», так и «концепциям и теориям, специально созданным для поддержки неокOLONИализма». НеокOLONИальные подходы исследуются как в разрезе отдельных западных стран и групп стран (Великобритания, Франция, Федеративная Республика Германия (ФРГ), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), США), так и по функциональным сферам (техническая помощь, продовольственный неокOLONИализм, международные организации). Применительно к Великобритании исследуются различия в неокOLONИальной политике между лейбористами и консерваторами. Описаны также основные инструменты неокOLONИальной политики Франции и сделан вывод об их практической неизменности на протяжении последних десятилетий. Показана роль ФРГ в стратегии «европейского неокOLONИализма», а также выделены основные особенности неокOLONИальной политики ЕЭС. В случае США авторы выявляют черты империалистического колониализма нового типа, связанного с американским лидерством в институтах «коллективного Запада». Показаны истоки и «обкатка» неокOLONИального инструментария США на примере реального колониального опыта на Филиппинах. Представлены основные направления критического анализа участия западных стран в системах технической и продовольственной помощи, а также в деятельности международных организаций. В заключении делается вывод о практической составляющей советских исследований неокOLONИализма. Также отмечается, что в середине 1980-х гг. после принятия положений «нового политического мышления» объем советских исследований неокOLONИализма существенно снизился.

Ключевые слова: СССР, Африка, неокOLONИализм, международная помощь, коллективный неокOLONИализм, подготовка кадров, продовольственный неокOLONИализм, деколонизация

Вклад авторов: введение, особенности западного неокOLONИализма, заключение — Д.А. Дегтерев; Великобритания — И.Р. Дубровский; Франция — А.С. Давидчук; Западная Германия — М.А. Никулин; ЕЭС: коллективный неокOLONИализм — Н.В. Ивкина; США — М.А. Шпаковская, Ныгусие В.М. Кассае; техническая помощь — Е.В. Журавлева; продовольственный неокOLONИализм — С.А. Бокерия, Ныгусие В.М. Кассае; международные организации — А.В. Енокян.

© Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Дубровский И.Р., Журавлева Е.В., Енокян А.В., Ивкина Н.В., Никулин М.А., Кассае Ныгусие В.М., Шпаковская М.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бокерия С. А., Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Дубровский И. Р., Журавлева Е. В., Енокян А. В., Ивкина Н. В., Никулин М. А., Кассая Ныгусие В. М., Шпаковская М. А. Советские исследования неокOLONиализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 671—687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>

Soviet Studies of Neocolonialism

Svetlana A. Bokeriya¹ , Anna S. Davidchuk¹ , Denis A. Degterev^{1,2} ,
Ivan R. Dubrovskiy¹ , Evgeniya V. Zhuravleva¹ , Artem V. Enokyan¹ ,
Natalia V. Ivkina¹ , Maxim A. Nikulin¹ , Nigusie W.M. Kassaye¹ ,
Marina A. Shpakovskaya¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

² MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 degterev-da@rudn.ru

Abstract. The article reviews Soviet and East German studies of neocolonialism that have been translated into Russian. A total of more than 60 monographs on Western neocolonialism have been systematically studied and finally compiled into an electronic archive in preparation for this publication. Based on the materials of Soviet studies, the article presents the main features of Western neocolonialism, related both to political manoeuvres and the economic arsenal of the former metropolitan powers. A detailed analysis of the narratives used by Western countries to emphasize their proximity to the “Third World” is given. Particular attention is paid to neocolonial theories, both “variants of well-known bourgeois and reformist concepts addressed to developing countries” and “concepts and theories specially created to support neocolonialism.” Neocolonial approaches were studied both in the context of individual Western countries and groups of states (Great Britain, France, Germany, the European Economic Community (EEC), USA) and by functional areas (technical assistance, food neocolonialism, international organizations). Regarding the UK, the differences in neocolonial policy between Labor Party and Conservatives are examined. The main instruments of France’s neocolonial policy are described and it is concluded that they have hardly changed in recent decades. The role of the FRG in the strategy of “European neocolonialism” is shown, and major characteristics of the neocolonial policy of the EEC are highlighted. With regard to the, authors speak of a new type of imperialist colonialism associated with American leadership in the institutions of the “collective West.” As for the United States, a new type of imperialist colonialism is being put forward, associated with America’s leadership in the institutions of the “collective West.” The origins and “running-in” of the US neocolonial tools are shown in detail, using the actual American colonial experience in the Philippines as an example. The main directions of critical analysis of the participation of Western countries in technical and food aid systems and in the activities of international organizations are presented. In conclusion, some remarks are formulated on the practical component of Soviet studies of neocolonialism. It is also stressed that in the mid-1980s, after the proclamation of the “New Political Thinking” the critical degree of Soviet studies of neocolonialism declined significantly.

Key words: USSR, Africa, neocolonialism, foreign aid, collective neocolonialism, personnel training, food neocolonialism, decolonization

Author contributions: Introduction, Features of Western Neocolonialism, Conclusion — *D.A. Degterev*; United Kingdom — *I.R. Dubrovskiy*; France — *A.S. Davidchuk*; West Germany — *M.A. Nikulin*; European Economic Community: Collective Neocolonialism — *N.V. Ivkina*; United States — *M.A. Shpakovskaya*, *Nigusie W.M. Kassae*; Technical Assistance — *E.V. Zhuravleva*; Food Neocolonialism — *S.A. Bokeriya*, *Nigusie W.M. Kassae*; International Organizations — *A.V. Enokyan*.

For citation: Bokeriya, S. A., Davidchuk, A. S., Degterev, D. A., Dubrovskiy, I. R., Zhuravleva, E. V., Enokyan, A. V., Ivkina, N. V., Nikulin, M. A., Kassaye, Nigusie W. M., & Shpakovskaya, M. A. (2022). Soviet studies of neocolonialism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 671—687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>

Введение

В Университете дружбы народов, в 1961—1992 гг. носившем имя Патриса Лумумбы, традиционно большое внимание уделялось критическим исследованиям стран Азии, Африки и Латинской Америки (Дегтерев, 2021). Одним из ведущих советских экспертов в области французского неокOLONIALИЗМА был заведующий кафедрой теории и истории журналистики РУДН Е.Г. Коренчук (1942—2007 гг.)¹. Ведущим отечественным библиографом П. Лумумбы является профессор РУДН Л.В. Пономаренко (2010).

В феврале 2020 г. в РУДН была проведена X Международная научная конференция «Африка в контексте формирования новой системы международных отношений» на тему «Прошлое, настоящее и будущее африканского континента (к 60-летию Года Африки)» с очным участием ведущих западных критических исследователей отношений Север — Юг Я. Тэйлора, П. Кармоди, П. Бонда и др.² Материалы данной конференции представлены в специальном выпуске данного журнала за 2020 г. «Деколонизация, неокOLONIALИЗМ и реколонизация: к 60-летию Года Африки» (Carmody, 2020), а также в монографии, изданной в одном из ведущих издательств мира (*Africa and the Formation of the New System of International Relations*, 2021).

Два с половиной года спустя, в сентябре 2022 г., в РУДН прошел методический семи-

нар кафедры теории и истории международных отношений на тему «Советские исследования неокOLONIALИЗМА», итоги которого переосмыслены в данной обзорной публикации с одноименным названием. Во время подготовки к мероприятию был сформирован электронный архив, состоящий более чем из 60 работ советского периода, посвященных проблематике западного неокOLONIALИЗМА³.

В ходе семинара были рассмотрены как особенности неокOLONIALИЗМНОЙ политики отдельных западных стран и организаций (Великобритании, Франции, Федеративной Республики Германия (ФРГ), Европейского экономического сообщества (ЕЭС), США), так и отдельные функциональные сферы (подготовка кадров, техническая помощь, продовольственная помощь и т. д.). Эта логика легла в основу данной работы, каждый из авторов которой специализировался на одном из аспектов неокOLONIALИЗМА. Данная статья призвана дополнить немногочисленный список современных трудов, посвященных советским исследованиям неокOLONIALИЗМА (Сироткина, 2020; Сироткина, Альпидовская, 2020).

Особенности западного неокOLONIALИЗМА

Развивая классические подходы к оценке неокOLONIALИЗМА (Nkrumah, 1965), советские исследователи делали особый акцент на политических маневрах (Критика идеологии и политики неокOLONIALИЗМА, 1984) и экономическом арсенале бывших метрополий (Зименков, 1985). Еще на этапе подготовки к предоставлению независимости странам Азии и Африки на ответственные посты в местных администрациях назначались специально подготовленные «выходцы из реакционных кругов», а также иностранные советники.

³ Электронный архив доступен по адресу: URL: <https://ir.rudn.ru/ru/databases/studies-of-neo-colonialism>

¹ Коренчук Е. Г. Французский неокOLONIALИЗМ в Тропической Африке (1958—1972 гг.) : учебное пособие. Москва : УДН, 1981. См. также: (Коренчук, 1979).

² X Международная научная конференция «Африка в контексте формирования новой системы международных отношений» на тему «Прошлое, настоящее и будущее африканского континента (к 60-летию Года Африки)» // РУДН. 17.03.2020. URL: <https://www.rudn.ru/media/news/nauka/x-mejdunarodnaya-nauchnaya-konferenciya-afrika-v-kontekste-formirovaniya-novoy-sistemy-mejdunarodnyh-otnosheniy-na-temu-proshloe-nastoyashchee-i-budushchee-afrikanskogo-kontinenta--k-60-letiyu-goda-afriki> (дата обращения: 07.10.2022).

Отмечалась ведущая роль западных стран в организации «реакционных заговоров» и государственных переворотов в целом ряде вновь созданных стран, а также в устранении последовательных борцов за национальную свободу.

Вместе с тем в духе доктрины «перехвата социальной революции» А. Даллеса, сформированной в 1960-е гг., капиталистические страны могли продвигать сильного лидера для стабилизации угодных им политических режимов в отдельных странах. Нередко отмечалась реакционная роль армии, выступающей в качестве «опорного пункта» неоколониализма в целом ряде стран (военные перевороты в Ираке (1958 г.), Йемене (1962 г.), Бразилии (1964 г.), Перу (1968 г.), Боливии (1971 г.), Гане (1971 г.), Чили (1973 г.)). Схожую функцию выполняли некоторые сотрудники государственного аппарата, представители высшей бюрократии, а также политических партий (Кива, Тарабрин, 1976, с. 11—12).

Формула «разделяй и властвуй» применялась бывшими метрополиями для разжигания межгосударственных конфликтов в Азии, Африке и Латинской Америке, и здесь наглядным примером служат индо-пакистанские столкновения в 1947—1948, 1965 и 1971 гг. По мнению советских экспертов, буржуазная пропаганда допускала критику отдельных западных государств со стороны освободившихся народов, если при этом не затрагивались проблемы мировой системы капитализма в целом, то есть «коллективного Запада» (Кива, Тарабрин, 1976, с. 10). Схожие моменты наблюдаются в отношении текущей критики политики Франции в зоне Сахеля (Давидчук, Дегтерев, Сидибэ, 2022).

В освободившихся странах широкое распространение получал дискурс о размывании традиционного суверенитета «в современную эпоху», а установление контроля над молодыми государствами идеологически обуславливалось теориями «взаимозависимости» и «взаимодополняемости», а также другими «неоколониалистскими формулами». Советскими экспертами был проведен подробный анализ нарративов, используемых западными

странами с тем, чтобы подчеркнуть свою близость к «третьему миру». Так, бывшие британские колонии объединились в Содружество наций, а французские — во франко-африканское сообщество. США подчеркивали, что являются «естественным партнером» освободившихся стран, так как в свое время сами были колонией европейских держав, вследствие чего США выступали за укрепление афро-американских отношений «без посредничества или вмешательства бывших метрополий» (Кива, Тарабрин, 1976, с. 13).

Япония и ФРГ обосновывали свою общность с бывшими колониями, подчеркивая свою зависимость от победителей во Второй мировой войне из числа бывших метрополий. При этом Западная Германия придерживалась следующей формулы: «союзники» — во внешней политике, «партнеры» — в экономике, «друзья» — в сфере культуры. В свою очередь японцы делали акцент на том, что они, как и африканцы, не относятся к европейской расе, а также отмечали свое «сильное желание» «освободиться от засилья бывших колонизаторов». Израиль подчеркивал свой статус развивающейся страны, и через это — «общность судеб» с африканскими странами (Кива, Тарабрин, 1976, с. 10—19).

В экономическом плане неоколониализм, по мнению советских ученых, базируется на неразвитой социальной структуре, а также экономическом и научно-техническом отставании стран «третьего мира» от ведущих капиталистических стран. Цель последних заключается в том, чтобы удерживать в неравноправном, зависимом и эксплуатируемом положении свои бывшие колонии, при этом переложив на них значительную часть издержек капиталистического способа производства, в том числе 40—80 % своих сырьевых потребностей. При этом вывоз прибылей существенно превышает приток инвестиций и так называемой «помощи» в эти страны от условных «доноров»⁴. Размещение в развивающихся странах многонациональными

⁴ Примечательно, что применительно к западным странам в советской литературе слова «помощь» и «доноры» всегда писались в кавычках, дабы подчеркнуть лицемерный характер данных категорий.

корпорациями (МНК) производств отдельных узлов и деталей, не включенных в экономические комплексы данных стран, призвано навязать развивающимся государствам «неоколониалистское разделение труда» (Кива, Тарабрин, 1976, с. 22—35).

Особое внимание советские авторы уделяли неоколониалистским теориям, которые разделялись на две группы: «адресованные развивающимся странам варианты общеизвестных буржуазных и реформистских концепций» (в том числе «самоликвидация империализма», «трансформация капитализма», «индустриальное общество», «конвергенция», «гармония интересов», «смешанная экономика», «демократический социализм», «функциональный социализм» и др.) и «концепции и теории, специально созданные для поддержки неоколониализма». К последним относились различные версии «взаимозависимости» (от двусторонней до многосторонней), переход от замкнутого к коллективному неоколониализму, «дуализм», «модернизация», «экономический рост», «элиты», «новый средний класс», «политическое лидерство» и др. (Кива, Тарабрин, 1976, с. 18—21).

Неоколониализм: страновая специфика

Великобритания

Неоколониальная политика Великобритании рассмотрена на основе трудов Е.А. Тарабрина (1969) и И.Д. Парфенова (1969). Данные исследователи в своих работах уделяли внимание роли политических партий в разработке и проведении неоколониальной политики Великобританией. Основным вывод ученых сводится к тому, что неоколониализм является общей политикой британских правящих кругов, осуществляемой государственным аппаратом вне зависимости от того, кто находится у власти — лейбористы или консерваторы (Парфенов, 1969; Тарабрин, 1969).

В то время как консерваторы критически относились к социалистической идеологии, лейбористы часто оперировали темой справедливости и гуманной политики в отношениях с колониями. Однако за внешними

расхождениями и словесной маскировкой двух партий, по мнению советских экспертов, кроется полная преемственность оценок, наглядно подтверждаемая практической деятельностью. Так, перед Второй мировой войной лейбористы выступили с жесткой критикой империалистической политики Италии в Абиссинии (Эфиопии), Японии — в Китае и Германии — в Восточной Европе (Парфенов, 1969, с. 25). Однако колониальная политика самой Англии при этом критике не подлежала.

Поскольку важной составляющей электоральной базы лейбористов выступали рабочие, данная партия вынуждена была учитывать их настроения. Соответственно, применение вооруженного насилия против национально-освободительных движений, коль скоро это становилось причиной возмущения рабочего класса, мотивировало лейбористов придерживаться более пацифистской позиции. Именно так развивалась внутривнутриполитическая ситуация во время Суэцкого кризиса 1956 г. (Парфенов, 1969, с. 68—70).

Неоколониалистский курс лейбористов прослеживается, например, в их действиях по отношению к одному из провалившихся проектов английского неоколониализма — Федерации Родезии и Ньясаленда, также известной как Центральнаяафриканская федерация. Это пробританское полунезависимое государство существовало с 1953 по 1963 г. и было образовано на основе колонии Южная Родезия, а также двух протекторатов — Северной Родезии и Ньясаленда. В период создания Федерации лейбористы из тактических соображений проголосовали в Палате общин против предложения правительства. Однако когда позднее, в связи с требованиями африканских народов Северной Родезии и Ньясаленда предоставить им независимость и ликвидировать навязанную Федерацию, в британском парламенте шло обсуждение вопроса о положении в Центральной Африке, лейбористы воздержались от какой-либо конструктивной критики действий консерваторов. Одновременно представители лейбористской партии вели переговоры с африканскими лидерами, добываясь их согласия с предложениями

британского правительства (Тарабрин, 1969, с. 30—31).

Лишь в тех случаях, когда тактика внутривластной борьбы или другие соображения диктовали необходимость маскировочных маневров, лейбористы осуждали отдельные действия консерваторов. Например, в марте 1963 г. лидер Лейбористской партии Г. Вильсон в своем выступлении в Палате общин осторожно подверг критике конституцию Южной Родезии 1964 г., утверждавшую власть белого меньшинства (Тарабрин, 1969, с. 31). Будущий премьер-министр Ян Смит пообещал изменить ее, но, придя к власти, так и не сдержал данного обещания. После победы лейбористов на парламентских выборах в 1964 г. их политика в «родезийском» вопросе фактически была направлена на поощрение расистов. Более того, фальшивая суета лейбористского правительства и его премьер-министра Г. Вильсона вокруг «мятежника» Я. Смита — по мнению советских экспертов, также один из тактических приемов английского неокOLONIALИЗМА, направленный на маскировку его истинных целей (Парфенов, 1969; Тарабрин, 1969).

Франция

Французский неокOLONIALИЗМ как феномен, история его возникновения и механизмы имплементации на Африканском континенте рассмотрены на основе трудов Е.Г. Коренчука⁵ и Л.Н. Красавиной (1964).

Франция, вынужденная в 1960 г. предоставить независимость единовременно почти всем своим колониям в Тропической Африке, выработала комплексную (затрагивающую все сферы жизни общества и государства) систему сохранения своего влияния, которая включала в себя:

- заключение двусторонних соглашений;
- перекладывание бремени военных расходов на бюджеты африканских стран;
- создание экономических валютных зон, в том числе зоны франка КФА;

⁵ Коренчук Е. Г. Французский неокOLONIALИЗМ в Тропической Африке (1958—1972 гг.): учебное пособие. Москва: УДН, 1981. См. также: (Коренчук, 1979).

— борьбу с «несогласными» африканскими странами с помощью наиболее приближенных к бывшей метрополии государств;

— создание профранцузских организаций. В военно-политической сфере к таковым относится Афро-Малагасийский союз, сформированный в 1961 г., преобразованный в 1966 г. в Организацию афро-малагасийского сотрудничества (ОАМС) и окончательно расформированный в 1985 г. (после выхода из состава 7 из 16 стран-участниц). В культурно-просветительской сфере речь идет о деятельности Международной организации Франкофонии (МОФ).

Л.Н. Красавина особое внимание уделяет общественной оценке и теоретическому обоснованию валютной политики Пятой Республики. Так, ключевое место во французском дискурсе о зоне франка занимала выработанная французскими общественными деятелями теория взаимозависимости, согласно которой «без сотрудничества с Францией слаборазвитым странам не преодолеть отсталость» (Красавина, 1964).

Особую актуальность анализ механизмов французского неокOLONIALИЗМА приобретает при рассмотрении его текущего состояния. Фактически весь комплекс механизмов неокOLONIALИЗМА в политической, военной, культурной и экономической сферах за более чем 60 лет остался практически неизменным (кроме роспуска ОАМС). Продолжают функционировать такие профранцузские институты и организации, как МОФ, зона франка КФА (Дегтерев, 2003) и Организация по гармонизации коммерческого права в Африке (*Organisation pour l'Harmonisation en Afrique du Droit des Affaires*, OHADA) (Дегтерев, 2005). Франция сохраняет военное присутствие в отдельных регионах Африки, и в рамках «ситуативной многосторонности» привлекая для проведения совместных операций в зоне Сахеля партнеров по ЕС, а также ООН и США (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022; Давидчук, Дегтерев, Сидибэ, 2022). Таким образом, можно сделать вывод о долговременной устойчивости механизмов французского неокOLONIALИЗМА.

Западная Германия

По мнению исследователей из социалистических стран⁶, ФРГ являлась ведущей неоколониальной державой, сумевшей сформировать новый тип отношений с развивающимися странами. В западногерманском империализме тесно переплетались неоколониализм, милитаризм и реваншизм (Фридлендер, Шиллинг, 1963, с. 25). После 1918 г. Германия потеряла все свои колонии, поэтому Берлин использовал исключительно экономические и валютно-финансовые инструменты для эксплуатации стран «третьего мира». Большую ставку в своей неоколониалистской деятельности западногерманское правительство делало на предоставление «помощи» развивающимся странам, что позволяло успешно конкурировать с другими западными странами на внешних рынках, наращивая объемы своих экспортных поставок. Подобная «помощь» оказывалась в трех различных форматах — экономическом, техническом и культурном.

В качестве примера экономической «помощи» ФРГ можно выделить постройку компаниями «Крупп» и «Демаг» первого сталелитейного завода в Индии в г. Роуркел в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Для этой цели немецкие компании привлекли 36 фирм и 3000 подрядчиков, в итоге сумев поставить индийцам устаревшее оборудование (Очков, 1971, с. 107—108).

Другой пример — это деятельность компании «Крупп» по реконструкции рудников, строительству новых железных дорог, модернизации ряда портов для бесперебойных поставок железной и марганцевой руды в Анголе. В 1960-х гг. практически вся горнодобывающая промышленность Анголы находилась в руках этого немецкого концерна, которому, помимо прочего, также удалось монополизировать производство и поставки электрооборудования в португальские колонии (Карцев, 1968, с. 4).

⁶ Помимо СССР это были эксперты из Германской Демократической Республики, чьи труды были переведены на русский язык.

Пользуясь образом страны, относительно давно лишившейся колоний (Ивкина, 2021), ФРГ рассматривалась как ударная сила международного империализма и неоколониалистский «открыватель дверей», обладающий «функцией лодмана» (Фридлендер, Шиллинг, 1963, с. 115). Западногерманское правительство оказывало финансовую и военноматериальную помощь странам «коллективного Запада», особенно Португалии (Карцев, 1968, с. 6—12; Фридлендер, Шиллинг, 1963, с. 117—120). ФРГ также направляла довольно существенные взносы в американоцентричные финансовые институты Бреттон-Вудса, в том числе Международный валютный фонд (МВФ) и группу Всемирного банка, включая Международный банк реконструкции и развития, Международную ассоциацию развития и Международную финансовую корпорацию (Фридлендер, Шиллинг, 1963, с. 120).

В 1957 г. было создано Европейское экономическое сообщество — прообраз будущего Европейского союза. Для ФРГ этот блок стал инструментом по продвижению своих экономических интересов в нетрадиционных для нее районах Африки, например во французской колониальной зоне. Западная Германия действовала одновременно в двух форматах — в рамках коллективного неоколониализма и классической межгосударственной конкуренции за рынки сбыта. В структурах ЕЭС ФРГ активно действовала в рамках Европейского фонда развития, средства которого использовались в том числе для развития инфраструктуры в развивающихся странах (Фридлендер, Шиллинг, 1963, с. 125).

Таким образом, среди ключевых особенностей западногерманского неоколониализма советские исследователи выделяли следующие:

- особое стремление к экспансии как следствие неспособности добиться военного и политического влияния, равноценного экономической мощи;
- крайний антикоммунизм (дискредитация СССР и мирового социалистического движения);
- использование «антиколониалистской» повестки;

— использование легенды о западно-германском «экономическом чуде», в результате которого ФРГ якобы «начала с нуля» и добилась внушительных успехов во многом благодаря таланту министра экономики Л. Эрхарда (Фридендер, Шиллинг, 1963, с. 100—101);

— «механизм» неоколониалистских методов и их особенности, в том числе «помощь» слаборазвитым странам, непосредственное кредитование поставок, другие формы экспорта капитала, а также проактивная внешняя торговля (Фридендер, Шиллинг, 1963, с. 71).

ЕЭС: коллективный неоколониализм

В советских исследованиях, описывающих европейский неоколониальный опыт, выделялось несколько механизмов, с помощью которых бывшие метрополии продолжают эксплуататорскую политику в Африке.

Во-первых, это Яундские и Ломейские конвенции, которые стали важными инструментами стран Европы в процессе строительства «Евроафрики» (Западноевропейский коллективный неоколониализм..., 1981). С помощью этих соглашений, а также последующего внедрения Системы стабилизации доходов от экспорта сырьевых товаров странами АКТ в Европу (СТАБЕКС) создавался новый тип «легитимной зависимости» африканских государств от бывших колонизаторов. Достаточно отметить, что «в период действия первой Ломейской конвенции ЕЭС увеличило экспорт в страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) на 57 %, а импорт из них на 41 %, получив, таким образом, значительные экономические преференции» (Западноевропейский коллективный неоколониализм..., 1981, с. 13). Данные соглашения не учитывали существующее структурное неравенство между странами ЕЭС и АКТ.

Во-вторых, это протекционизм в торговле сырьевыми и сельскохозяйственными товарами, необходимыми для развития стран ЕЭС. Был выработан механизм эффективной защиты в отношении отдельных переработанных сельскохозяйственных товаров,

который ограничивал развитие необходимых самим африканцам отраслей. Европейский фонд развития вкладывал средства в экспортные культуры (арахис, кофе, хлопок и др.) в ущерб продовольственным культурам.

В-третьих, бывшие метрополии и их региональные партнеры содействовали созданию в Африке обособленных экономических группировок с односторонней ориентацией на империалистические страны, которые, в свою очередь, создавали «страх перед неоколониализмом» (Loch & Hasenpflug, 1974, p. 40). Советские исследователи рассматривали это как попытку сохранить колониализм в новом виде, но уже не через прямое использование африканских ресурсов отдельными европейскими государствами, а через механизмы «общего рынка», выгоду от которого получает преимущественно европейская сторона. Впоследствии это станет одним из важных факторов коллективного неоколониализма.

В-четвертых, это препятствие развитию межафриканского сотрудничества и отношениям с социалистическими странами. Укреплению связей между самими бывшими колониями мог способствовать частичный отказ от импорта некоторых категорий товаров. Ввиду того, что европейские страны использовали Африканский континент как рынок сбыта, даже частичная его потеря затормозила бы европейское интеграционное развитие в экономической сфере. Это объясняется большими расходами на процесс «уравнивания» европейских стран, претендующих на членство в ЕЭС.

В качестве основной причины зависимости стран Африки от бывших метрополий советские эксперты указывают на отсутствие видения местными элитами четкой альтернативы получаемым из Европы указаниям (Гура, Несук, 1981, с. 95). Советское видение европейского неоколониализма можно охарактеризовать как систему «сдерживания через развитие», когда развитию подлежат только те сектора, которые выгодны бывшим метрополиям, а то, что необходимо самим африканцам, остается за пределами финансовой и инвестиционной поддержки ЕЭС.

Основные элементы торговой политики ЕС в отношении Африки и других регионов

АКТ, направленной на консервацию центр-периферийных отношений и препятствующей региональной интеграции развивающихся стран, сохраняются и в настоящее время. В XXI в. они реализуются в контексте Соглашения Котону 2000 г. и договоренностей пост-Котону, которые вступят в действие в 2023 г., а также системы Соглашений об экономическом партнерстве. Последние Евросоюз заключает не только со сложившимися субрегиональными экономическими группировками Африки (например, Сообществом развития Юга Африки (САДК), англ. *Southern African Development Community*, SADC), но и с группами стран, выделенными самим Евросоюзом (например, Восточная и Южная Африка, Центральная Африка, Западная Африка и т. д.) (Amuhaya & Degterev, 2022, pp. 125—177).

США

В отличие от ключевых стран «коллективного Запада» США не являются классической неокOLONиальной державой. Уместнее говорить об империалистическом неокOLONиализме нового типа (Сироткина, Альпидовская, 2020). Возвращаясь с Ялтинской конференции 1945 г., президент США Ф.Д. Рузвельт провел историческую встречу с королем Египта Фаруком I, королем Саудовской Аравии Абдель Азизом ибн Саудом и императором Эфиопии Хайле Селассие, что ознаменовало начало контроля США над регионами Ближнего Востока и Африки (Ныгусие Кассае, 2019, с. 161—162).

Важными вехами на пути становления США как неокOLONиальной державы нового типа стало создание в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО) — одного из главных инструментов контроля бывших европейских метрополий, а также других составляющих американоцентричной структурной власти «коллективного Запада», в том числе институтов Бреттон-Вудса (МВФ, Всемирный банк), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др. (Strange, 1994).

В 1949 г. США запустили программу технической помощи развивающимся странам

(*Point Four*) — прообраз Агентства по международному развитию, среди участников которой было множество разносторонне подготовленных специалистов, включая проповедников-пятидесятников. *Point Four* включала подготовку местных кадров, предоставление технической помощи для развития сельского хозяйства, здравоохранения и образования. США заявляли, что их программа будет содействовать как трансформации доиндустриальной экономики в развитую и индустриальную, так и развитию демократических институтов. На практике все получилось иначе: многие государства в силу специфики социально-экономических укладов не могли заимствовать стандарты жизни и политической культуры «коллективного Запада», а в ряде случаев — предпочли развитию экономики строительство вооруженных сил (Ныгусие Кассае, 2019, с. 226—227). В 1970—1980-е гг. при реализации программ структурной перестройки экономики прошла реколонизация развивающихся стран, но уже не по инициативе бывших метрополий, как в XIX в., а с участием сотен менеджеров МВФ и Всемирного банка (Riddell, 1992; Дегтерев, 2022).

Однако истоки современной американской неокOLONиальной политики следует искать в Азии, которая стала для США своеобразной «лабораторией», экспериментальной площадкой, где не только модифицировались старые, но и разрабатывались новые схемы колониального проникновения и неокOLONиального господства с учетом местной специфики и реалий XX в.⁷

По результатам Парижского мира 1898 г., который завершил Испано-американскую войну, США получили Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппинские острова. Отработку своей неокOLONиальной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) США начали с Филиппин. В результате принятия в июле

⁷ Исследования советских авторов об американском неокOLONиализме дополняет переведенная на русский язык работа У. Помроя (1916—2009 г.) — американского коммуниста и журналиста, который в 1940—1950-х гг. участвовал в партизанской войне Коммунистической партии Филиппин против правительства. См.: (Виноградов, 1987; Помрой, 1973).

1902 г. Органического закона из американского официального лексикона исчезает термин «колония» — в политических документах Филиппины стали именоваться либо «зависимой территорией», либо «островным владением». Однако колониальной сути это не меняло (Виноградов, 1987, с. 19). Впоследствии президент США В. Вильсон провозгласил так называемую «новую эру» в колониальной политике Соединенных Штатов, намереваясь позволить филиппинцам участвовать в разработке проекта их конституции, которая вступила бы в силу только после ее одобрения президентом США (Виноградов, 1987, с. 25).

После взятия под контроль Филиппин Вашингтон пришел к пониманию, что управлять страной по «классическим» колониальным моделям неэффективно. США стали создавать административно-управленческую систему по аналогии с американскими институтами, а также использовать в своих целях традиционные структуры местного общества. Ключевую роль в этом играл процесс «филиппинизации», понимаемый как участие имущих слоев Филиппин в создаваемой США общественно-политической и государственной системе (Виноградов, 1987, с. 8).

В этих условиях была реорганизована система муниципального управления. Если при испанских колонизаторах филиппинцы не допускались на руководящие посты в муниципалитете, то теперь ставка делалась на представителей буржуазии, которые, однако, должны были доказать свою лояльность американскому колониальному режиму путем вступления в Федеральную партию (Виноградов, 1987, с. 17—32).

Кроме того, Филиппины были своеобразным «полигоном», где отрабатывались методы «умиротворения» в отношении национально-освободительных движений (контрпартизанская борьба). Впоследствии эти методы использовались в рамках интервенции США во Вьетнаме в 1960—1970-е гг. (Виноградов, 1987, с. 11).

В целом США сделали ставку на четыре сферы по управлению Филиппинами — развитие управленческого потенциала, образование, языковую политику и армию.

«Новая» колониальная политика США, стремившаяся с первых шагов создать, а затем по возможности расширить социально-политическую базу своего господства на Филиппинах, в том числе путем формирования проамериканского административно-управленческого аппарата, в период действия Органического закона приняла уже более «отшлифованный» вид (Виноградов, 1987, с. 29). Формирование местной образованной элиты, прошедшей проамериканскую идеологическую обработку, приобрело для США особую важность в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции (Виноградов, 1987, с. 38).

Образование — это важный рычаг культурной «американизации» молодых филиппинцев как потенциального резерва для комплектования филиппинской части административного аппарата. Почти во всех муниципалитетах были открыты начальные, а в провинциальных центрах и средние школы, основными преподавателями в которых работали американцы, а занятия велись по американским учебникам. Политика США была направлена на формирование новой, проамерикански настроенной филиппинской интеллигенции, на подготовку квалифицированных и лояльных кадров с целью «филиппинизации» административного аппарата страны.

Наиважнейшим компонентом образования выступала языковая подготовка как одна из форм новой неоколониальной цивилизационной зависимости (Виноградов, 1987, с. 26). Речь шла о массовом распространении английского языка как в быту, так и в образовании.

По замыслам американских советников, филиппинская военизированная полиция должна была полностью влиться в регулярную армию с тем расчетом, чтобы именно последняя выполняла полицейские функции. Фактически армии были переданы не свои собственные ей полицейские функции. В целом посредством методов неоколониализма США стремились, опираясь на проамериканские элементы в государственном аппарате Филиппин, затормозить процесс достижения страной

экономической и внешнеполитической самостоятельности (Виноградов, 1987, с. 54—56). Филиппины и сегодня остаются одной из опор влияния США в регионе.

Неоколониализм: функциональные сферы

Техническая помощь

Одной из ключевых функциональных сфер, в которой страны «коллективного Запада» реализуют свою неоколониальную политику, является техническая помощь. К ее основным формам относятся передача знаний и навыков, продажа лицензий и патентов, поставки оборудования, машин, узлов, деталей и запчастей, а также реинвестирование прибыли, покупка привилегированных акций и реструктуризация долгов (Коптев, Очков, 1977, с. 42).

Основной упор в 1960—1970-х гг. при оказании технической «помощи» страны-доноры (в первую очередь США, ФРГ, Великобритания) делали на командирование разнопрофильных специалистов для передачи знаний и навыков, а также волонтеров. Непосредственно передача оборудования составляла меньшую долю в структуре технической «помощи» этих государств (Коптев, Очков, 1977, с. 60—114). Франция, Великобритания и ФРГ также особое внимание уделяли подготовке кадров для развивающихся стран, однако выпускники таких программ могли в дальнейшем не устроиться на своей родине либо работать не по специальности. Так, отмечается, что кадры, обученные за рубежом, «становятся учителями, работниками госаппарата, покидают страну» ввиду отсутствия должной технологической базы в странах происхождения и востребованности их навыков (Коптев, Очков, 1977, с. 13).

Примечательно, что наравне с техническими экспертами среди командированных специалистов были и представители гуманитарных наук, что подтверждает тезис о влиянии «коллективного Запада» на сознание и умы жителей развивающихся стран. Однако авторы отмечают и пробелы в таком подходе, так как со временем стало ясно, что эксперты

широкого профиля не востребованы в странах-реципиентах, а большим спросом пользуются кадры, которые работали в аналогичных условиях и имеют за плечами практический опыт реализации тех или иных инициатив.

Тем не менее, М.М. Коптев и М.С. Очков отмечают, что «технологическая помощь» влечет за собой включение в западный ценностный дискурс и позволяет влиять на сознание миллионов людей. Они полагают, что «неотъемлемой частью стратегии империалистической политики “технической помощи” является стремление усилить идеологическое воздействие на широкие круги обществственности» (Коптев, Очков, 1977, с. 43). Этот тезис проходит красной нитью сквозь работы В.В. Майорова (1981) и А.А. Озадовского (1985). Последний связывает оказание международной «помощи» не только с продвижением западных ценностей, но и с реализацией демографических и продовольственных программ.

М.М. Коптев и М.С. Очков также полагают, что акцент на развитие собственного научного потенциала — это основная стратегия конкурентной борьбы США, даже в отношениях со своими союзниками — Японией и странами ЕЭС. Авторы отмечают, что в конце 1960-х гг. американцы активно инвестировали в НИОКР, что дало им преимущество в области оказания технологической «помощи» и на международной арене в целом (Коптев, Очков, 1977, с. 32).

США почти не оказывали техническую «помощь» в производственных отраслях. В 1960—1971 гг. большая ее часть приходилась в равных долях на сельскохозяйственную отрасль и образование — 201 млн и 203 млн долл. США соответственно. К 1978 г. ситуация изменилась в пользу сельского хозяйства — 83,6 млн против 39 млн долл. США. При этом значительно возросло финансирование в области государственного администрирования — 32,6 млн долл. США (Майоров, 1981, с. 215).

Еще один важный нюанс, на который указывают авторы: целевые группы реципиентов американской помощи также менялись. Изначально американцы старались реализовывать

свои программы технической «помощи» через частный сектор, например, в сельскохозяйственной отрасли, однако позже пришло понимание, что именно государство несет ответственность за развитие науки и техники в развивающихся странах и необходимо больший упор делать именно на сотрудничество с госструктурами (Коптев, Очков, 1977, с. 16).

К элементам неокOLONиализма советские эксперты относят патентование и лицензирование, указывая на то, что существующее патентное законодательство фактически ограничивает развитие инноваций в развивающихся странах, увеличивает стоимость продукции на местном рынке и делает ряд технологий недоступными для подавляющей части населения, в том числе за счет высоких лицензионных платежей (Коптев, Очков, 1977, с. 120). Технологическая зависимость также создается за счет инженерных консультаций, которые постоянно необходимы для работы с новыми технологиями, оборудованием и поддержанием его работоспособности (Коптев, Очков, 1977, с. 149). Авторы показывают это на примере японской технической «помощи», которая была сосредоточена на воспитании потенциальных японских экономических партнеров, открытии специализированных образовательных центров и приеме практикантов. В будущем данные партнеры позволили японскому капиталу войти на местный рынок и закрепиться на нем (Коптев, Очков, 1977, с. 100—112).

Советские эксперты отмечают, что вслед за технической «помощью» идет и увеличение торговли, что перекрывает расходы на первую (Коптев, Очков, 1977, с. 42), так как процесс оказания технической «помощи» фактически готовит почву для полноценного вхождения иностранного капитала на рынок развивающихся стран не только за счет спроса на соответствующую технологию, но и за счет информационной разведки и выстраивания соответствующих коммуникаций.

В целом В.В. Майоров в своей работе отмечает, что международная «помощь» — это не что иное, как «плата за сохранение неокOLONиальных международных экономических отношений развитых стран с развивающимися» (Майоров, 1981, с. 215). Он также

цитирует американского политолога Д. Болдуина, отмечая, что «иностранный помощь — это средство, путем применения которого одна нация пытается побудить другие нации действовать желаемым образом», подтверждая идею об инструментальности международной помощи США (Майоров, 1981, с. 58). Ученый поддерживает тезис, что ключевую роль в американском неокOLONиализме играют монополии. Он, как и А.А. Озадовский, отмечает корреляцию между увеличением объемов помощи и количеством региональных проблем (Майоров, 1981, с. 48).

В.В. Майоров также выделяет два подхода США в области международной «помощи»: доктрины прямого и косвенного влияния в зависимости от мотивов, лежащих в основе их претворения в жизнь (Майоров, 1981, с. 58—59).

Продовольственный неокOLONиализм

Целый ряд советских работ посвящен проблематике сельскохозяйственного и продовольственного неокOLONиализма (Иванчук, Пузь, 1989; Ключева, 1983; Савчук, 1984). Кроме того, на русский язык была переведена работа по западногерманской «технической помощи» сельскому хозяйству развивающихся стран, подготовленная Академией сельскохозяйственных наук и Институтом аграрной истории ГДР (НеокOLONиализм в сельском хозяйстве, 1966).

По мнению исследователей из СССР и ГДР, политика капиталистических стран в отношении сельского хозяйства и снабжения продовольствием развивающихся стран воплощает в себе основные черты аграрного неокOLONиализма. Несмотря на неуклонное снижение доли развивающихся стран в стоимостном выражении мирового экспорта продукции сельского хозяйства и животноводства (с 34 % в начале 1970-х гг. до 29 % — в 1980 г.), доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции выступают приоритетным источником валютных поступлений для двух третей развивающихся стран (Иванчук, Пузь, 1989, с. 13—14).

В связи с острым кризисом сельского хозяйства в развивающихся странах государственные структуры капиталистических стран

активизировали свои усилия по направлению модернизации сельского хозяйства в целях обеспечения стабильности мировых капиталистических экономических отношений. Деятельность данных институтов особенно заметно активизировалась в начале 1970-х гг., когда транснациональные структуры уже контролировали примерно 80 % экспорта сельскохозяйственной продукции стран «третьего мира» (Иванчук, Пузь, 1989, с. 13).

Необходимо подчеркнуть, что иностранный коммерческий капитал не так активен в сфере сельского хозяйства, как в других отраслях материального производства и услуг, а также не является силой, способной кардинально преобразовать большую часть сельскохозяйственной экономики. Государственные структуры, действующие в аграрных секторах внешней политики капиталистических стран, являются лидерами по выработке программ действий в направлении частного и государственного капитала для определенных групп стран, формировании условий для материального производства сельскохозяйственной сферы развивающихся стран, а также установлении стратегических направлений развития, исходя из важности для Запада сельскохозяйственных экспортных ресурсов развивающихся стран.

Исследователи из социалистических стран выделяют четыре основных этапа финансирования за счет государственного капитала сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности.

На первом этапе, начиная с середины 1940-х до начала 1960-х гг., неокOLONIALИЗМ возникает как специфический тип отношений подчинения и зависимости в рамках перестройки форм прежнего колониального господства.

Второй этап (рубеж 1960—1970-х гг.) характеризуется коренной трансформацией империалистической аграрной политики, а также окончательным распадом колониальных империй, что подтолкнуло капиталистический мир объединить усилия и выработать общую стратегию для развивающихся стран.

1970-е гг. приходятся на третий период в политике вывоза государственного капитала.

Это этап дальнейших, существенных трансформаций в неокOLONIALИЗМ империалистической политике в целом и особенно в ее аграрном компоненте. Эти изменения были мотивированы стремлением ослабить увеличивающиеся разногласия между центром и периферией.

Четвертый этап неокOLONIALИЗМ политики «коллективного Запада» по вывозу капитала пришелся на 1980-е гг. Несмотря на некоторые качественные изменения, этот период является продолжением тенденции, характерной для всего послевоенного времени, а именно усиления влияния на развивающиеся страны. Начав с интервенций в инфраструктурную часть национальной экономики, иностранный капитал постепенно стал воздействовать и на производственные отрасли (аграрная сфера развивающихся стран), а через систему предоставления новых займов вышел за рамки чисто экономической деятельности, влияя на всю государственную политику стран-реципиентов (Иванчук, Пузь, 1989).

В большинстве западных стран созданы отдельные подразделения и институты по оказанию продовольственной «помощи». Великобритания направляла подавляющую часть средств на поддержку белых фермеров. В США в 1985 г. была учреждена новая программа — «Продовольствие для прогресса» (Иванчук, Пузь, 1989, с. 65).

В ФРГ был создан целый ряд учебных заведений на уровнях высшего и среднего специального образования для оказания сельскохозяйственной «помощи», например Институты зарубежного сельского хозяйства при Техническом университете в Западном Берлине и при Сельскохозяйственном институте Хоэнхайм в Штутгарте. Их представители входили в Совет по вопросам развивающихся стран, который осуществлял координацию экспертного обеспечения западногерманской политики оказания международной «помощи». Следует также отметить следующие научные учреждения, такие как: Германский институт экономических исследований, Институт зарубежного сельского хозяйства, Институт Восточной Европы, Гамбургский

архив мирового хозяйства, Институт мирового хозяйства при Кильском университете, Институт экономической политики при Кельнском университете (Неоколониализм в сельском хозяйстве, 1966, с. 25—28).

В Японии международная «помощь» ориентировалась на создание в странах-получателях производственной базы для последующего экспорта в Японию разнообразных сельскохозяйственных товаров. Во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. «помощь» стала использоваться и для производства продовольствия для местных рынков стран-получателей.

В целом следует выделить большую вовлеченность западных экспертов по продовольственной «помощи» в проведение полевых исследований с учетом местных условий. В то же время в ряде советских работ по проблематике сельскохозяйственного и продовольственного неоколониализма при оценке необходимого количества белков не учитывались местные условия, а ряд советских предложений по улучшению дефицита белков путем внедрений улучшенных сортов, национализации сельскохозяйственных угодий и подготовки кадров не всегда давали ожидаемые результаты (например, в Эфиопии). Как представляется, советские эксперты не уделяли достаточного внимания критике международных организаций в сфере оказания продовольственной помощи (Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Всемирной продовольственной программы и др.) и в целом достаточно лояльно воспринимали большинство предлагаемых ими программ.

Международные организации

Представляют интерес советские исследования американской практики использования международных организаций в своих внешнеполитических интересах. Изучая роль международных организаций, советские исследователи акцентировали внимание на успешном использовании со стороны США и их союзников Международного банка реконструкции и развития, Международного

валютного фонда, Международной ассоциации развития и других институтов Бреттон-Вудса для укрепления своих позиций и проведения неоколониальной политики в развивающихся странах (Вахрушев, 1968, с. 63). Основные средства в виде международной «помощи» были направлены для создания и улучшения инфраструктуры для экспорта сырья из развивающихся стран в западные страны, а не на развитие тяжелой промышленности и другие важные отрасли экономики (Вахрушев, 1968, с. 72—73).

Изучая капиталовложения США за рубежом через международные финансовые организации, советские исследователи анализируют многочисленные данные о получении Вашингтоном огромных доходов по своим капиталовложениям в развивающихся странах. Было посчитано, что за 1957—1960 гг. стоимость только американских частных прямых инвестиций во всех развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки возросла до 1834 млн долл. США, в то время как прибыли от прямых инвестиций в то же самое время составили свыше 6 млрд долл. США (Вахрушев, 1968, с. 6).

В 1970—1977 гг. транснациональные корпорации (ТНК) перевели из развивающихся стран в виде прибыли 72,7 млрд долл. США, что в 1,3 раза превысило объем притока новых вложений в эти страны за тот же период (Неоколониализм против прав человека, 1982, с. 82—83). Как показывают представленные цифры, прибыль от прямых капиталовложений намного превышала сумму изначальных капиталовложений.

Говоря о правах человека, советские исследователи часто выделяли, что западные державы именно под предлогом защиты прав человека на территории развивающихся стран продвигали свою агрессивную неоколониальную политику, преследуя следующие цели:

- ослабление международного влияния социализма;
- первенство в качестве международного борца за права человека;
- объединение всех капиталистических и монополистических государств под эгидой США;

— позиционирование США как хранителя высоких моральных и гуманистических ценностей перед развивающимися странами;

— поиск удобного идеологического прикрытия для экспансии американских ТНК по всему миру (Байчоров, 1985, с. 19—20).

Заключение

Обзор советской литературы по неокOLONIALИЗМУ показывает системность проводимых исследований, глубину и серьезное качество проработки изучаемых вопросов. Пропагандистский пафос и идеологические рамки лишь в незначительной степени преломляли восприятие существующих международных реалий, к тому же большую часть работ писали эксперты-практики, например, Е.А. Тарабрин. Академические работы формировали базис для выработки практических рекомендаций в контексте холодной войны, перекинувшейся на страны «третьего мира» (СССР и страны Африки..., 1977; Kanet, 2006). Особо тщательному анализу подвергались конкретные инструменты реализации программ западной помощи в сфере подготовки кадров (Ермолов, 1963), в том числе деятельность «Корпуса мира» (Вереин, 1971), технологический неокOLONIALИЗМ (Шитов, 1985; Микша, 1990) и техническая, а также продовольственная помощь.

Однако первоначальный объем критики советских исследователей в адрес неокOLONIALИЗМА к концу 1980-х гг., началу эпохи «Нового политического мышления» М.С. Горбачева, начал снижаться (Athreya, 1989; Дегтерев, 2022). Это происходило на фоне постепенного втягивания стран «третьего мира» в программы структурной перестройки экономики МВФ и Всемирного банка (Riddell, 1992), перерождения советской интеллигенции под влиянием радикальных политических изменений в СССР и распада социалистического лагеря (Dabashi, 2011, pp. 42—43). Был взят курс на интеграцию в «коллективный Запад» и в самом Советском Союзе (Курылев и др., 2022), поэтому неудивительно, что действия бывших метрополий стали оцениваться куда более лояльно, чем прежде. Схожая метаморфоза в свое время произошла и с палестинскими интеллектуалами (Massad, 1997).

Обострение кризиса в отношениях Российской Федерации со странами «коллективного Запада», начавшееся в 2014 г. и достигшее своего пика после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г, реактуализирует исследуемые в данной статье академические подходы.

Поступила в редакцию / Received: 30.09.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 15.10.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Амара Д., Дегтерев Д. А., Эгамов Б. Х. «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. С. 76—101.
- Байчоров А. М. НеокOLONIALИЗМ и международный терроризм. Минск : Издательство «Университетское», 1985.
- Вахрушев В. В. НеокOLONIALИЗМ и международные организации. Москва : Международные отношения, 1968.
- Вереин А. В. «Апостолы мира» на трех континентах. НеокOLONIALИЗМ: сущность американского «Корпуса мира». Москва : Международные отношения, 1971.
- Виноградов А. В. США и Филиппины. О первом опыте неокOLONIALИЗМНОЙ политики в Азии (1901—1946). Москва : Наука, 1987.
- Гура В. К., Несук Н. Д. Проблемы и пути развития освободившихся стран Африки. Киев : Наукова думка, 1981.
- Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 50—78. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.03>

- Дегтерев Д. А. Западноафриканская «восьмерка» набирает обороты // *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 12. С. 28—31.
- Дегтерев Д. А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // *Постколониализм и современность*. 2022. № 1. (В печати).
- Дегтерев Д. А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 4. С. 113—122. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122>
- Дегтерев Д. А. Правовое поле ОХАДА в Африке // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 8. С. 39—42.
- Ермолов Н. А. «Троянский конь» неокOLONИализма: политика США в области подготовки кадров для развивающихся государств. Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1963.
- Западноевропейский коллективный неокOLONИализм (ЕЭС и развивающиеся страны) : реферативный сборник / сост. Л. А. Зубченко, Л. И. Шабаева. Москва : ИНИОН, 1981.
- Зименков Р. И. Американский неокOLONИализм на современном этапе: экономические аспекты. Москва : Наука, 1985.
- Иванчук С. Г., Пузь В. И. Аграрный неокOLONИализм : опыт критического анализа. Москва : Наука, 1989.
- Ивкина Н. В. Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2021. № 3. С. 181—192. <https://doi.org/10.31857/S086919080015020-9>
- Карцев А. А. Западногерманский неокOLONИализм в Южной Африке. Москва : Институт Африки, 1968.
- Кива А. В., Тарабрин Е. А. НеокOLONИализм: стратегия и тактика. Москва : Знание, 1976.
- Клюева М. Е. НеокOLONИализм США и проблемы производства и потребления белка в развивающихся странах (1968—1983 гг.): дис. ... канд. экон. наук. Москва : ИСК АН СССР, 1983.
- Коптев М. М., Очков О. С. Техническая «помощь» в стратегии неокOLONИализма. Москва : Мысль, 1977.
- Коренчук Е. Г. Идеологическая экспансия французского неокOLONИализма в Тропической Африке (1958—1972 гг.). Москва : УДН, 1979.
- Красавина Л. Н. Критика концепций французского неокOLONИализма в валютно-кредитной сфере. Москва : б/и, 1964.
- Критика идеологии и политики неокOLONИализма / отв. ред. Е. Д. Модржинская, Фам Нье Кыонг. Москва : Наука, 1984.
- Курьлев К. П., Дегтерев Д. А., Грачиков Е. Н., Шпаковская М. А. Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0 // *Постсоветские исследования*. 2022. Т. 5, № 7. С. 754—763.
- Майоров В. В. США и Африка: Экономическая «помощь» в стратегии неокOLONИализма. Москва : Международные отношения, 1981.
- Микиша Л. С. Научно-технический неокOLONИализм: поиски путей преодоления. Москва : МГУ, 1990.
- НеокOLONИализм в сельском хозяйстве / под ред. А. Кошкина. Москва : Прогресс, 1966.
- НеокOLONИализм против прав человека / под общ. ред. Н. П. Драчевой. Москва : Международные отношения, 1982.
- Ныгусие Кассае В. М. Хайле Селассие I — император Эфиопии. Москва : РУДН, 2019.
- Озадовский А. А. Уолл-стрит против Африки. Киев : Политиздат Украины, 1985.
- Очков М. С. Государственно-монополистический механизм неокOLONИализма (на примере ФРГ). Москва : Наука, 1971.
- Парфенов И. Д. Английские лейбористы и колониализм. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1969.
- Помрой У. Становление американского неокOLONИализма. Москва : Прогресс, 1973.
- Пономаренко Л. В. Патрис Лумумба: неоконченная история короткой жизни. Москва : РУДН, 2010.
- Савчук В. С. За фасадом продовольственной помощи США. Киев : Знание, 1984.
- Сироткина А. И. Эволюция теоретических воззрений на неокOLONИализм как экономическую категорию // *Вопросы политической экономии*. 2020. № 3. С. 82—97. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4067063>
- Сироткина А. И., Альпидовская М. Л. НеокOLONИализм XXI века: глобализм и мир-системность // *Теоретическая экономика*. 2020. № 12. С. 96—109.
- СССР и страны Африки. Дружба, сотрудничество, поддержка антиимпериалистической борьбы / отв. ред. Е. А. Тарабрин. Москва : Мысль, 1977.
- Тарабрин Е. А. Стратегия и тактика неокOLONИализма Англии. Москва : Наука, 1969.
- Фридлиндер П., Шиллинг Х. НеокOLONИализм Западной Германии (сущность, особенности и методы). Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1963.
- Шитов В. Н. Технологический неокOLONИализм: истоки и современная практика. Москва : Наука, 1985.

- Africa and the Formation of the New System of International Relations: Rethinking Decolonization and Foreign Policy Concepts / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Cham, Switzerland : Springer, 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-77336-6>
- Amuhaya C. A., Degterev D. A.* A Century of East African Integration. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-96705-5>
- Athreya V.* Perestroika and the Third World: The Changing Status of the Concept of ‘Neocolonialism’ // *Social Scientist*. 1989. Vol. 17, no. 7/8. P. 28—36. <https://doi.org/10.2307/3517283>
- Carmody P.* In This Issue // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020. Vol. 20, no. 1. P. 9—10. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-1-9-10>
- Dabashi H.* *Brown Skin, White Masks*. New York : Pluto Press, 2011.
- Kanet R. E.* The Superpower Quest for Empire: The Cold War and Soviet Support for ‘Wars of National Liberation’ // *Cold War History*. 2006. Vol. 6, no. 3. P. 331—352. <https://doi.org/10.1080/14682740600795469>
- Loch T. M., Hasenpflug H.* *Die Assoziierungs und Präferenzpolitik der EG: ein Beitrag zur Entwicklungshilfe?* Bonn : Europa Union Verlag, 1974.
- Massad J.* Political Realists or Comprador Intelligentsia: Palestinian Intellectuals and the National Struggle // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. 1997. Vol. 6, no. 11. P. 21—35. <https://doi.org/10.1080/10669929708720108>
- Nkrumah K.* *Neo-colonialism: The Last Stage of Imperialism*. London : Thomas Nelson & Sons, 1965.
- Riddell B.* Things Fall Apart Again. Structural Adjustment Programmes in Sub-Saharan Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 1992. Vol. 30, no. 1. P. 53—68. <https://doi.org/10.1017/S0022278X00007722>
- Strange S.* *States and Markets*. London : Continuum, 1994.

Сведения об авторах: Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

Давидчук Анна Сергеевна — студентка кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-7406-2552; e-mail: 1032191584@rudn.ru

Дегтерев Денис Андреевич — доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; профессор МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-7426-1383; e-mail: degterev-da@rudn.ru

Дубровский Иван Родионович — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-2655-0927; e-mail: 1032211914@rudn.ru

Журавлева Евгения Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-2583-8750; e-mail: zhuravleva-ev@rudn.ru

Енокян Артем Вачаганович — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5758-7637; e-mail: enokyan-av@rudn.ru

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

Никулин Максим Андреевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

Кассае Ныгусие Вольде Микаэль — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-2792-6634; e-mail: kassae-nv@rudn.ru

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-688-699

Научная статья / Research article

Постколониальная эпистемология: африканские «регистры»

Т.М. Гавристова¹ , Н.Е. Хохолькова² ¹ ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация² Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация tagavristova@gmail.com

Аннотация. В условиях глобальной цифровизации и обусловленной ею интенсификации коммуникационных процессов произошло ускорение, аккумуляция и ретрансляция идей и представлений. Академическая среда видоизменилась в ходе обновления исследовательского поля и построения новой картины мира, сложной и диверсифицированной. Накопление в Африке и в рамках африканской диаспоры «критической массы» талантливых ученых-интеллектуалов, ориентированных на «прорывы» в области философии и эпистемологии, отозвалось атакой на теоретические установки постмодернизма и постколониализма и динамичной трансформацией концептуальных установок и содержания африканских исследований. Африка вопреки установкам евроцентризма превратилась в эпистемологическую лабораторию, где в настоящее время идет разработка теорий, претендующих на превращение в метанарративы, в рамках которых возникают новые металексемы и метажанры. Постколониальные дискурсы несут в себе элементы метанауки — универсальной системы производства знания. Взаимосвязь фактов и методологии внутри них вполне соответствует веяниям времени — эпохе алгоритмов, выбор которых формирует механизмы научного познания, а также обеспечивает успех в борьбе со стереотипами, не только расовыми и этническими. Теоретико-методологическое значение постколониальных исследований связано с актуализацией изучения «узловых» проблем истории Африки и диаспоры, таких как колониализм и деколонизация, этничность и идентичность, гибридность и инаковость, эссенциализм и трансцендентность, исход и изгнание. Авторы акцентируют внимание на результатах взаимодействия исследователей африканского происхождения с постколониальной теорией, а также идеями постколониальности и деколонизации, в определенной мере противостоящих друг другу. Особое внимание уделено становлению обновленной эпистемологии и гносеологии знания в процессе становления «постколониальной библиотеки», вместившей в себя труды многих исследователей от Франца Фанона и Леопольда Сенгора до Кваме Энтони Аппиа и Ачилла Мбембе.

Ключевые слова: постколониальность, деколонизация, дискурс, метанарратив, Африка, диаспора, идентичность, африканские исследования

Благодарности: Статья выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

Для цитирования: Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. Постколониальная эпистемология: африканские «регистры» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 688—699. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-688-699>

© Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Postcolonial Epistemology: African “Registers”

Tatyana M. Gavristova¹ , Nadezhda E. Khokholkova²

¹ P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

² Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 tagavristova@gmail.com

Abstract. With global digitalization and the resulting intensification of communication processes, the accumulation and retransmission of ideas and their connotations have accelerated. The academic environment has changed in the course of updating the research field and building up a new picture of the world, complex and diversified. The accumulation of “critical mass” of talented intellectual scholars based both in Africa and within the African Diaspora, focused on “breakthrough” in philosophy and epistemology, was reflected in an attack on the theoretical principles of postmodernism and Postcolonialism and a dynamic transformation of the conceptual principles and content of African studies. Contrary to Eurocentrism, Africa has become an epistemological laboratory, where the developing theories claiming to become metanarratives, within which new metalexemes and metagenres are emerging. Postcolonial discourse contains elements of metascience, a universal system of knowledge production. The interrelation of facts and methodology in their framework fully corresponds to the trends of the time in the era of algorithms, and their choice both forms the mechanisms of scientific knowledge, but also ensures success in the fight against stereotypes, not only racial and ethnic. The theoretical and methodological significance of postcolonial studies refers to the actualization of the “crossroad” problems in the history of Africa and the Diaspora, such as colonialism and decolonization, ethnicity and identity, hybridity and otherness, essentialism and transcendence, exodus and exile. In the present article the authors focus on the results of the interaction of researchers of African descent with postcolonial theory, as well as on the ideas of postcoloniality and decoloniality, which to a certain extent oppose each other. Particular attention is paid to the development of an updated epistemology of knowledge in the process of the formation of the “postcolonial library,” which includes the works of many scholars from Franz Fanon and Leopold Senghor to Kwame Anthony Appiah and Achille Mbembe.

Key words: postcoloniality, decoloniality, discourse, metanarrative, Africa, diaspora, identity, African studies

Acknowledgements: The work is supported by the YSU’s project VIP-018.

For citation: Gavristova, T. M., & Khokholkova, N. E. (2022). Postcolonial epistemology: African “registers”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 688—699. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-688-699>

Постколониальность как академический модус и вызов евроцентризму

Начало эпохи постколониализма восходит к концу 1940-х гг. Освобождение от колониальной зависимости крупнейшей британской колонии — Индии — в итоге привело к крушению всю колониальную систему, в буквальном смысле «заставив» ее «могильщиков» — интеллектуалов индийского, а позднее и африканского происхождения — встать на путь экстерииоризации своего опыта. Превращению субалтернов, до недавнего времени лишь аккумулирующих знания извне и не способных «говорить» (Spivak, 1988), в генераторов и ретрансляторов идей способствовала ситуация постмодерна с ее интересом к плюрализму и инаковости, в том числе расовой и этнической.

Неевропейское происхождение постколониальных дискурсов (и теорий) — именно они являются предметом исследования в данной статье — имело смысл только в момент их создания и по мере роста интереса к ним отходило на задний план в ходе последних десятилетий. Как следствие, на перекрестке многочисленных идей и концепций началось оформление некой субстанции, которую вслед за И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем диалектически можно трактовать как нечто, внутренне изменчивое, способное к саморазвитию, как некую ступень в развитии «идеи», а возможно, даже и бытия (Кант, 1964, с. 254, 257).

Постколониальность как академический модус и историческая ситуация требовала всестороннего осмысления. На его фоне происходило становление новых методологиче-

ских подходов и принципов, противоположных евроцентризму. В результате в продолжение «колониальной» (Mudimbe, 1988) возникла «постколониальная библиотека», вместившая труды Франца Фанона (Fanon, 1961; 1966; Фанон, 1966) и Эдварда Саида (Said, 1994), Гаятри Чакраворти Спивак (Spivak, 1988) и Хоми Бабы (Bhabha, 1994), Али Мазруи (Mazrui, 1967; 1974; 1986; Mazrui & Mazrui, 1998) и Вумби Йоки (Валентина Ива) Мудимбе (Mudimbe, 1988; 1994; 2016), Кваме Энтони Аппиа (Appiah, 1992; 2006; 2007; 2018) и Ачилла Мбембе (Mbembe, 2000; 2001; 2003). Так обозначилась новая тенденция в развитии знания, «вырвавшегося из ловушки»¹. Поиски новых смыслов велись в направлении того, что было связано с понятием «колониализм» и противостояло ему. Началось переосмысление таких категорий, как раса, нация, этничность, идентичность, гибридность, эссенциализм, инаковость и т. д.

В условиях глобальной цифровизации и интенсификации коммуникационных процессов университетская и академическая среды изменились под натиском молодых и амбициозных ученых. И если их предшественники, рожденные в 1920—1940-е гг., осуществляя свою миссию научного «прорыва», следовали «логике дерзости» (Саид, 2012, с. 645), будучи приверженцами «литературы освобождения и сопротивления» (Саид, 2012, с. 665), как, например, Ф. Фанон (Fanon, 1961; 1966; Фанон, 1966), Ш.А. Диоп (Dior, 1954; 1974; 1978; 1987; 1993), В.Й. Мудимбе и даже Э. Саид, ученые XXI в., видели важность и перспективы не столько в интеграции в мир науки, сколько в построении новой картины мира. Она становилась все более и более сложной и диверсифицированной: полицентричной, полифоничной, полихромной. Прежние «изобретенные» истории и теории уступили дорогу соответствующим текущему моменту (Саид, 2012, с. 651); и хотя принято считать, что в стане неевропейских мыслителей все еще нет никого, подобного Жан-Полу Сартру или Мишелю Фуко, «чей

масштаб давал им нечто большее, чем просто профессиональную компетенцию», их преемники «лучше умеют решать локальные проблемы, а не ставить глобальные вопросы в рамках больших нарративов эмансипации и просвещения» (Саид, 2012, с. 649—650).

Создание новых «полей исследования», расширяющих пределы современных знаний, может рассматриваться как важнейшая задача, дающая возможность актуализации новых и пересмотра прежних идей и трактовок. Так, собственно, и возникла проблема постколониальности, лежащая на стыке экономики, политики и культуры и изучаемая на междисциплинарном уровне в границах истории и философии, политологии и политэкономии, литературоведения и культурологии, истории и теории международных отношений. Историко-культурный анализ формирующегося на протяжении последних десятилетий африканского свода постколониальной эпистемологии позволяет выявить его трансформационный (диверсификационный) потенциал, реализация которого приводит к освоению принципиально новых интеллектуальных построений, сущностей и методов.

Множественность интерпретаций колониализма и антиколониализма, неоколониализма и постколониализма стала вызовом доминированию евроцентричного подхода. Профессор Витватерсрандского университета (ЮАР) Грейс Мусила в одном из своих эссе для сайта международной медиакомпании «Аль-Джазира» подчеркнула, что постколониальная теория звучит «в разных регистрах»². Разнообразие касается не только места (вопреки популярному стереотипу конструирование постколониальных дискурсов не является прерогативой интеллектуалов индийского происхождения), но и формы. «Теоретическое осмысление колониального опыта постколониальным теоретиком Францем Фаноном, как и концептуализация негифеминизма»³ Обиомы Ннаемеки, облачены в

¹ Jili B. Review: Achille Mbembe. Out of the Dark Night // Theory Culture & Society. August 16, 2021. URL: <https://www.theoryculturesociety.org/blog/review-achille-mbembe-out-of-the-dark-night> (accessed: 20.02.2022).

² Musila G. A. Chimamanda Adichie: The Daughter of Postcolonial Theory // Al-Jazeera. February 4, 2018. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2018/2/4/chimamanda-adichie-the-daughter-of-postcolonial-theory> (accessed: 20.02.2022).

³ Него-феминизм — теория и практика, основанные на аутентичной культуре переговоров. Идея него-

те же повествовательные одежды, что и художественная литература Адичи⁴»⁵. Как заметила Г. Мусила, теории и истории (нарративы) выполняют одну и ту же функцию — «помогают нам понять наш мир»⁶.

Африканские и азиатские интеллектуалы, несущие на себе «бремя репрезентации»⁷, перехватили пальму первенства из рук ученых Старого и Нового Света. Производство знаний монополизировалось. Его реконструкция в настоящее время происходит под влиянием извне и изнутри: из Латинской Америки, Африки, Азии и диаспор. Разнообразие эмпирического опыта способствует обогащению его содержания, методологии, контекстов, терминологического ряда — всего того, что можно определить как эпистемологию.

На фоне ее обновления происходит возникновение метатеорий, базирующихся на метадаанных и обладающих особой металогикой. Их целью является комплексное систематическое описание появившихся ранее теорий, их свойств, структур и сюжетов. Метанарративы балансируют на уровне мега- и метажанров и нередко тяготеют к использованию весьма сложного, нередко искусственно сконструированного, метаязыка. Такова, по сути, идея постколониальности (отчасти ее можно рассматривать в качестве рефлексии идеи колониальности), претерпевшая значительную диверсификацию в последние десятилетия. Вместе (имплицитно и эксплицитно) возникшие на ее основе дискурсы могут трактоваться как отдельная субстанция (или субстрат) и одновременно как часть более сложного идейного комплекса, характерного для определенной — постколониальной — эпохи.

феминизма подробно раскрыта в трудах Обиомы Ннаемеки. Подробнее см.: (Мильто, 2021).

⁴ Адичи Чимаманда Нгози (родилась в 1977 г.) — нигерийско-американская писательница; по этнической принадлежности игбо; в 2017 г. стала членом Академии искусств и наук США.

⁵ Musila G. A. Chimamanda Adichie: The Daughter of Postcolonial Theory // *Al-Jazeera*. February 4, 2018. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2018/2/4/chimamanda-adichie-the-daughter-of-postcolonial-theory> (accessed: 20.02.2022).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

Постколониальность vs деколониальность

Взаимообратные процессы колонизации и деколонизации не ограничились утратой/обретением политического суверенитета и оказали влияние на экономику и культуру колонизаторов и колонизированных. Если, по мнению философа камерунского происхождения А. Мбембе, едва ли не самого блистательного критика колониализма, воспитанного под воздействием французского постмодернизма в тени «школы Анналов», Франция (а возможно, и другие экс-метрополии) практически обошла «без самодеколонизации», сокрыв под завесой либерализма и демократии проявления расового и колониального насилия, покончить с которыми все еще невозможно (Mbembe, 2021), демистификация постколониальности, происходившая главным образом в африканской среде, повлекла за собой множество реинтерпретаций. Ученые и писатели проявили себя прежде всего на лингводискурсивном уровне, позволяющем за кажущейся однозначностью представлений о постколониальности обнаружить ее новые реально существующие и возможные толкования.

Показателен фрагмент, описанный в одном из постов Кайли Киунгую, исходящей в своих размышлениях из тезиса о том, что «постколониальная теория — это сила, разрушающая то, что Чимаманда Адичи назвала нарративом “одной истории”»⁸. Одновременно кенийская журналистка приводит слова самой писательницы, в интервью заявившей следующее: «Постколониальная теория? Я не знаю, что это значит. Я думаю, что это придумали профессора, потому что им нужно было найти работу»⁹. В ответ профессор Г. Мусила написала на сайте *Aljazeera.com*: «Если мы хотим устранить неравенство, ограничивающее возможности искусства и идей

⁸ Kiunguyu K. Postcolonial Theory Is the Force Dismantling What Chimamanda Adichie Termed the “Single Story” Narrative // *This is Africa*. February 12, 2018. URL: <https://thisisafrika.me/politics-and-society/postcolonial-theory-chimamanda-adichie/> (accessed: 20.02.2022).

⁹ Ibid.

постколониального мира, урок ясен: мы все должны принять постколониальную мысль»¹⁰.

Примерно таким же образом в процессе осмысления и обсуждения идеи проявилось размежевание. Прежде всего оно касалось различий в оценке проблем де- и постколониальности. Деконструкция отчасти была более приемлемой для африканских интеллектуалов, так как предполагала некую протяженность во времени. Она воспринималась как процесс, динамичный и изменчивый, связанный с насущной необходимостью решения множества проблем, направленных на преодоление пережитков колониализма в сфере науки, культуры и образования. Ситуация постколониальности, устоявшаяся и в определенном смысле статичная, требовала принятия свершившихся перемен и, как следствие, изменения способа их репрезентации, к чему не все ее исследователи оказались готовы. Однако в границах хронотопа на уровне пространственно-временных координат обе идеи дополняли и обогащали друг друга. Деконструкция являлась эманацией времени; постколониальность акцентировала внимание на пространственных характеристиках ситуации, неразрывно связанной с реалиями XXI в.

По словам профессора Байройтского университета (ФРГ), идейного вдохновителя «Африканской деколонизальной исследовательской сети» (*Africa Decolonial Research Network*, ADERN) Сабело Ндлову-Гатшени, примиряющего в своих работах идеи деколонизации и постколониальности, колониализм и укоренившаяся в качестве его следствия колониальная ментальность дестабилизируют состояние бывшего угнетенного и провоцируют такие трагедии, как «эпистемицид», «лингвицид» и «культуроцид»¹¹:

¹⁰ Musila G. A. Chimamanda Adichie: The Daughter of Postcolonial Theory // Al-Jazeera. February 4, 2018. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2018/2/4/chimamanda-adichie-the-daughter-of-postcolonial-theory> (accessed: 20.02.2022).

¹¹ Decolonization, Decoloniality, and the Future of African Studies: A Conversation with Dr. Sabelo Ndlovu-Gatsheni // Items. Insights from the Social Sciences. January 14, 2020. URL: <https://items.ssrc.org/from-our-programs/decolonization-decoloniality-and-the-future-of-african-studies-a-conversation-with-dr-sabelo-ndlovu-gatsheni/> (accessed: 25.03.2022).

каждая из них связана с уничтожением, вытеснением и подменой знания, языка и культуры соответственно. Преодоление этих катастроф и обретение качественно нового состояния, по мнению ученого, напрямую зависят от процесса «переосмысления мышления как такового»¹².

Деконструкция сознания привела к отходу от методологии евроцентризма в научных исследованиях, расширив границы поиска «связующих паттернов» на региональном, континентальном и трансконтинентальном уровнях. Процесс обновления эпистемологии состоял из трех фаз:

- 1) осознания кризиса;
- 2) деконструкции прежних эпистем — деколонизации знаний;
- 3) создание новых эпистем и нарративов.

Вследствие постколониального поворота, вызвавшего к жизни целый ряд старых и новых «-измов» (в их числе панафриканизм, афроцентризм, афрополитизм), определилась стратегия целенаправленной трансформации эпистемологии и геополитики знания, что во многом произошло под влиянием работ аргентинского исследователя В. Миньоло, в частности статьи «Геополитика знания и колониальное различие» (Mignolo, 2002). Утверждение об угрозах тотального распространения западной эпистемологии лежало в основе его изысканий. Деконструкция стала сущностной характеристикой и альтернативной реальностью гуманитарного знания, а также одним из возможных принципов трансформации политической, социальной и культурной жизни современного общества.

Африканским интеллектуалам более всего удалось преуспеть в реконструкции и репрезентации «узловых» (Mbembe, 2021) ситуаций, связанных с существованием на пересечении пространства и времени, таких, например, как трансцендентность и идентичность. Более полувека они также ведут дискуссии на темы исхода и изгнания, параллельно открывая для себя и других новые смыслы в обсуждении проблем глобализации и метисации, гибридности и кросс-культурного диалога, интеллектуальной и

¹² Ibid.

персональной истории, культурного наследия и исторической памяти.

Условность границ коллективной идентичности и ее зависимость от признания со стороны окружающих способствовали, по мнению философа и культурного антрополога К.Э. Аппиа, актуализации личных достижений — прежде всего в области гуманитарных наук. «Стереотекстуальность» — объемное восприятие мира в целом и Африки в частности — оказалась свойственна значительной части африканских интеллектуалов (полиглотов), склонных к самотрансценденции, обладающих способностью вобрать в себя иное и ретранслировать его на весь мир. Таков сам К.Э. Аппиа, потомок британской аристократии и королевского рода ашанти, выпускник Кембриджского университета (Великобритания), президент Американской академии литературы и искусства. Таков и А. Мбембе. Оба на сегодняшний день могут быть отнесены к числу самых ангажированных мыслителей из числа африканских ученых. К.Э. Аппиа в течение многих лет работал в лучших университетах США, входящих в «Лигу плюща». А. Мбембе преподавал во Франции, а в настоящее время является профессором Витватерсрандского университета (ЮАР). Он автор книги «О постколонии» (Mbembe, 2001), собравшей 7239 цитирований и в значительной мере ставшей хрестоматийной для всех, кто интересуется ситуацией постколониальности¹³.

Книга «Космополитизмы» (Cosmopolitanisms, 2017) с послесловием К.Э. Аппиа набрала, согласно подсчетам, анонсированным на ресурсе *Google Scholar*, 7313 цитирований. В других своих исследованиях «В доме отца моего: Африка в философии культуры» (4930 цитирований), «Этика идентичности» (3423 цитирований)¹⁴ — он не просто ставит — анализирует ключевые проблемы современности, разрушая стереотипы и барьеры их восприятия. Трактовки таких категорий,

как раса и цвет, культура и идентичность, этика и мультикультурализм, космополитизм и патриотизм, базируются на методологии постмодернизма. Несмотря на ее европейские корни, возможно, в силу эндогенности, связанной с происхождением автора, в его произведениях очевидным становится обновление эпистемологии, феноменологии и семантики знания, накопление которого ведется ограниченной по численности, но весьма авторитетной когортой людей, осуществляющих прорывы в области африканских исследований. Их главный посыл, адресованный африканцам («своим»), точно сформулировала Ноа Соу, писатель, художник, фрилансер. В слегка перефразированном формате он может звучать так: «Мы творим историю, мы пишем историю, мы — история!» (Sow, 2017, p. 28).

Несмотря на международное признание вклада африканских интеллектуалов в формирование и популяризацию постколониальных дискурсов (Африка: постколониальный дискурс, 2020), некоторые из них предпочитают дистанцироваться от самой эмблемы постколониальности. В качестве причин отказа от постколониальной терминологии и концептуализации наиболее часто упоминались несвоевременность их применения и несоответственность по отношению к опыту континента. Кенийский литературовед Саймон Гиканди, камерунский литературный критик Чарльз Нгиеви Теке, малавийский историк Пол Тиямбе Зелеза сходятся во мнении, что большинство стран Африки в полной мере еще не избавились от колониализма, не достигли того заветного состояния «пост-», позволяющего «теоретизировать» в соответствующей манере. Тяготая к некой интеллектуальной автономии, а также к терминологической и методологической оригинальности, они нередко объявляли постколониальный подход ограниченным.

Так, нигерийский ученый Адебайо Уильямс в качестве ключевой проблемы постколониализма видел его неспособность включить в себя «аутентичную, прекрасно подходящую африканскую составляющую» (Williams, 1997, p. 831). В последние годы тенденция атомизации усилилась, и все чаще интеллек-

¹³ Achille Mbembe // *Google Scholar*. URL: <https://scholar.google.co.za/citations?user=1i7hKfQAAAAJ&hl=en> (accessed: 03.06.2022).

¹⁴ Kwame Anthony Appiah // *Google Scholar*. URL: <https://scholar.google.com/citations?user=B6ZqFrUAAAAJ&hl=en> (accessed: 03.06.2022).

туалы африканского происхождения (прежде всего выходцы из региона Южной Африки — С. Ндлову-Гатшени, Малесела Джон Ламола, Нокутула Хлабангане, Леонард Праег) предпочитают работать в пространстве концепции деколониального выбора.

С. Ндлову-Гатшени, признавая наличие «у Африки своей собственной генеалогии постколониализма», указывает на то, что данный дискурс «бросает вызов не только метанарративам, но и трансцендентным культурным общностям и трансцендентным идентичностям» (Ndlovu-Gatsheni, 2019, p. 201). По его мнению, в отличие от концепций деколониального выбора и деколониальности, объединяющих и продолжающих такие течения, как эфиопанизм, гарвизм, негритюд, панафриканизм и т. д., постколониальность разрывает с ними связь.

Поэтому постколониальные дискурсы можно рассматривать как замещающий метанарратив, который пришел на смену всему тому, что, так или иначе, было частью «колониальной библиотеки», вместившей значительное число исследований, содержащих идеи антиколониализма и деколонизации, в том числе принадлежащие перу таких признанных авторов, как Ф. Фанон, Кваме Нкрума (Nkrumah, 1964a; 1964b), Леопольд Сенгор (Senghor, 1964; 1977), В.Й. Мудимбе и др. В их трудах колониализм, оставаясь базисом постколониальной системы координат, подвергся не столько деструкции, сколько инверсии: бывшая периферия нередко объявлялась новым центром, герои становились антигероями и наоборот, прежние нарративы заменялись «самобытными формами высказывания» (Бахманн-Медик, 2017, с. 228). Примерами тому служат негритюд Л. Сенгора, коншиенсизм К. Нкрумы, афроцентризм Шейха Анта Диопа и другие теории, которые в условиях господства евроцентризма было принято называть маргинальными, возникшими на периферии литературного и культурного пространства.

С. Ндлову-Гатшени и группа его учеников («гатшенианцев») во многом солидарны с С. Гиканди, предположившим, что «постструктуралистская теория и ее постколониальная версия, которые изначально обещали

деконструкцию евроцентризма, на самом деле перезаписали и укрепили его» (Gikandi, 2001, p. 6), и Рамоном Гросфогелем, утверждавшим, что постколониальные исследования, в свою очередь, тоже следует «деколонизировать в ходе эпистемического деколониального поворота» (Grosfoguel, 2011).

Согласно точке зрения Р. Гросфогеля, необходимость в деколонизации постколониальных исследований мотивирована исключая крайности «пограничным мышлением». Оно является «критическим ответом на гегемонистский и маргинальный фундаментализм»¹⁵, глобальный и локальный. Такой подход импонирует тем, кто видит будущее эпистемологии не только в преодолении евроцентризма, но и в разнообразии методов критического анализа.

Африка как лаборатория знаний

Вслед за А. Мбембе многие сторонники поиска новых путей в рамках концепции «деколониального выбора» считают, что Африка в настоящее время представляет собой эпистемологическую лабораторию. В книге «Из темной ночи: очерки деколонизации» (Mbembe, 2021) А. Мбембе отмечал, что «нет лучшего места... для ученых, стремящихся описать новизну и оригинальность, множественность, уникальность и сложность» (Mbembe, 2021, p. 12) ситуаций, разворачивающихся на фоне деколонизации, которую он рассматривает не как единичное событие, а как совокупность сложных, неравномерных и разнообразных процессов, протекающих на протяжении длительного времени. Это не передача власти местным элитам, а эпистемологический и структурный вызов западной гегемонии.

Одним из базисов постколониальной идеи стала деконструкция. Сама по себе она стала формой интеллектуальной деколонизации. Африканские авторы подвергали и подвергают процедуре деконструкции не только западную систему знаний, но и концептуальные построения ее недавних критиков — африканцев.

¹⁵ Kwame Anthony Appiah // Google Scholar. URL: <https://scholar.google.com/citations?user=B6ZqFrUAAAAJ&hl=en> (accessed: 03.06.2022).

Подобно Ф. Фанону в деколонизации А. Мбембе видит переформатирование туземного бытия в сторону современного (Mbembe, 2021 p. 42). Борьба против колониального отчуждения, по его мнению, должна произойти посредством избавления от того, что он называет «черной болью»¹⁶. Это исцеление, в свою очередь, требует «эндогенных знаний» (Ngugi wa Thiong'o, 1984), подобных тем, что, например, ретранслировал Л. Сенгор. «Мосты», наведенные им во имя признания наличия у Африки своей истории и культуры, которая, безусловно, является частью мировой, внесли изменения в статус континента и повлияли на место Африки в мировой — глобальной — системе координат.

А. Мбембе неоднократно подчеркивал центральное место эндогенного знания в деколонизальной практике. Однако только с помощью этого знания, по его мнению, нельзя обеспечить окончательное освобождение. Деколонизация не есть возврат в доколониальную Африку. Прежде всего — это критика евроцентричного знания и — одновременно — средство противостоять нормативному взгляду белых. Необходимо добиться превращения Африки в субъект истории и дать возможность африканцам, наряду с неафриканцами, легализовать свои представления об Африке.

А. Мбембе — не без оснований — видит в Африке «авангард мировой истории», площадку для генерирования социальной теории и новый формат глобального будущего и рассматривает ее как центральное место постмодернистских экспериментов. Афрополитическая перспектива, по его мнению, как маяк освещает запутанные узлы, связующие колонизаторов и колонизованных, высвечивая то, что в конечном счете отвечает потребностям в необычном и даже — в некоторой степени — беспрецедентном знании.

Для А. Мбембе современная Африка и диаспора есть среда для критического пересмотра пульсирующих связей между

угнетением и сопротивлением, колонизатором и колонизированным, хозяином и рабом, центром и периферией, основанных на особенностях континента и мобильности его населения. Предмет его собственных исследований — неудобное мышление, где глобальное встречается с локальным. Игнорирование мобильности, преемственности и совпадений для него означает провинциализацию знаний и разъединение историй, пренебрежение взаимосвязью прошлого, настоящего и будущего.

По мнению А. Мбембе, академические и обыденные, отягощенные профанным мышлением создателей, дискурсы об Африке содержат множество клише, которые напрямую связаны с евроцентричными фантазиями и страхами. Вслед за Ф. Фаноном А. Мбембе подчеркивал, что такое изображение не есть настоящая Африка, а лишь ее бессознательная проекция, симулякр, мем, воплощение многочисленных комплексов, в том числе порожденных чувством вины. Подобно В.И. Мудимбе А. Мбембе интерпретирует Африку не как определенное, изолированное место, а как средоточие противоречий, которые заметно осложняют взаимоотношения с остальным миром и проявляются на политическом, экономическом, психологическом, культурном, семиотическом и физиологическом уровнях.

Несколько десятилетий тому назад об этом писал нигерийский публицист и литературный критик, один из идейных вдохновителей афроцентризма Чинвейзу¹⁷, известный своими провокационными высказываниями. В работах «Запад и остальные из нас: белые хищники, черные рабы и африканская элита» (Chinweizu, 1975), «К деколонизации африканской литературы. Том I: Африканская проза и поэзия и ее критики» (Chinweizu, Onwuchekwa & Ihechukwu, 1983) в соавторстве с Онвучеквой Джеми и Икечукву Мадубуике, «Деколонизация африканского разума» (Chinweizu, 1987) и других (Chinweizu, 1984) он одним из первых акцентировал внимание на постколониальных дискурсах.

¹⁷ Чинвейзу (полное имя — Ибекве Чинвейзу) родился в 1943 г.

¹⁶ Jili B. Review: Achille Mbembe. *Out of the Dark Night // Theory Culture & Society*. August 16, 2021. URL: <https://www.theoryculturesociety.org/blog/review-achille-mbembe-out-of-the-dark-night> (accessed: 20.02.2022).

избавления от множества колониальных комплексов и деколонизации подходов к вопросу об аутентичности культурных и языковых традиций народов континента.

Чинвейзу конфликтовал с диссертационной комиссией при получении докторской степени (PhD) по поводу представленного к защите текста, опубликованного сначала в виде монографии. Он многократно подвергался жесткой критике за свой радикализм, снобизм и весьма оригинальные воззрения на проблемы истории США и Африки, в том числе со стороны первого африканского лауреата Нобелевской премии по литературе Воле Шойинки (Soyinka, 1975). Однако его идеи по вопросу о деколонизации литературного процесса и реформировании языка вплоть до настоящего времени представляются актуальными и злободневными.

По сути, он предвидел, что в создании постколониальных метанаративов и метаязыка должны участвовать не только ученые, но и представители литературного сообщества. Так и случилось, свидетельством тому служат, например, произведения Ч.Н. Адичи и Тайе Селаси. «В ситуации, когда два языка и две культуры находятся во взаимодействии, будет место лингвистической/культурной интерференции» (Айо, 2009, р.75).

Пересечение колониального и де-/постколониального породило оригинальное смешение языковых традиций и практик. Авторы африканского происхождения шли как по пути «приручения» (Айо, 2009, р. 76) английского (и не только английского) языка, так и по пути введения лингвистических инноваций. Это касается писателей старшего поколения и тех, кто только начинает свой путь.

В условиях неологического бума, во многом связанного с эпохой глобализации и цифровизации, такие созданные по сходной модели неологизмы, как негритюд (Cesaire, 1956) и мигритюд (его ретрансляция началась в 2006 г. в поэтическом шоу кенийской писательницы индийского происхождения Шайли Патель, сценарий которого позднее был переформатирован в одноименную поэму (Patel, 2010)), успешно прошли процесс социализации и лексикололизации (Ali, 2019), как и искусственно изобретенные писательницей

Тайе Селаси по образу и подобию слов «космополит» и «космополитизм» новые конструкции «афрополит» и «афрополитизм».

Более сложным оказался путь адаптации в лингвистической среде таких лексем, как «Африкана» (Africanah) и «Американа» (Americanah), несмотря на наличие аналогий (Africana; Americana) в романо-германских языках.

В русском и других славянских языках с трудом приживаются многие вновь созданные термины, перевод и транслитерация которых затруднена. В их числе, например, слово «афропеец» и производные от него (афропейство, афропейцы и т. д.). В переводе названия недавнего романа Ч.Н. Адичи (Adichie, 2013) на русский язык вообще произошла досадная и непростительная ошибка, сделавшая его воспроизведение абсолютно неадекватным (Адичи, 2018).

Одной из миссий африканских писателей и публицистов в контексте постколониального дискурса стала «индигенизация» (Айо, 2009, р. 76) языка, внедрение категорий, характеризующих мировоззрение, менталитет, повседневность жителей стран, с которыми они ассоциируют себя и героев своих произведений. Так, например, нигерийские авторы разных поколений, в числе которых Чинуа Ачебе и Воле Шойинка, Бучи Эмечета и Бен Окри, Феми Фатоба и Чигози Обиома (Обиома, 2021) «глобализировали» космологию йоруба и игбо, познакомив публику с концептами *чи*¹⁸, *бенмуо*¹⁹, *абику*²⁰.

В отличие от Нгуги Ва Тхионго или Нийа Осундаре, пытавшихся отказаться от использования языка колонизатора в пользу кикуйю и йоруба, множество литераторов, сознавая масштабы международной читательской аудитории, пошли по пути трансформации английского или французского языка. Благодаря языковой интерференции, инициированной африканцами, не только в английском языке укоренились слова «джаз» и «кола»,

¹⁸ Чи — трансцендентная сущность, сопровождающая человека; дух-хранитель у народа игбо.

¹⁹ Бенмуо — мир духов в мифологии игбо.

²⁰ Ребенок-дух в мифологии йоруба, «возвратное дитя», который, рождаясь и умирая, изводит свою мать.

«мамба» и «зебра», «вуду» и «сафари», «зомби» и «макака», «квашиокор» и «харматан».

«Африканский способ» обращения со словом был удостоен особого названия — «оратура»²¹. Появление Интернета, спровоцировавшее коммуникационную революцию, привело к тому, что устные традиции проникли в онлайн-пространство. Оратура трансформировалась в «кибертуру» (Хохолькова, 2021).

Постколониальные метанарративы во-брали в себя разнообразные традиции предшествовавшего периода. Многие из них созданы за пределами Африки учеными и писателями африканского происхождения, которые, как никто другой, сознавали уязвимые места ретранслируемых ими идей и точек зрения. К.Э. Аппиа, входящий в «триумвират» африканских постколониальных исследователей, высказывал критические замечания в адрес постколониального дискурса. Он отмечал: «Постколониальность — состояние, которое мы могли бы неблагородно назвать плодом деятельности компрадорской интеллигенции: относительно небольшой группы писателей и мыслителей западного образца, получивших образование на Западе, которые опосредуют торговлю культурными товарами мирового капитализма на периферии. На Западе они известны благодаря Африке, репрезентацией которой они занимаются. Их соотечественники знают о них через Запад, который они представляют Африке, и через Африку, которую они придумали для мира, друг для друга и для Африки» (Appiah, 1991, p. 348).

По мнению ученого, интеллектуалы в Африке полностью зависят от двух ключевых международных институтов: африканских университетов, интеллектуальная жизнь ко-

торых обустроивалась по образу и подобию западных, и европейских и американских издательств, имеющих возможность ретранслировать знания, генерируемые африканцами на благо читателей, тяготеющих к миру «книжной культуры». Такое положение в той или иной мере влияет на создаваемые интеллектуальные продукты, но не отменяет их самоценности.

Кода (вместо заключения)

В условиях движения за эпистемологическую свободу современная текстура знания приобретает сходство с матрицей. Внутри каждой «постколониальной ячейки» информация генерируется, накапливается и активно преобразуется за счет множества «валентностей» (Ndlovu-Gatsheni, 2019, p. 201) — цепей взаимодействия с другими близкими ей явлениями/сегментами. Экстраполяция знаний ведется посредством актуализации историсофских представлений через осмысление опыта прошлого и настоящего и «умножение сущностей», к числу которых можно отнести теории с приставками «пост-», «транс-», «мета-» и их разнообразные производные.

Стремление к интеллектуальному суверенитету, кристаллизующееся в смежных пространствах деколониального и постколониального, направлено на реабилитацию произведенных за пределами Старого и Нового Света идей и знаний и превращение их в коллективную собственность в противовес традициям империализма, колониализма, эксплуатации и любым формам доминирования.

Африка и африканская диаспора образовали особое интеллектуальное гравитационное поле, которое, вопреки классическим установкам евроцентризма, служит масштабной эпистемологической лабораторией. В ее рамках идет активная разработка деколониальных и постколониальных теорий, в противоречивом взаимодействии которых формируются уникальные фрагменты «мозаичной эпистемологии» (Ndlovu-Gatsheni, 2019, p. 222) Глобального Юга.

²¹ Термин «оратура» (“orature”) был придуман угандийским лингвистом Пио Зириму в 1960-х гг. путем контаминации словосочетания «ораторское мастерство» (“oratory”) и слова «литература» (“literature”) для того, чтобы избежать использования фразы «устная литература», воспринимаемой им как оксюморон. В дальнейшем его активно использовал известный нигерийский писатель Нгуги Ва Тхионг’о.

Библиографический список

- Адици Ч. Н. Американха. Москва : Фантом Пресс, 2018.
- Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. Москва : Институт Африки РАН, 2020.
- Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. Москва : Новое литературное обозрение, 2017.
- Кант И. Критика чистого разума. Сочинения : в 6 томах. Т. 3. Москва : Мысль, 1964.
- Мильто А. В. Ключевые проблемы и направления постколониального феминизма // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. № 4 (58). С. 516—525. <http://dx.doi.org/10.18255/1996-5648-2021-4-516-525>
- Обиома Ч. Оркестр меньшинств. Москва : Эксмо, 2021.
- Сауд Э. Культура и империализм. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2012.
- Фанон Ф. О национальной культуре // Литература стран Африки: сборник статей / под ред. Ф. М. Брескиной и др. Сб. 2. Москва : Наука, 1966. С. 14—48.
- Хохолькова Н. Е. Голоса Африки: подкаст как новая форма устной истории // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 1. С. 22—31. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-1-22-31>
- Adichie Ch. N. Americanah. New York : Knopf, 2013.
- Ali A. Migritude: Migrant Structure of Feeling in a Minor Literature of Globalization [PhD thesis]. New York : The Graduate Center, City University of New York, 2019.
- Appiah K. A. Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers. New York : W.W. Norton & Co., 2006.
- Appiah K. A. In My Father House: Africa in the Philosophy of Culture. New York, Oxford : Oxford University Press, 1992.
- Appiah K. A. Is the Post- in Postmodernism the Post- in Postcolonial? // Critical Inquiry. 1991. Vol. 17, no. 2. P. 336—357.
- Appiah K. A. The Ethics of Identity. Princeton : Princeton University Press, 2007.
- Appiah K. A. The Lies that Bind: Rethinking Identity. London : Profile Books, 2018.
- Ayo K. English and the Postcolonial Writer's Burden: Linguistic Innovations in Femi Fatoba's My 'Older' Father and Other Stories // Journal of African Cultural Studies. 2009. Vol. 21, no. 1. P. 75—89. <https://doi.org/10.1080/13696810902986466>
- Bhabha H. The Location of Culture. London, New York : Routledge, 1994.
- Cesaire A. Cahier d'un retour au pays Natal. Paris : Presence Africaine, 1956.
- Chinweizu I. Decolonizing the African Mind. New York : Pero Press, 1987.
- Chinweizu I. The Responsibilities of Scholars of African Literature // Research Politics in African Literature / ed. by B. Lindfors. Munich, New York, London, Paris : Hans Zell Publishers, 1984. P. 13—19.
- Chinweizu I. The West and the Rest of Us. White Predators, Black Slavers and African Elite. New York : Vintage Books, 1975.
- Chinweizu I., Onwuchekwa J., Ihechukwu M. Towards the Decolonization of African Literature: African Fiction and Their Critics. Washington, DC : Howard University Press, 1983.
- Cosmopolitanisms / ed. by B. Robbins, P. L. Horta. New York : NYU Press, 2017.
- Diop Ch. A. Anteriorite des civilisations Negres: mythe on verite historique? Paris, Dakar : Presence Africaine, 1993.
- Diop Ch. A. Black Africa: The Economic and Cultural Basis for a Federal State. Westport : Hill, 1978.
- Diop Ch. A. Nations negres et culture. De l'antiquite negro-egyptienne aux problemes culturels de l'Afrique Noire d'aujourd'hui. Paris : Presence Africaine, 1954.
- Diop Ch. A. Precolonial Black Africa. A Comparative Study of the Political and Cultural Systems in Europe and Black Africa? From Antiquity to the Formation of Modern State. Westport : Lawrence Hill & Company, 1987.
- Diop Ch. A. The African Origin of Civilization. Myth or Reality. New York, Westport : Lawrence Hill & Company, 1974.
- Fanon F. Les Damnes de la Terre. Paris : F. Maspero, 1961.
- Fanon F. The Wretched of the Earth (A Negro Psychoanalyst's Study of the Problems of Racism and Colonialism in the World Today). New York : Grove Press, 1966.
- Gikandi S. Theory, Literature, and Moral Considerations // Research in African Literatures. 2001. Vol. 32, no. 4. P. 1—18.

- Grosfoguel R.* Decolonizing Post-Colonial Studies and Paradigms of Political-Economy: Transmodernity, Decolonial Thinking, and Global Coloniality // *Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2011. Vol. 1, no. 1. P. 1—38. <https://doi.org/10.5070/T411000004>
- Mazrui A. A.* *The Africans: A Triple Heritage*. Boston, Toronto : Little, Brown & Company, 1986.
- Mazrui A. A.* *Towards a Pax Africana. A Study of Ideology and Ambition*. Weidenfeld & Nelson : London, Trinity Press, 1967.
- Mazrui A. A.* *World Culture and the Black Experience*. Washington : University of Washington Press, 1974.
- Mazrui A. A., Mazrui A. M.* *The Power of Babel: Language and Governance in The African Experience*. Oxford, Nairobi, Kampala, Chicago : James Currey, 1998.
- Mbembe A.* At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality, and Sovereignty in Africa // *Public Culture*. 2000. Vol. 12, no. 1. P. 259—284. <https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259>
- Mbembe A.* Necropolitics // *Public Culture*. 2003. Vol. 15, no. 1. P. 11—40. <https://doi.org/10.1215/08992363-15-1-11>
- Mbembe A.* *On the Postcolony*. Berkley : University of California, 2001.
- Mbembe A.* *Out of the Dark Night: Essays on Decolonization*. New York : *Columbia University Press*, 2021.
- Mignolo W. D.* The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference // *The South Atlantic Quarterly*. 2002. Vol. 101, no. 1. P. 58—96.
- Mudimbe V. Y.* *The Idea of Africa*. Bloomington : Indiana University Press, 1994.
- Mudimbe V. Y.* *The Invention of Africa*. London : Bloomington, 1988.
- Mudimbe V. Y.* *The Mudimbe Reader*. Charlottesville : University of Virginia Press, 2016.
- Ndlovu-Gatsheni S. J.* Discourses of Decolonization/Decoloniality // *Papers on Language and Literature*. 2019. Vol. 55, iss. 3. P. 201—226.
- Ngugi wa Thiong'o.* The Role of the Scholar in the Development of African Literatures // *Research Politics in African Literature* / ed. by B. Lindfors. Munich, New York, London, Paris : Hans Zell Publishers, 1984. P. 7—12.
- Nkrumah K.* *Consciencism. Philosophy and Ideology for Decolonization and Development with Particular Reference to the African Revolution*. London : Heinemann, 1964a.
- Nkrumah K.* *Neo-Colonialism. The East Stage of Imperialism*. London : Nelson, 1964b.
- Patel Sh.* *Migritude*. New York : Kaya Press, 2010.
- Said E. W.* *Orientalism*. New York : Vintage Books, 1994.
- Senghor L. S.* *Liberte 3: Negritude et civilisation de l'universel*. Paris : Seuil, 1977.
- Senghor L. S.* *Negritude et humanisme*. Paris : Seuil, 1964.
- Sow N.* Diaspora Dynamics: Shaping the Future of Literature // *Journal of the Africa Literature Association*. 2017. Vol. 11, iss. 1. P. 28—33. <https://doi.org/10.1080/21674736.2017.1335953>
- Soyinka W.* Neo-Tarzanism. The Poetics of Pseudo Tradition // *Transition*. 1975. No. 48. P. 38—44.
- Spivak G. Ch.* Can the Subaltern Speak? // *Marxism and the Interpretation of Culture* / ed. by C. Nelson. Basingstoke : Macmillan, 1988. P. 271—313.
- Williams A.* The Postcolonial Flaneur and Other Fellow-Travellers: Conceits for a Narrative of Redemption // *Third World Quarterly*. 1997. Vol. 18, no. 5. P. 821—841. <https://doi.org/10.1080/01436599714614>

Сведения об авторах: *Гавристова Татьяна Михайловна* — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; ORCID: 0000-0003-3390-6960; e-mail: tagavristova@gmail.com

Хохолькова Надежда Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН; ORCID: 0000-0002-5165-1925; e-mail: khokholkova@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-700-713

Научная статья / Research article

Взаимоотношения неприсоединившихся стран Африки и «второго мира» (1960—1980-е гг.) на примере Сьерра-Леоне

А.Ю. Шипилов^{1,2} ¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация² Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация shipilov-ayu@rudn.ru

Аннотация. Раскрывается проблематика отношений африканских стран с государствами «второго мира» через призму внешнеполитической деятельности Сьерра-Леоне. Рассматриваются два периода внешней политики Сьерра-Леоне — в годы существования Вестминстерской двухпартийной модели в 1961—1970 гг. и в 1971—1985 гг., когда в стране установился авторитарный режим во главе с президентом Сиакой Стивенсом. Центральное место занимает анализ сотрудничества Сьерра-Леоне и Советского Союза. Цель — определить, чем руководствовались страны, избравшие путь неприсоединения в рамках биполярного противостояния второй половины XX в., выстраивании своих отношений с социалистическим блоком. Актуальность темы связана с тем, что логика и принципы выстраивания отношения с ключевыми мировыми державами малых неприсоединившихся стран, обладающих как небольшими силовыми ресурсными возможностями, так и ограниченными политическими и экономическими амбициями, в меньшей степени отражены в научных работах. Исследование опирается на компаративистский и историко-генетический методы, а также на метод кейс-стади. Также используются материалы Государственного архива Сьерра-Леоне. Автор приходит к выводу, что отношения Сьерра-Леоне и стран «второго мира» основывались скорее на экономическом прагматизме, нежели чем на основе идеологической или политической близости. Для Сьерра-Леоне отношения с социалистическими странами выступали инструментом диверсификации внешнеполитической деятельности. Это выделяло Сьерра-Леоне на фоне соседних государств Западной Африки, которые либо сохраняли ориентацию на страны «первого мира», а именно Францию и США, либо же переориентировались на Советский Союз.

Ключевые слова: холодная война, второй мир, третий мир, Западная Африка, Сьерра-Леоне

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Консорциума ИВИ РАН и МГИМО МИД России «Глобальная история: региональные и национальные составляющие».

Для цитирования: Шипилов А. Ю. Взаимоотношения неприсоединившихся стран Африки и «второго мира» (1960—1980-е гг.) на примере Сьерра-Леоне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 700—713. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-700-713>

© Шипилов А.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Relations between the Non-Aligned Countries of Africa and the Second World (1960—1980s): The Case of Sierra Leone

Alexander Yu. Shipilov^{1,2}

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

² Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 shipilov-ayu@rudn.ru

Abstract. The research covers Sierra Leone's relations with the Second World through the prism of Sierra Leone's foreign policy. Two periods of Sierra Leone's foreign policy are considered: during the Westminster bipartisan model from 1961 to 1970, and when the authoritarian regime led by President Siaka Stevens was established from 1971 to 1985. The central issue of the research is analysis of Sierra Leone's cooperation with the Soviet Union. The aim of the research is to identify the factors that guided the non-aligned countries within the bipolar confrontation of the second half of the 20th century in building their relations with the socialist bloc. The relevance of the topic is related to the fact that the logic and principles of building relations of small non-aligned countries with both limited power resources and little political and economic ambitions with key world powers are less reflected in studies. The research is based upon comparative and historical-genetic methods as well as case studies. The author makes use of materials from the Sierra Leone Public Archives. The author concludes that Sierra Leone's relations with the Second World were based on economic pragmatism rather than ideological or political proximity. For Sierra Leone, relations with socialist countries served as a tool for diversifying its foreign policy. This set Sierra Leone apart from its neighboring West African states, which either maintained an orientation towards first-world countries, namely France and the US, or reoriented themselves towards the Soviet Union.

Key words: Cold War, Second World, Third World, West Africa, Sierra Leone

Acknowledgements: Article prepared within the framework of the Consortium of the Institute of World History (RAS) and MGIMO University "Global History: Regional and National Components".

For citation: Shipilov, A. Yu. (2022). Relations between the non-aligned countries of Africa and the Second World (1960—1980s): The case of Sierra Leone. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 700—713. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-700-713>

Введение

Деколонизация стран Африки, начавшаяся во второй половине 1950-х гг., привела к возникновению целого ряда новых независимых государств, обладавших значительными ресурсами и унаследованными от колониальных империй границами, инфраструктурой, организацией социального и политического устройства. Вхождение этих государств в систему международных отношений в контексте холодной войны сопровождалось борьбой за их привлечение между западным и социалистическим блоками. Стратификация государств по принципу принадлежности к одному из «трех миров» получила распространение в середине XX в. для отражения сторон холодной войны. «Первый» и «второй» миры включали США и их союзников и страны социалистического блока соответственно.

Для всех остальных, развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки понятие «третий мир» ввел французский исследователь Альфред Сوفي в своей небольшой короткой статье «Три мира, одна планета»¹.

Данные международные условия, проявившие себя в борьбе двух «миров», стали одним из основных факторов, повлиявших на становление внешней политики получивших независимость африканских государств, их стратегию расширения самостоятельности, обеспечения развития и возможности занять собственное место в глобальных политически значимых процессах.

¹ Sauvy A. Trois mondes, une planète // *L'Observateur*. 1952 (Août 14). N°118. P. 14. URL: <http://www.hommoderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html> (accessed: 21.09.2022). См. также: (Pletsch, 1981, pp. 565—578; Solarz, 2021, pp. 54—57).

Основы взаимодействия африканских государств со сторонами холодной войны

Взаимодействие африканских государств с двумя блоками было в значительной степени продиктовано сырьевой ориентацией их экономик, недостатком материальных ресурсов и кадров, необходимостью укреплять и создавать заново ключевые общественные и государственные институты, а также преодолевать устоявшиеся формы зависимости от бывших колонизаторов. Советская историография содержит фундаментальные исследования основных особенностей и проблем освободившихся стран при выборе дальнейшего пути развития. Особенно тщательно был изучен опыт стран некапиталистической ориентации (см., например: (Гура, Несук, 1981; Кива, 1978)).

В зарубежной историографии проблемы постколониального развития освободившихся стран нашли отражение, в частности, в работах неомарксистских и постколониальных авторов (см., например: (Amin, 1967; Taylor, 2020, p. 50); подробнее о них см.: (Shipilov, 2019, pp. 207—208)). Тем не менее в современных условиях трансформации миропорядка и повышения значимости стран «третьего мира» сохраняет актуальность проблема распространения этих процессов на наиболее уязвимые страны, прежде всего малые африканские государства, и изучения особенностей их включения в систему международных экономических и политических отношений. В этой связи показателен исторический опыт одного из беднейших африканских государств — Сьерра-Леоне — в налаживании взаимодействия со странами различной экономической и политической ориентации в годы холодной войны, избравшей путь неприсоединения на фоне своих соседей по региону, тяготевших к тому или иному полюсу.

После обретения независимости африканские страны оказались перед принципиальным выбором модели взаимодействия с внешним миром в обстановке противостояния двух систем. Одним из возможных вариантов было сохранение преимущественного взаимодействия с бывшими колонизаторами и

встраивание в мировую экономику и систему международных отношений на тех условиях, которые преимущественно определялись Францией, Великобританией и менее крупными европейскими державами. Альтернативой этому могло стать приоритетное сотрудничество с Соединенными Штатами, предлагавшими африканской стороне содействие в ее развитии и становлении независимых институтов, но при условии сохранения политической лояльности и модели экономических отношений, максимально выгодной для американского бизнеса (Rothermund, 2014, p. 23). В этих случаях возможность политического и иного взаимодействия избравших данную модель африканских стран с государствами социалистического блока, которые только начинали обозначать свое присутствие в этом регионе, была резко ограничена².

Наряду с этим африканские страны, стремившиеся предельно быстро освободиться от сохранявшихся форм неоколониального влияния бывших метрополий, были заинтересованы в сотрудничестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Для них это представлялось альтернативой колонизаторам и источником помощи, благодаря которой можно было бы в короткий срок преодолеть прежние формы зависимости. Декларируемая приверженность данной группы стран принципам некапиталистического пути развития часто объясняется современными исследователями преимущественно прагматическими соображениями, а получение ими доступа к поддержке стран социалистического блока воспринимается в качестве способа материального обеспечения фактической деколонизации (см., например: (Мазов, 2020, с. 71)).

Тем не менее далеко не все страны региона избрали путь однозначной внешнеполитической ориентации на тот или иной лагерь

² Кроме того, от контактов с СССР и иными социалистическими странами воздерживались и так называемые страны переселенческого капитализма со значительным белым меньшинством, контролирующим власть в стране, преимущественно на юге Африки (Филатова, Давидсон, 2012, с. 47), однако данная категория стран находится за рамками нашего анализа.

в рамках идеологического противостояния двух блоков. Свою обособленность от полюсов холодной войны страны Азии и Африки, уже получившие независимость либо готовившиеся к этому, продемонстрировали в ходе Бандунгской конференции 1955 г., которая заложила основы Движения неприсоединения. Подобная внешнеполитическая позиция, не связывавшая эти страны жесткими политическими обязательствами перед сверхдержавами, позволяла сотрудничать с обоими лагерями, получать помощь с двух сторон (хотя не всегда в таких объемах, как у определившихся с лагерем молодых освободившихся стран) и сохранять при этом большую степень самостоятельности (Rothermund, 2014, p. 23). При всей своей политической разнородности представители неприсоединившихся стран в основном придерживались данной линии (Lüthi, 2014, p. 97).

Несмотря на номинальную равноудаленность этого движения от двух лагерей, в целом с момента проведения Бандунгской конференции представители США и прочих западных стран относились к нему скорее с настороженностью, тогда как социалистические страны — с одобрением. Это происходило в рамках широкой поддержки социалистическими странами движения к деколонизации даже в случае преобладания в антиколониальных движениях освободившихся стран некоммунистических сил. Поддержка национально-освободительных движений Азии и Африки, а также организация их взаимодействия была частью политики, проводимой Коминтерном с конца 1920-х гг.³, поэтому данные страны рассматривались в СССР скорее как потенциальные союзники в решении хотя бы части международных задач.

Понимая возможность такого сближения интересов «второго» и «третьего» миров, американская администрация Д. Эйзенхауэра в 1950-х гг. относилась к данному движению с недоверием. Тем не менее по вопросам деколонизации США придерживались более

открытой позиции, чем бывшие европейские метрополии. В отличие от последних американская администрация не стремилась законсервировать колониальные привилегии и формальное неравноправие в отношениях «первого» и «третьего» миров. Вместо этого США были готовы сотрудничать с новыми лидерами независимых стран с тем, чтобы не допустить в них советского влияния, а также потеснить интересы бывших колониальных держав и обеспечить преимущества собственному капиталу. Еще при администрации Д. Эйзенхауэра данная позиция выразилась в дипломатической поддержке Египта в ходе Суэцкого кризиса в 1956 г., а после избрания в 1960 г. президентом США Дж. Кеннеди ключевым элементом его политики стало содействие экономическому развитию освобождавшихся от колониальной зависимости стран Азии и Африки в приемлемом для США направлении (Rothermund, 2014, pp. 23, 26).

Таким образом, конкуренция СССР, США и связанных с ними блоков в предоставлении экономической и прочей помощи неприсоединившимся странам Африки стала важным элементом глобального противостояния. Одновременно для освободившихся стран доступ к ресурсам великих держав давал возможность частично решать те социально-экономические, институциональные и инфраструктурные проблемы, с которыми они столкнулись в 1960-х гг. При этом политика как социалистических, так и западных стран, проводимая в отношении деколонизированных стран Африки на протяжении 1960—1980-х гг., не была постоянной и колебалась в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Так, например, африканская политика Дж. Картера в большей мере ориентировалась на продвижение прав человека, в том числе в политически близких странах, в то время как в период правления Р. Рейгана наиболее приоритетной была поддержка декларативно близких политических режимов, готовых бороться с проникновением советского влияния в контексте холодной войны⁴.

³ Например, в рамках организованной представителями Коминтерна Брюссельской антиимпериалистической конференции 1927 г. (Mišković, 2014, p. 2).

⁴ Bright N. O. Interview with Jimmy Carter // PBS Global Connections. 1997. URL: <https://www.pbs.org/>

Для советской же политики на Африканском континенте была характерна конкуренция идеологических и прагматических установок. Первый подход требовал более активного содействия странам, избравшим некапиталистический путь развития, а также сдерживания западного влияния в регионе, что подразумевало и определенную поддержку условно неприсоединившихся стран. Прагматический же подход к реализации советских интересов в Африке заключался в ведении выгодной торгово-экономической деятельности в регионе, так как это открывало доступ к его минерально-сырьевой базе, рыбным и сельскохозяйственным ресурсам даже при сотрудничестве с идеологически неблизкими силами, а также выделении им помощи исходя из ограниченных возможностей СССР и других социалистических стран (Мазов, 2020, с. 66—72).

В результате во многих случаях у западных государств имелось больше средств, доступных для направления помощи странам Африки. Однако это могло быть компенсировано качественными особенностями помощи со стороны социалистического блока, ее концентрацией в наиболее значимых для африканских государств секторах (например, образовании, медицине и развитии аграрного сектора), а также меньшими требованиями к отчетности по выделяемым средствам (Филатова, Давидсон, 2012, с. 281—282).

Таким образом, даже африканские страны, не декларировавшие приверженности социалистической ориентации, в целом были заинтересованы в поддержании контактов с Советским Союзом и остальными странами социалистического блока. Контекст холодной войны, несмотря на возросшие региональные риски в связи с периферийными конфликтами, дал получавшим с 1960-х гг. независимость странам Африки возможность пользоваться ресурсами противоборствующих сторон для решения наиболее актуальных проблем государственного строительства, а также отстаивания собственных интересов

и повышения самостоятельности и значимости на международной арене. При этом в трудах по политике неприсоединившихся государств в годы холодной войны чаще всего рассматриваются интересы и мотивация наиболее крупных либо влиятельных стран, претендующих на лидерство в собственном регионе (см., например: (The Non-Aligned Movement and the Cold War, 2014)).

Логика и принципы взаимодействия с внешним миром малых неприсоединившихся стран, обладающих меньшими ресурсными возможностями и региональными политическими либо экономическими амбициями, отражены в меньшей степени, что можно восполнить на примере западноафриканского государства Сьерра-Леоне. В настоящей работе сделана попытка на примере Сьерра-Леоне оценить то, в чем были заинтересованы малые неприсоединившиеся африканские страны в рамках сотрудничества с СССР и его союзниками, каковы были их приоритеты и как они использовали идеологическую (дистанцированность от Запада) и прагматическую (доступ к собственным природным ресурсам) мотивацию для получения помощи от социалистических стран.

Западноафриканские стратегии адаптации к холодной войне

Сьерра-Леоне находится в субрегионе, испробовавшем самые разные модели внешнеполитического взаимодействия как с бывшими метрополиями, так и с полюсами холодной войны.

Так, основная часть франкофонных стран Западной Африки, в первую очередь Берег Слоновой Кости⁵, получила независимость от Франции в 1960 г. на условиях сохранения ее военного присутствия для обеспечения безопасности новых политических режимов, регулирования валютной и монетарной политики стран региона через франк КФА, привязанный к французскому франку, а также поддержания тесных политических связей

wgbh/globalconnections/liberia/film/jimmycarter.html (accessed: 21.09.2022).

⁵ Берег Слоновой Кости — название Кот-д'Ивуара с 1960 по 1986 г.

с Францией (Richter, 2011, p. 235). Привилегированные отношения с Парижем стали для Берега Слоновой Кости основой для быстрого экономического роста в 1960—1970-е гг. благодаря развитию производства какао-бобов при французском содействии и инвестициях, а также обоснованием для претензий на политическое лидерство в Западной Африке в годы правления Феликса Уфуэ-Буаньи (Chauveau & Dozon, 1985, pp. 68, 71; *Etat et bourgeoisie en Côte d'Ivoire*, 1982, pp. 96—97).

Подобный внешнеполитический курс определял и сдержанное отношение руководства Берега Слоновой Кости к развитию дипломатических отношений с СССР и другими социалистическими странами. Эти отношения были установлены лишь через 7 лет после получения страной независимости и с одобрения Франции, проводившей более самостоятельную политику в отношении социалистического лагеря в сравнении с прочими западными странами. Причем советско-ивуарийские отношения были разорваны уже в 1969 г. в связи с недовольством ивуарийской стороны политикой отбора студентов для учебы в СССР и их возможной идеологической индоктринацией. Дипломатические отношения были восстановлены лишь в 1986 г. При этом, помимо Франции, руководство Берега Слоновой Кости поддерживало тесные экономические и политические связи с США, Федеративной Республикой Германия (ФРГ) и другими представителями западного блока, что в целом является характерным для тех африканских стран, которые после получения независимости избрали внешнеполитическую ориентацию на бывшую метрополию.

Примером западноафриканской страны, избравшей путь политической ориентации на США и формирование иного, «деколонизованного» типа отношений со странами Запада, стала Либерия. Номинально независимая с 1847 г., она лишь после окончания Второй мировой войны и в условиях начинающихся процессов деколонизации континента стала налаживать активные связи с внешним миром. Направленность на США была вызвана доминированием с 1926 г. среди либерийских экономических контрагентов американской

фирмы Firestone, вытеснившей Великобританию как ключевого торгового партнера страны, и экономической помощью, которую страна стала получать от США с началом президентства Уильяма Табмена (значение страны как военной перевалочной базы на Атлантике в годы Второй мировой войны резко возросло)⁶. При этом в 1950-х гг. начались попытки СССР и Либерии установить двусторонние отношения (существовавшие с Российской империей с 1899 г. по 1917 г.), и эти попытки увенчались успехом в 1956 г.⁷ Тем не менее однозначная внешнеполитическая ориентация Либерии на США в этот период мешала развитию этих отношений и приводила, в частности, к избеганию главой Либерии полноценных контактов с советской стороной.

Само установление Либерией дипломатических отношений с СССР было продиктовано желанием заручиться советской поддержкой в ООН⁸. Только с приходом к власти в Либерии в 1971 г. Уильяма Толберта ситуация несколько изменилась — произошло паритетное открытие посольств в 1972 г., а также развитие экономических отношений с Кубой и Ливией (Оби, 2009, pp. 122—123). В целом Либерия в годы правления У. Толберта

⁶ The Chargé in Liberia (Wharton) to the Secretary of State Monrovia // Office of the Historian, Foreign Service Institute US Department of State. February 24, 1926. No. 336. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1926v02/d339> (accessed: 21.09.2022). См. также: (Dalton, 1965, p. 580).

⁷ Справка «О ходе переговоров Советской правительственной делегации с правительством Либерии по вопросу установления дипломатических отношений между СССР и Либерией». 24 января 1956 г. // История Африки в документах, 1870—1960. Т. 2: 1919—1960 / отв. ред. А. Б. Давидсон. Москва : Наука, 2007. С. 596.

⁸ См.: Дж. Робертс — Н. С. Хрущеву. Просьба о финансовой помощи в строительстве клиники и школы в поселении Виргиния. 20 мая 1961 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / отв. ред. С. В. Мазов, А. Б. Давидсон. Москва : Политическая энциклопедия, 2021. С. 405; Справка II Африканского отдела МИД СССР о торговых отношениях СССР с Либерией. 23 июля 1962 г. Россия и Африка — документы и материалы 1961 — начала 1970-х гг. // Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / отв. ред. С. В. Мазов, А. Б. Давидсон. Москва : Политическая энциклопедия, 2021. С. 409—410.

придерживалась нейтральной позиции по ключевым проблемам холодной войны, и сотрудничество с США в сфере безопасности было серьезно ограничено (Kieh, 2012, p. 176). Это продолжалось до 1979 г., когда посольства СССР и Румынии были заподозрены в инспирировании антиправительственных выступлений, так называемых рисовых бунтов, что привело к сокращению размера дипломатических миссий. Свергший в апреле 1980 г. У. Толберта Сэмюэль Доу для укрепления личной власти и под давлением возросших либерийских долгов выбрал стратегию однозначной внешнеполитической ориентации на США и тесных связей с администрацией Р. Рейгана, предлагая себя в качестве основного союзника в борьбе против коммунистической угрозы на Африканском континенте⁹. Это привело к полному разрыву дипломатических отношений с СССР в 1982 г. Позже, в 1987 г., они были восстановлены из-за затруднений в получении Либерией новых объемов американской экономической помощи, а также в связи с началом перестройки в СССР, однако в целом проамериканский курс Либерии сохранялся до самого завершения холодной войны и начала в 1989 г. гражданского конфликта в стране (Kieh, 2012, p. 180).

Наиболее характерным примером западноафриканской страны, избравшей путь социалистической ориентации и приоритетного сотрудничества со странами социалистического блока, стала Гвинея. Она резко выделялась из большинства франкофонных стран региона и бывших французских колоний тем, что в 1958 г. стала единственной, избравшей на референдуме независимость от Франции вместо расширенной автономии с сохранением суверенитета Парижа. Такой выбор привел к резкому разрыву с бывшей метрополией и поиску иных источников финансово-экономической поддержки, развития новых институтов и инфраструктуры (Adamolekun, 1976, p. 56). Это стало одной из основных

причин, по которым оказавшийся у власти в Гвинее режим Ахмеда Секу-Туре избрал курс на сближение с СССР и получение разных видов помощи от стран «второго мира».

Наиболее влиятельной страной, претендовавшей на региональное лидерство и активно участвовавшей в развитии африканской и мировой повестки деколонизации и неприсоединения, стала Гана. Она первой в Африке освободилась от колониального управления, провозгласив независимость в 1957 г. Ее лидер, Кваме Нкрума, был одним из ключевых идеологов panaфриканизма и в 1955 г., представляя свою страну еще в статусе британского Золотого Берега, принимал участие в Бандунгской конференции, а к 1963 г. стал одним из основных инициаторов panaфриканских интеграционных проектов, приведших к созданию Организации африканского единства (ОАЕ) (Кассае Ныгусие, Ивкина, 2020, с. 32, 34).

Тем не менее при формальном активном участии в движении неприсоединения Гана под руководством К. Нкрумы политически была весьма близка к СССР, что выражалось не только в получаемой ею советской экономической помощи, но и в направлении туда политических советников (например, В.Я. Аболтина, способствовавшего формированию программы экономического развития страны, а также ОАЕ) (Мазов, 2020, с. 66—72). В целом до свержения К. Нкрумы в 1966 г. Гана была одним из ключевых политических и экономических партнеров СССР в Африке, а также претендовала на региональное лидерство, учитывая активную роль страны в континентальных интеграционных процессах. В отличие от нее, Сьерра-Леоне можно отнести скорее к малым неприсоединившимся странам, лишенным масштабных амбиций региональной экспансии и заинтересованным в первую очередь в решении ключевых вопросов собственного существования и развития, выстраивающих более равномерные отношения и с СССР, и с США, чем правительство К. Нкрумы в Гане.

Таким образом, среди соседних для Сьерра-Леоне стран практиковались самые разные подходы к формированию внешней

⁹ Remarks of the President and Head of State Samuel K. Doe of Liberia Following Their Meetings // Reagan Presidential Library. August 17, 1982. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/research/speeches/81782d> (accessed: 21.09.2022).

политики в контексте холодной войны, что также влияло на отношения с социалистическими странами. Тем не менее это западноафриканское государство выработало свой собственный самостоятельный подход к данной проблеме.

Налаживание отношений Сьерра-Леоне со «вторым миром» в первое постколониальное десятилетие

Становление внешней политики Сьерра-Леоне происходило под влиянием колониального наследия и особенностей дальнейшего внутриполитического устройства. Сьерра-Леоне сформировалась под контролем британской короны (Зотова, Смирнов, Френкель, 1994, с. 27). Постепенная передача власти в руки местных элит и осуществление безболезненной для Лондона деколонизации сопровождались созданием в 1953 г. правительства под руководством Мильтона Маргаи, лидера Народной партии Сьерра-Леоне (НПСЛ), сохранившего свой пост и после провозглашения независимости страны. НПСЛ оставалась у власти до 1967 г. (в 1964 г. новым премьер-министром от НПСЛ стал Альберт Маргаи, сводный брат своего предшественника) (Winter et al., 2016, p. 37), а на выборах 1967 г. победу одержал оппозиционный Всенародный конгресс (ВНК), и премьер-министром страны стал Сиака Стивенс. Приход к власти новой силы способствовал отстранению прежнего поколения пробританских элит и ознаменовался становлением авторитарного однопартийного режима, который резко дистанцировался от бывшей метрополии. В этом контексте отношения Сьерра-Леоне с социалистическим блоком в годы холодной войны можно разделить на периоды нахождения у власти НПСЛ и ВНК, и каждый из этих периодов обладал своей спецификой.

Унаследованная от британского колониального правления экономическая модель, основанная на экспорте минеральных и сельскохозяйственных ресурсов, также повлияла на международное положение Сьерра-Леоне — одной из беднейших стран региона (Зотова, Смирнов, Френкель, 1994, с. 221;

Keen, 2005, p. 36). Уязвимость страны к концу 1970-х гг. была отчасти компенсирована формированием общих механизмов военно-политической поддержки с соседними Либерией и Гвинеей, ориентировавшимися на разные полюса холодной войны, однако заинтересованными в стабильности собственных режимов¹⁰. В целом Сьерра-Леоне представляла достаточно ограниченный интерес для крупных мировых держав, связанный преимущественно с ресурсными возможностями страны, и именно это в значительной мере повлияло на становление в 1960—1980-е гг. национальной внешней политики и, в частности, отношений со странами социалистического блока.

Основу внешней политики постколониальной Сьерра-Леоне составили отношения с бывшей метрополией. Британия, предоставив Сьерра-Леоне независимость, сохранила в стране большое политическое влияние, в том числе в военно-политической сфере, и от британской помощи зависело развитие самой критичной инфраструктуры молодого государства, например строительство столичного аэропорта Ланги. Значительные объемы торговли, экономической и инфраструктурной помощи связывали Сьерра-Леоне с другими развитыми экономиками, в первую очередь США, ФРГ, Канадой, Францией и Японией, чему способствовал и опыт первых руководителей страны в сотрудничестве с уходящей колониальной администрацией. Тем не менее внутриполитические противоречия между НПСЛ и ВНК, определяемые этнической и региональной конкуренцией, не привели к поляризации предлагаемых двумя противоборствующими группами внешнеполитических курсов. Это касалось, помимо прочего, и социалистических стран. В отличие от тесно связанного с Францией Берега Слоновой Кости и ориентирующегося на США либерийского президента У. Табмена, руководство Сьерра-Леоне даже во главе с Милтоном и

¹⁰ A/SP3/5/81 Protocol Relating to Mutual Assistance of Defence // Official Journal of the Economic Community of West African States (ECOWAS). June 1981. Vol. 3. P. 9—13. URL: <https://www3.nd.edu/~ggoertz/rei/rei260/rei260.10tt1.pdf> (accessed: 21.09.2022).

Альбертом Маргаи в 1960-е гг. не ограничивало связей со «вторым миром», и сразу после получения независимости в 1961 г. установило с СССР и социалистическими странами Центральной и Восточной Европы дипломатические отношения.

Двусторонние отношения с СССР интенсифицировались в 1965 г., когда была инициирована миссия по налаживанию торговых и добрососедских отношений — правительство Сьерра-Леоне одобрило подписание с СССР соглашения о торговле, протокола о поставках машин и оборудования, а также соглашения о технической и культурной помощи. В феврале 1965 г. было инициировано Предложение о направлении торговой миссии Сьерра-Леоне в СССР¹¹. В его рамках правительство постановило изучить возможность открытия посольства Сьерра-Леоне в СССР, так как посольство СССР во Фритауне к тому моменту уже было открыто. В ходе миссии обговаривалось получение советской помощи для развития сельского хозяйства и природных ресурсов, а также модернизации железных дорог. Представители Сьерра-Леоне также посетили ФРГ и Чехословакию, где договаривались об условиях торговли и оказании технической и прочей помощи вне зависимости от идеологических установок контрагентов¹².

В рамках указанной миссии Сьерра-Леоне стремилась расширять сеть дипломатических представительств за рубежом (при экономии ресурсов за счет принимающей стороны), получать поддержку для собственного сельского хозяйства и заинтересовать своих партнеров возможностями инвестирования в страну. Так, торговое соглашение с Чехословакией предполагало поставки оборудования для строительства предприятий по

производству сельскохозяйственных удобрений, инструментов и оснащения ирригационных сооружений.

Ведение же переговоров о заключении торгового соглашения с СССР в апреле 1965 г. было осложнено полученными делегацией указаниями из Фритауна, в том числе при посредничестве британского посольства в Москве, о необходимости учета торговых преференций Британского Содружества. Глава делегации, министр торговли и промышленности Сьерра-Леоне, подозревал, что содержание подобных инструкций стало известно советской стороне, что пагубно отразилось на ходе переговоров и привело к нежеланию представителей СССР обсуждать соглашение по существу. Вместо этого программа делегации была заполнена культурными мероприятиями и осмотром промышленных объектов Советского Союза. Члены делегации смогли нормализовать ситуацию, получив у руководства страны разрешение не упоминать в торговом соглашении с СССР преференций для стран Содружества, что позволило возобновить конструктивные переговоры с советской стороной. В итоге была согласована поставка Советским Союзом в Сьерра-Леоне в кредит различного оборудования на сумму 10 млн ф.ст. с возможностью расширения поставок до объема 20 млн ф.ст. по ставке 3—3,5 % на 7 лет, включая мораторий на проценты в течение первых двух лет. Данные поставки осуществлялись под 10-процентный залог как в виде финансовых средств на советские счета, так и экспортируемой из Сьерра-Леоне продукции¹³. Советская сторона также выразила готовность поставлять в Сьерра-Леоне нефть по запросу африканской стороны.

Заинтересованность СССР изначально была сосредоточена на экономической помощи в подготовке африканских специалистов, увеличении годичной квоты для студентов из Сьерра-Леоне с 30 до 40 человек, а также направлении в страну советских технических специалистов, в первую очередь врачей, с выплатой им стандартных внутренних

¹¹ Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Proposed Sierra Leone Trade Mission to the U.S.S.R. Extract from Conclusions of a Meeting of the Cabinet Held on 31st Dec., 1964.

¹² Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Report by the Minister of Trade and Industry on the Trade and Goodwill Mission to Western Germany, Czechoslovakia and U.S.S.R. Cabinet Conclusions CP (65) 284 on 27th May, 1965. P. 8—19.

¹³ Ibid. P. 11.

зарплат на местах и покрытием всех остальных расходов за счет СССР¹⁴. При этом делегация Сьерра-Леоне стремилась получить советскую помощь в сферах развития гидроэнергетики, железнодорожной сети, геологической разведки и налаживания добычи минеральных ресурсов, строительства дорог, сельского хозяйства, спортивной инфраструктуры и разработки рудных запасов месторождения Тонколли¹⁵. В рамках протокола о поставках оборудования были согласованы поставки самолетов и вертолетов, автомобилей, тракторов и сельскохозяйственной техники, техники для дорожного строительства, оборудования для металлообработки, рельсоукладки и др.¹⁶ Кроме того, на сентябрь 1965 г. был согласован приезд делегации советских специалистов в Сьерра-Леоне для оценки потребностей западноафриканского государства в помощи со стороны СССР в области сельского хозяйства, образования и строительства.

Комиссия, находившаяся в стране чуть больше месяца, пришла к выводу, что наиболее перспективными отраслями экономики Сьерра-Леоне являются добыча минерального сырья и некоторые типы сельского хозяйства. Советской стороной были предложены дальнейшие геологоразведочные изыскания, но выяснилось, что часть перспективных участков геологоразведки выделена компаниям из Франции и ФРГ, однако принимающая страна была готова предоставить советским специалистам для изучения другие участки¹⁷. В первую очередь обе стороны интересовала

разведка запасов железной руды, платины, аллювиальных алмазов и кимберлитовых алмазных трубок. Кроме того, представители СССР выразили готовность предоставить геологоразведочное оборудование при условии подготовки местных специалистов. При этом из материалов архивов видно, что далеко не все инфраструктурные предложения представителей Сьерра-Леоне вызывали готовность СССР к немедленному сотрудничеству¹⁸. Тем не менее итогом взаимных визитов и переговоров стало начало в 1966 г. поставок оборудования в рамках ранее согласованной схемы¹⁹. Сотрудничество между двумя странами в сфере образования и подготовки африканских студентов как у себя в стране, так и за границей стало предметом визита в СССР министра образования Сьерра-Леоне в октябре 1964 г.²⁰

В целом материалы архивов подтверждают прагматический характер переговоров и достигнутых договоренностей в отношениях между Сьерра-Леоне и Советским Союзом в период нахождения у власти НПСЛ. Объемы экономического взаимодействия были достаточно скромными в сравнении с аналогичным сотрудничеством с западными

¹⁴ Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Report by the Minister of Trade and Industry on the Trade and Goodwill Mission to Western Germany, Czechoslovakia and U.S.S.R. Cabinet Conclusions CP (65) 284 on 27th May, 1965. P. 11.

¹⁵ Ibid. P. 10.

¹⁶ См.: Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Protocol on Deliveries of Machinery and Equipment from the USSR to Sierra Leone Dated on 26th April, 1965. P. 20—22; Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. List of Machinery and Equipment for Delivery from the USSR to Sierra Leone. Annex to the Protocol Dated on May, 1965. P. 23.

¹⁷ Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Notes of Discussions with the Leader of the Soviet Team of Experts. 5th Oct., 1965. P. 44—48.

¹⁸ См.: Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Notes of Discussions with the Leader of the Soviet Team of Experts. 5th Oct., 1965. P. 44—48; Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Russian Aid Delegation to Sierra Leone. From Chief Inspector of Mines to the Permanent Secretary, Ministry of Development. M.D. 21/40. 16th Sept., 1965; Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Visit of Soviet Experts to Sierra Leone. From the Secretary, Training and Recruitment to the Development Office. 65/337. 24th Nov., 1965; Sierra Leone Public Archives Office. Box 653. RG 4/IA. Secret. Aide Memoire Prepared by the Sierra Leone Government on the Occasion of the Visit of the Sierra Leone Trade and Goodwill Mission to the U.S.S.R in April, 1965.

¹⁹ Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Sierra Leone — U.S.S.R. Trade & Cultural Agreement. Plant & Equipment. Russian Aid Delegation to Sierra Leone. From The Ministry of Works to the Permanent Secretary, Development Office. MW. 28/7. 7th Jan., 1966.

²⁰ Sierra Leone Public Archives Office. Box 655. RG 4/IA1162. Visit of the Minister of Education to the Union of Soviet Socialist Republics. Cabinet Conclusions CP (64) on 13th April, 1964.

странами. Кроме того, британское влияние и приоритетность данного направления могли создавать препятствия для развития отношений страны с социалистическим лагерем, как показал ход переговоров в Москве в апреле 1965 г. Тем не менее данные препятствия не носили непреодолимого характера, и, будучи заинтересованными в первую очередь в техническом сотрудничестве с советской стороной, представители Сьерра-Леоне достаточно легко могли обходить эти ограничения.

Советская же сторона также придерживалась прагматического курса в установлении экономических отношений с западноафриканским государством и не стремилась брать на себя слишком серьезные коммерческие обязательства. Мотивами для взаимодействия со Сьерра-Леоне выступали в первую очередь интересы сотрудничества в сфере поставок оборудования и минерально-сырьевой добычи и геологоразведки.

Таким образом, даже в период первого десятилетия независимости Сьерра-Леоне в условиях нахождения у власти тесно связанных с Великобританией правительств НПСЛ были установлены достаточно дружественные связи с СССР, опирающиеся не столько на идеологические мотивы (подобно отношениям Советского Союза с Гвинеей или Ганой), сколько на прагматические интересы обеих сторон. Серьезных идеологических и политических проблем в установлении этих отношений не возникало, что вполне позволяет отнести внешнюю политику Сьерра-Леоне уже в этот период по своим характеристикам к неприсоединившимся странам.

Расширение сотрудничества Сьерра-Леоне с социалистическими странами в период правления С. Стивенса

Политическая турбулентность на рубеже 1960—1970-х гг. привела к демонтажу Вестминстерской двухпартийной модели с участием НПСЛ и ВНК и установлению вместо этого однопартийного авторитарного режима лидера ВНК Сиаки Стивенса, правившего до 1985 г. и декларировавшего паритетную

внешнюю политику в отношении «первого» и «второго» миров. В этих условиях достаточно конструктивные отношения Сьерра-Леоне с СССР получили дальнейшее развитие и были дополнены расширением сотрудничества с социалистическими странами Центральной и Восточной Европы. В этот период советская сторона более активно направляла в Сьерра-Леоне врачей, технических специалистов, геологов и прочих ученых и исследователей. Было запущено прямое авиасообщение Аэрофлота между Москвой и Фритауном, созданы образовательные учреждения в Сьерра-Леоне для изучения русского языка, продолжилось активное выделение стипендий для студентов из Сьерра-Леоне на обучение в советских вузах. Имело место сотрудничество на уровне партий и общественных организаций: так, в 1981 г. советские специалисты поспособствовали налаживанию партийной прессы ВНК. Кроме того, представители Сьерра-Леоне приглашались на культурные мероприятия в СССР (в частности, фестивали кино стран Азии, Африки и Латинской Америки), а также на религиозные мероприятия (например, конференцию мусульман СССР в 1980 г.)²¹.

Активно развивалось и сотрудничество с другими социалистическими странами. Практически все они предоставляли квоты для обучения студентов из Сьерра-Леоне, а также оказывали техническое содействие по примеру СССР, направляли в страну врачей и поддерживали торговые отношения по сельскохозяйственной и минерально-сырьевой продукции. Германская Демократическая Республика (ГДР) предлагала Сьерра-Леоне сотрудничество в спортивной сфере. Югославия занималась подготовкой для Сьерра-Леоне программы строительства гидроэлектростанции в Бумбуне. Польшу и Чехословакию помимо стандартных сфер сотрудничества интересовали поставки в страну строительной

²¹ См.: Sierra Leone Public Archives Office. Box 115. 14929/14/5/1. 344. 18/1/1982. Review of Relations with East European Countries for 1981; Sierra Leone Public Archives Office. Box 121. 15348/11. Letter from the Embassy of the Union of Soviet Socialist Republics to the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Sierra Leone No. 69/80. May 29, 1980.

техники и материалов, продовольствия и продукции химической промышленности, а также вывоз оттуда алмазов, какао-бобов, кофе, железной руды, бокситов и прочих видов минерального сырья и сельскохозяйственной продукции. Венгерская Народная Республика помимо взаимодействия со Сьерра-Леоне в сфере предоставления стипендий и развития сотрудничества в научно-технической сфере направляла своих специалистов для модернизации национальной системы железных дорог²².

Отношения Сьерра-Леоне с Болгарией также были преимущественно сосредоточены в образовательной сфере и были несколько осложнены проблемами с финансированием пребывания студентов в балканской стране, а также инцидентами насилия в их адрес со стороны местного населения²³. В целом в документах Министерства иностранных дел Сьерра-Леоне отмечается декларируемая готовность оказывать содействие развитию страны в первую очередь в наиболее значимых технических сферах и подготовке кадров. Однако скромные объемы данного сотрудничества восточноевропейские страны объясняли недостаточной проработанностью нормативно-правовой базы.

Представляется, что реальной причиной подобных ограничений было сохранение прагматического подхода стран социалистического блока к небольшой западноафриканской стране, не представлявшей для них существенного идеологического интереса, однако перспективной в некоторых сферах торгово-экономических связей. Заинтересованность же в сотрудничестве со стороны Сьерра-Леоне (преимущественно в образовательной сфере), согласно документам Министерства иностранных дел, заключалась

²² Sierra Leone Public Archives Office. Box 115. 14929/14/5/1. 344. 18/1/1982. Review of Relations with East European Countries for 1981.

²³ См.: Sierra Leone Public Archives Office. Box 115. 14929/14/5/1. 344. 18/1/1982. Review of Relations with East European Countries for 1981; Sierra Leone Public Archives Office. Box 122. UN/118. Press Reports of Alleged Brutality of African Students in Bulgaria. The Permanent Mission of Sierra Leone to the United Nations. UN/POL/753/1/17. February 25, 1963.

в запретительно высокой стоимости образования в большинстве западных стран и возможности воспользоваться предлагаемыми стипендиями социалистических государств²⁴. Кроме того, отмечалось, что правительству Сьерра-Леоне не следует избегать небольших расходов, связанных с поддержанием отношений с социалистическими странами, поскольку взамен страна получает значительно больше в форме подготовленных национальных кадров из числа врачей, инженеров, учителей и ученых²⁵.

Таким образом, прагматизм в отношениях между Сьерра-Леоне и государствами социалистического лагеря присутствовал с обеих сторон. В целом развитие этих отношений не было идеологизированным, однако в период нахождения у власти С. Стивенса внешнеполитическое дистанцирование от Великобритании и более последовательная приверженность принципам неприсоединения в целом способствовала расширению внешнеполитических контактов в сравнении с начальным периодом отношений при правительствах Милтона и Альберта Маргаи. Уход С. Стивенса в отставку в 1985 г. и дальнейший внутривнутриполитический кризис, вылившийся в 1991 г. в гражданскую войну, а также начало перестройки в СССР и пересмотр отношений с африканскими государствами привели к окончанию данного формата сотрудничества, однако в целом данные тенденции вполне характерны для отношений малых неприсоединившихся стран со «вторым миром».

Заключение

Отношения Сьерра-Леоне и стран социалистического блока в период холодной войны после начала активной деколонизации в Африке дают представление о характере отношений между «вторым миром» и небольшими неприсоединившимися странами, не обладавшими амбициями регионального лидерства. Это государство переходило к не-

²⁴ Sierra Leone Public Archives Office. Box 115. 14929/14/5/1. 344. 18/1/1982. Review of Relations with East European Countries for 1981.

²⁵ Ibid. P. 8.

зависимости поэтапно, сохраняя связи с Великобританией и прочими западными державами, не препятствующие, однако, расширению дипломатических контактов за пределы этой группы стран. Это способствовало формированию вполне дружественных отношений с СССР, а затем и с остальными социалистическими государствами на основе не столько идеологической и политической близости, сколько исходя из интересов диверсификации и задействования возможностей торгово-экономического, технического и образовательного сотрудничества. Для обеих сторон в выстраивании отношений наиболее приоритетным был принцип экономического прагматизма. Изначальные политические ограничения, связанные с сохраняющимся влиянием Великобритании, не носили фундаментального характера и были преодолены к началу 1970-х гг. с установлением однопартийного

режима С. Стивенса, дистанцировавшегося от бывшей метрополии. При этом в развитии отношений со Сьерра-Леоне социалистические страны проводили несколько различающуюся политику с учетом собственной специфики и распределения ниш. Относительно скромный объем сотрудничества также объяснялся прагматизмом подхода обеих сторон, не позволявшим вкладывать в совместные проекты несоразмерные средства.

В сравнении с соседями по региону Сьерра-Леоне удалось сформировать достаточно сбалансированную политику в отношении «второго мира», не связанную с идеологией, внешним вмешательством третьих сил либо собственными региональными политическими амбициями, что и является примером типичной политики малых стран, проводивших в условиях холодной войны политику неприсоединения.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 15.09.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Гура В. К., Несук Н. Д. Проблемы и пути развития освободившихся стран Африки. Киев : Наукова думка, 1981.
- Зотова Ю. Н., Смирнов Е. Г., Френкель М. Ю. История Сьерра-Леоне в новое и новейшее время. Москва : Восточная литература, 1994.
- Кассае Ныгусие В. М., Ивкина Н. В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 1. С. 22—38. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38>
- Кива А. В. Страны социалистической ориентации: основные тенденции развития. Москва : Наука, 1978.
- Мазов С. В. СССР и проект создания «Союза африканских государств», 1963—1964 гг. (по материалам российских архивов) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 5. С. 66—72. <https://doi.org/10.31857/S032150750009555-2>
- Филатова И. И., Давидсон А. Б. Россия и Южная Африка: наведение мостов. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Adamolekun L. Sékou Touré's Guinea: An Experiment in Nation Building. London : Methuen, 1976.
- Amin S. Le développement du capitalisme en Côte d'Ivoire. Paris : Les Editions de Minuit, 1967.
- Chauveau J.-P., Dozon J.-P. Colonisation, économie de plantation et société civile en Côte d'Ivoire // Cahiers Orstom. 1985. Vol. 21, no. 1. P. 63—80.
- Dalton G. History, Politics, and Economic Development in Liberia // The Journal of Economic History. 1965. Vol. 25, no. 4. P. 569—591. <https://doi.org/10.1017/S0022050700058423>
- Etat et bourgeoisie en Côte d'Ivoire / ed. pour Y.-A. Fauré, J.-F. Médard. Paris : Karthala, 1982.
- Keen D. Conflict and Collusion in Sierra Leone. New York : Palgrave, 2005.
- Kieh G. K., Jr. Neo-Colonialism: American Foreign Policy and the First Liberian Civil War // Journal of Pan African Studies. 2012. Vol. 5, no. 1. P. 164—184.
- Lüthi L. The Non-Aligned. Apart from and Still within the Cold War // The Non-Aligned Movement and the Cold War / ed. by N. Mišković, H. Fischer-Tiné, N. Boskovska. London : Routledge, 2014. P. 97—113.
- Mišković N. Introduction // The Non-Aligned Movement and the Cold War / ed. by N. Mišković, H. Fischer-Tiné, N. Boskovska. London : Routledge, 2014. P. 1—18.

- Obi C.* Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire // *African Security*. 2009. Vol. 2, no. 2—3. P. 119—135. <https://doi.org/10.1080/19362200903361945>
- Pletsch C. E.* The Three Worlds, or the Division of Social Scientific Labor, circa 1950—1975 // *Comparative Studies in Society and History*. 1981. Vol. 23, no. 4. P. 565—590.
- Richter U.* The Impact of Globalization on Emerging Markets: The Case of Côte d'Ivoire // *Globalization and Sustainable Development in Africa* / ed. by B. House-Soremekun, T. Falola. Rochester, N.Y.: University of Rochester Press, 2011. P. 233—256.
- Rothermund D.* Era of Non-Alignment // *The Non-Aligned Movement and the Cold War* / ed. by N. Mišković, H. Fischer-Tiné, N. Boskovska. London : Routledge, 2014. P. 19—34.
- Shipilov A. Yu.* West African International Studies: Approaches to Regional Security // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no. 2. P. 207—217. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-207-217>
- Solarz M. W.* Many Worlds, One Planet. Ambiguous Geographies of the Contemporary International Community // *New Geographies of the Globalized World* / ed. by M. W. Solarz. London : Routledge, 2021. P. 54—76.
- Taylor I.* Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020. Vol. 20, no. 1. P. 39—53. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-1-39-53>
- The Non-Aligned Movement and the Cold War* / ed. by N. Mišković, H. Fischer-Tiné, N. Boskovska. London : Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315814452>
- Winter D., Brown R., Goins S., Mason C.* Trauma, Survival and Resilience in War Zones: The Psychological Impact of War in Sierra Leone and Beyond. New York : Routledge, 2016.

Сведения об авторе: *Шипилов Александр Юрьевич* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; аспирант Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН; ORCID: 0000-0001-7308-8638; e-mail: shipilov-ayu@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-714-727

Научная статья / Research article

Советская структурная помощь Республике Мали в 1960—1968 гг.

А.С. Давидчук¹, Д.А. Дегтерев^{1,2}✉, Е.Н. Корендясов³

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

³ Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

✉ degtere-da@rudn.ru

Аннотация. Анализируется феномен структурной помощи Советского Союза странам Африки — технического и экономического сотрудничества с охватом основных отраслей экономики для обеспечения самодостаточного развития стран-реципиентов и ослабления неокOLONиального влияния Запада. Кейс двусторонних отношений СССР и Мали в 1960—1968 гг. был выбран по ряду причин, среди которых стратегическое местоположение этой африканской страны, ее место в структуре интересов Франции, форматы и объемы помощи СССР, наконец, недостаточность освещения вопроса в отечественной и зарубежной историографии. Анализ советской помощи Мали предваряется обзором экономического положения страны в исследуемый период и перечислением трудностей, с которыми столкнулось малийское правительство при попытках создания независимой экономической системы через внедрение собственной валюты — малийского франка — и национализацию бывших французских предприятий. Работа написана с опорой на архивные материалы Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям (ГКЭС), хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики. Анализ советской помощи проводится по самому широкому спектру направлений — от промышленности и сельского хозяйства до здравоохранения и образования. В финальной части рассматриваются транспортный вопрос и роль СССР в снятии транспортной блокады Мали, установленной Сенегалом. Описываются как успешные проекты советско-малийского сотрудничества в виде геологоразведки месторождений золота и бокситов, строительства цементного завода и спортивного стадиона, так и нереализованные идеи. Среди наиболее очевидных проблем, препятствовавших сотрудничеству СССР и Мали, были недостаток финансовых ресурсов, излишняя осторожность, довольно активная кооперация Мали со своими соседями и капиталистическими странами. Изучение советской помощи Мали позволяет проследить роль СССР в деле реальной деколонизации африканских стран и укреплении их суверенитета. В отличие от многих других стран-доноров, которые ограничивались помощью в отдельных проектах, СССР обеспечивал поддержку в рамках полного цикла работ во всех сферах экономики (добыча ресурсов — строительство предприятий для обработки ресурсов — обучение кадров для обслуживания предприятий — экспорт готовой продукции). Подобный подход Советского Союза благоприятно влиял на суверенизацию малийской экономики.

Ключевые слова: СССР, Мали, техническая помощь, структурная помощь, суверенизация экономики

Для цитирования: Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Корендясов Е. Н. Советская структурная помощь Республике Мали в 1960—1968 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 714—727. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-714-727>

© Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Корендясов Е.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Soviet Structural Aid to the Republic of Mali in 1960—1968

Anna S. Davidchuk¹ , Denis A. Degterev^{1,2} , Evgenii N. Korendyasov³

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

² MGIMO University, Moscow, Russian Federation

³ Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 degterev-da@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the phenomenon of the Soviet Union's structural aid to African countries — technical and economic cooperation covering major sectors of the economy to ensure the self-sufficient development of recipient countries and weaken the neocolonial impact of the West. The case of bilateral relations between the USSR and Mali in 1960—1968 was chosen for a number of reasons — the strategic location of this African country, its place in the structure of French interests, the formats and volumes of Soviet aid, and, finally, rather weak coverage of the issue in Russian and foreign historiography. The authors preface the analysis of Soviet aid with an overview of the country's economic situation in the 1960s and the difficulties faced by the Malian government in establishing an independent economic system through the introduction of its own currency, the Malian franc, and the nationalization of former French enterprises. The research is mostly based on the archival funds of the State Committee on Foreign Economic Relations of the Russian State Archive of Economy. The analysis of Soviet assistance is conducted in a wide range of areas, from industry and agriculture to health care and education. The final section examines the transport issue and the Soviet role in removal of the transport blockade imposed by Senegal. Both successful projects of Soviet-Malian cooperation, as the gold and bauxite exploration, the construction of a cement plant, and a sports stadium, and unrealized ideas are described. Among the most obvious problems that hindered cooperation between the USSR and Mali were the lack of financial resources, excessive caution, and Mali's rather active cooperation with its neighbors and capitalist countries. Soviet aid to Mali allows us to trace the Soviet Union's role in the real decolonization of African countries and the strengthening of their sovereignty. Unlike many other donors, who mostly limited their aid to certain projects, the USSR provided support within the framework of a full cycle of work in all sectors of the economy (resource extraction — construction of enterprises for processing resources — training of personnel to service enterprises — export of finished goods). Obviously, such a comprehensive approach had a truly favorable effect on the sovereignization of the Malian economy.

Key words: USSR, Mali, technical assistance, structural assistance, economic sovereignization

For citation: Davidchuk, A. S., Degterev, D. A., & Korendyasov, E. N. (2022). Soviet structural aid to the Republic of Mali in 1960—1968. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 714—727. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-714-727>

Введение

Начало сотрудничеству СССР с развивающимися странами было положено во второй половине 1950-х гг., когда в Африке активизировался процесс формирования новых государств, освобождавшихся от гнета бывших метрополий. Значительная часть новообразованных государств выступила за развитие сотрудничества с СССР. Для большинства из них были характерны аграрный тип экономики и низкий уровень промышленного развития. Для преодоления экономической отсталости этих стран СССР инициировал программу помощи, которая была объявлена Н. С. Хрущевым на XX съезде КПСС в

1956 г.¹ Она предусматривала оказание технической, экономической и кадровой помощи во многих сферах экономики освободившихся стран на всех континентах². В 1957 г. был создан Государственный комитет по внешним экономическим связям (ГКЭС) (Дегтерев, 2011, с. 241—246).

¹ XX Съезд коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Том I / под ред. В. Гуревича. Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 25—27, 41. См. также: (Gu, 1983, p. 71).

² Построено при экономическом и техническом содействии Советского Союза / под ред. С. А. Скачкова. Москва : Международные отношения, 1982.

При распределении помощи учитывались многие факторы, преимущественно политические и социально-экономические, а также географическое положение страны-реципиента. На Африканском континенте крупным получателем советской экономической и гуманитарной помощи стала Республика Мали. Расположенная в центре Западной Африки на пересечении логистических путей, страна привлекала своим выгодным географическим положением. Через Мали с древних времен проходило множество караванных путей, один из которых, Азалай, используется до сих пор (Benanav, 2006).

Анализ советской помощи Африканскому континенту в ее отдельных составляющих присутствует в ряде научных статей. В частности, опубликованы работы, посвященные рассмотрению советского сотрудничества со странами Западной Африки (Белецкая, 2017; Мазов, 2007; Iandolo, 2011), помощи в области здравоохранения (Цветков, 2022), образования (Smirnova & Rillon, 2017) и сельского хозяйства в Мали (Майга, 1985). Тем не менее вопрос о комплексной советской экономической и гуманитарной помощи Мали сразу после обретения страной независимости не получил должного освещения.

Основным источником информации при подготовке данной статьи послужили архивные материалы ГКЭС, хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГЭА). Благодаря достаточно полной информации, полученной при работе с делами постоянного хранения Центрального аппарата ГКЭС, удалось определить фактический объем сотрудничества и структуру помощи, выявить планы и ожидания обеих стран, а также суммировать основные препятствия при реализации соответствующих проектов.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1960 по 1968 г. Независимость Республики Мали и выход из французского Сообщества были объявлены 22 сентября 1960 г. Вскоре удалось запустить двусторонние экономические связи со многими странами, в том числе СССР. В 1968 г. произошел военный переворот, в результате которого

режим первого президента страны М. Кейты был свергнут и к власти пришли прозападно настроенные военные. В статье также приводятся данные за 1969 г., что позволяет провести сравнительный анализ экономического положения Мали и объема советской помощи, а также подвести итоги экономического развития страны в первое десятилетие независимости.

Основные партнеры Мали: экономические и политические предпосылки выбора союзников

Первые два года своей независимости Республика Мали входила в так называемую «зону франка»³, которая подверглась реорганизации и находилась в неустойчивом состоянии после того, как большинство ее членов стали независимыми от Франции. Реструктуризация «зоны франка» завершилась в 1962 г. созданием Западноафриканского валютного союза (Дегтерев, 2003), к которому Мали не присоединилась. 1 июля 1962 г. в обращение была введена национальная валюта — малийский франк⁴, что было продиктовано преимущественно политическими причинами с целью разрыва экономических связей с бывшей метрополией. Однако вскоре расходы бюджета Мали значительно превысили доходную часть (табл. 1).

Особое место в бюджете отводилось расходам, связанным с деятельностью Министерства иностранных дел, содержанием дипломатических представительств за рубежом и участием в международных организациях (в том числе членским взносам). Если в 1961 г. расходы на перечисленные нужды составляли около 7 % бюджета, то к 1968 г. они увеличились до 13 %⁵. Подобный рост объяснялся тем, что руководство Мали уделяло повышенное внимание международной коопера-

³ Франк Африканского финансового сообщества (*Communauté financière africaine*) введен французским правительством в 1945 г. в качестве денежной единицы колониальных территорий Западной и Центральной Африки.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГЭА). Ф. 365. Оп. 9. Д. 105. Л. 11.

⁵ РГЭА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 105. Л. 4.

ции в надежде повысить привлекательность молодого государства для притока инвестиций и технической помощи. Кроме того, с провозглашением независимости Республика Мали подтвердила свою приверженность идеологическому нейтралитету, что обеспечило дополнительные возможности для получения финансовой помощи как со стороны социалистических, так и капиталистических стран (Touron, 2017, p. 84).

Таблица 1

Расходы, доходы и баланс государственного бюджета Республики Мали в 1961—1969 гг., млрд малийских франков

Бюджетный год	Расходы	Доходы	Баланс
1961	11,2	8,0	-3,2
1962	13,4	9,8	-3,6
1963	12,7	11,1	-1,6
I—II кв. 1964	7,1	6,0	-1,1
III—IV кв. 1964 — I—II кв. 1965	13,5	13,1	-0,4
III—IV кв. 1965 — I—II кв. 1966	14,1	12,5	-1,6
III—IV кв. 1966 — I—II кв. 1967	16,3	15,7	-0,6
III—IV кв. 1967 — I—II кв. 1968	21,0	15,5	-5,5
1969*	22,2	18,7	-4,5

Примечание. * — Показатели согласно плану экономического развития.

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 365. Оп. 9. Д. 105. Л. 10.

Совокупный национальный продукт Мали за 1961—1968 гг. увеличивался в среднем на 0,5 % в год, тогда как бюджетные расходы — примерно на 15 %⁶, что неминуемо подстегивало рост государственного долга. К ноябрю 1968 г. он составлял 150 млрд малийских франков. Показательно, что крупнейшими кредиторами Мали выступали Франция — бывшая метрополия, которая сохранила с бывшими колониями тесные экономические связи и чье влияние в регионе до сих пор остается значительным (Давидчук, 2021; Давидчук, Дегтерев, Сидибэ, 2022), и СССР — государство, чья экономическая помощь имела наиболее масштабный и комплексный характер (табл. 2).

⁶ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 9. Д. 105. Л. 3.

После обретения независимости правительство Мали взяло курс на социалистическое развитие страны (Дегтерев, 2021; Amselle, 1978, p. 631; Hazard, 1967, pp. 28—29). Соответствующее решение было принято 22 сентября 1960 г. на чрезвычайном съезде партии «Суданский Союз»⁷. В результате национализации большей части французских колониальных предприятий был сформирован государственный сектор во всех отраслях хозяйства⁸. В 1963 г. Республика Мали ввела режим наибольшего благоприятствования социалистическим странам и отменила пошлины на импорт товаров⁹.

Таблица 2

Основные кредиторы Республики Мали (по состоянию на 1968 г.), млрд малийских франков

Государство	Сумма внешнего долга
Франция	49,2
СССР	32,9
ОАР*	7,3
Гана	6,5
ФРГ	3,3

Примечание. * — Объединенная Арабская Республика, существовавшая в 1958—1971 гг. С 1968 г. в составе ОАР оставался лишь Египет.

Источник: РГАЭ. Ф. 365. Оп. 9. Д. 105. Л. 7.

При этом в правительственных кругах довольно крепкие позиции сохраняло так называемое «умеренное» крыло, которое лоббировало экономическую ориентацию на Запад и активное привлечение иностранного капитала. Именно под влиянием этой группы на фоне роста дефицита бюджета, государственного долга и бедственного положения экономики (Новиков, Урсу, 1994, с. 204) в 1967 г. были заключены финансовые соглашения с Францией. Договоренности значительно ограничивали экономическую свободу Мали: малийский франк был девальвирован на 50 %, а Национальный банк управлялся на

⁷ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 510. Л. 8.

⁸ Витухина Г. О., Климанова О. А., Нестёркин В. Д., Нечаев В. С., Линдер В. И. и др. Мали // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/2169150?ysclid=15i72fwhh5850512450> (дата обращения: 01.08.2022).

⁹ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 510. Л. 8.

паритетных началах с Францией¹⁰. По словам госсекретаря по энергетике и промышленности Мали С. Н’Дяя, ожидалось, что французы предпримут попытку ликвидировать государственный сектор в экономике страны¹¹.

Из-за подписанных валютных соглашений Республика Мали частично утратила суверенитет в валютно-финансовой сфере, что повлияло на внутривалютную обстановку и привело к государственному перевороту в 1968 г., не улучшив при этом экономическую ситуацию. Более того, в 1967—1968 гг. наблюдался рекордный дефицит бюджета (см. табл. 1).

В первое десятилетие своей независимости из-за тяжелейших экономических показателей Республика Мали была вынуждена обратиться за иностранной помощью. Поддержка поступала от многих государств, в том числе по линии ООН, членом которой Мали стала 28 сентября 1960 г.¹² Страны-доноры, как капиталистические, так и социалистические, ограничивались, как правило, отдельными видами помощи. Например, Германская Демократическая Республика (ГДР), одна из трех крупнейших социалистических стран — партнеров Мали наравне с СССР и Чехословакией (Touron, 2017, p. 86), выстраивала сотрудничество с Мали исключительно с помощью практики командирования специалистов, без предоставления кредитов или поставки оборудования¹³.

Основным донором Мали был Советский Союз, который единственный предоставлял комплексную структурную помощь. Подобный подход позволял Мали сформировать полный цикл производства и связать воедино разрозненные секторы экономики. Так, например, советские специалисты разрабатывали проекты геологоразведочных работ для обеспечения добычи ресурсов для нужд страны, возводили заводы и предприятия для обработки ресурсов и производства готовой

продукции, а также строили ВУЗы и направляли туда советских преподавателей для подготовки кадров, способных обслуживать заводы и предприятия (Rosen, 1963, p. 10).

Большое внимание уделялось сельскохозяйственному сектору экономики, здравоохранению, а также сфере развлечений. СССР построил спортивный стадион, который планировался для проведения Вторых Африканских игр¹⁴, в итоге состоявшихся в Нигерии.

Общая оценка советской экономической помощи Мали в 1960-х гг. в текущих ценах составляет порядка 60 млн долл. США. 18 марта 1961 г. СССР и Мали подписали Генеральное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, которое стало основой для последующих контрактов и соглашений. Главным условием было предоставление Республике Мали советского кредита в размере 40 млн руб. на строительство учебных заведений, цементного завода и стадиона, а также проведение геологоразведочных работ¹⁵.

Советская помощь в развитии сельского хозяйства Мали

Одним из наиболее ярких примеров оказания структурной помощи через производство полного цикла стала советская помощь в развитии сельского хозяйства Мали, которая в 1960-е гг. оставалась аграрной страной¹⁶. В 1961 г. правительство Мали обозначило важность поддержки аграрного комплекса путем увеличения экспорта и объема продукции за счет наращивания урожайности и посевной площади¹⁷. Уже на следующий год развитие

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Республика Мали : справочник / под ред. Н. И. Гаврилова, Г. О. Витухиной. Москва : Наука, 1977. С. 161. См. также: (Imperato & Imperato, 2008, p. xxxiii).

¹⁶ В сельскохозяйственной сфере было задействовано около 80 % населения Мали (Витухина, 1987, с. 91).

¹⁷ См. : Discours prononcé à l’Assemblée nationale (20/01/1961) // Modibo Keita Information Site. URL: <https://modibo-keita.site/discours-et-interventions-de-modibo-keita/> (accessed: 01.08.2022); Allocution radiodiffusée au peuple du Mali (01/10/1961) // Modibo

¹⁰ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 656. Л. 43.

¹¹ Там же.

¹² Мали // Советская историческая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/%D0%9C%D0%90%D0%9B%D0%98?ysclid=15jbrbboen904762724 (дата обращения: 01.08.2022).

¹³ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2926. Л. 73—74.

сельскохозяйственного сектора было включено в советскую повестку дня. Во время встречи с президентом Мали М. Кейтой глава советской делегации А.И. Микоян отметил недостаточное внимание к актуальным проблемам сельского хозяйства¹⁸. Именно в аграрной сфере правительство Мали пыталось воспроизвести модель социалистического планирования с учетом национальных реалий.

Основным партнером советской стороны выступала государственная компания «Офис дю Нижер» (*Office du Niger*), созданная Францией в 1932 г. как плантационное хозяйство и национализированная Мали после провозглашения независимости. 10 октября 1962 г. был заключен Договор об экономическом и техническом содействии в развитии государственного сельскохозяйственного предприятия «Офис дю Нижер», который стал одним из основополагающих документов советско-малийского сотрудничества в этой сфере¹⁹.

СССР старался максимально адресно и предметно решать возникавшие проблемы с целью выстраивания функционирующей системы планирования без включения третьих стран. Так, для увеличения посевных площадей и повышения урожайности сельскохозяйственных культур с СССР был подписан соответствующий договор (№ 9225а от 30 октября 1963 г.). Советская сторона брала на себя работы по разработке и строительству ирригационной системы на площади 8—9 тыс. га в регионах Нионо и Курумари (центральная часть Мали), а также по сельскохозяйственному освоению земель (включая монтаж электрооборудования), для чего в Мали были направлены советские инженеры, гидрогеологи, механики и электрики²⁰. 14 февраля 1963 г. был заключен еще один контракт (№ 9225б), опять же на развитие ирригационной системы в Нионо и Курумари и

поставки сельскохозяйственного оборудования (в частности тяжелой техники — тракторов и грузовиков)²¹.

Столь всесторонний подход применялся также в борьбе с сельскохозяйственными вредителями, от успеха которой в конечном итоге зависело увеличение производительности сельского хозяйства и, как следствие, экспорт продукции. В соответствии с заключенным 6 июня 1963 г. с Министерством развития Мали контрактом № 9225 в страну для борьбы с вредителями направлялись не только самолеты, но и кадры — летчики, техники и переводчики²².

Подготовка кадров для аграрно-промышленного комплекса стала одним из приоритетных направлений сотрудничества с учетом наивысшего интереса Мали в этом вопросе. Работа велась по двум направлениям — командированию советских специалистов в Мали и подготовке малийских кадров. Так, в письме от 1963 г. МИД Республики Мали в Посольство СССР в Мали представители «Офис дю Нижер» выражали просьбу направить делегацию малийских специалистов и сельскохозяйственных работников в качестве стажеров в Советский Союз для «ознакомления с богатым советским опытом в сфере сельского хозяйства»²³. В 1964 г. малийская сторона озвучила просьбу направить двух советских специалистов — по ведению статистики сельского хозяйства и экономической статистике со специализацией в вопросах народнохозяйственного баланса²⁴.

Итак, сельскохозяйственный сектор Мали, будучи приоритетным направлением развития экономики, нуждался в наибольшем суверенитете от влияния бывшей метрополии и третьих стран. Усилия СССР были направлены на максимальную поддержку малийского сельского хозяйства посредством самого широкого спектра помощи без какого-либо неокOLONIALного давления.

Keita Information Site. URL: <https://modibo-keita.site/discours-et-interventions-de-modibo-keita/> (accessed: 01.08.2022).

¹⁸ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 340. Л. 75—81.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 925. Л. 30—34.

²⁰ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 69. Д. 444. Л. 83—90.

²¹ Там же. Л. 134—159.

²² Там же. Л. 61—67.

²³ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 411. Л. 49.

²⁴ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 455. Л. 107.

Помощь в развитии тяжелой промышленности

Направленность на обеспечение полного цикла работ была характерна и для тяжелой промышленности, а также горнодобывающей отрасли (табл. 3). В данных отраслях советская помощь также осуществлялась по всем трем направлениям — поиск и разработка месторождений ресурсов, строительство фабрик и заводов, обеспечение построенных предприятий оборудованием, энергетикой и кадрами.

Таблица 3

Количество предприятий (построенных и планируемых) по состоянию на 1 января 1969 г.

Всего		Промышленность и строительная индустрия	Госхозы и фермы	Транспорт и связь	Геологоразведочные работы	Провещение, здравоохранение, спорт
По соглашениям	Введено в эксплуатацию					
13	6	1	1	1	3	7

Источник: составлено авторами на основе материалов РГАЭ (Ф. 365. Оп. 2. Д. 1163).

Главным природным ресурсом, поиску которого уделялось особое внимание как с малийской, так и с советской стороны, была нефть. Открытие нефтяных месторождений могло бы оказать благотворное влияние на общее состояние экономического развития молодого африканского государства. Переговоры о возможности разведки нефти начались еще в 1961 г.²⁵ Однако этот вопрос оставался нерешенным довольно долго: советская сторона не осмеливалась начинать работы без подтвержденных перспектив и не заключала отдельного контракта на работы по поиску нефти. В то же время уже в июле и августе 1961 г. был заключен контракт № 410 на разведку цементного сырья и горючих сланцев, а также контракт № 458 на проведение геологоразведочных работ золота и алмазов²⁶.

Мали предложила СССР провести аэромагнитную съемку в районе Гао-Менака

²⁵ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 278. Л. 84.

²⁶ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 340. Л. 75—81.

(северо-запад Мали) для локализации месторождений. Однако советская сторона затягивала с подписанием контракта и уклонялась от вынесения решения из-за серьезных сомнений советских геологов в перспективности разработки при высокой себестоимости работ. В итоге в 1962 г. Мали передала заказ на работы Франции, что побудило СССР взять заказ на аэромагнитную съемку в районе Таудени (север Мали) на заведомо менее выгодных условиях²⁷. Несмотря на попытки геологических разведок на нефть и работы по бурению скважин (например, в 1964 г. был заключен контракт № 1070 на сумму 600 млн малийских франков на поставку оборудования для глубокого бурения на нефть²⁸), нефтедобыча в этих районах не налажена до сих пор.

Поиски месторождений золота и алмазов по контракту № 458 от 2 августа 1961 г. были гораздо более успешными. Работы велись в четырех основных регионах (трем партиями на разведку в Кангабе, Бале, бассейне реки Багое и одной партией на реализацию золоторудных и алмазных месторождений в районе бассейна реки Фабуляко) и включали в себя полный цикл поиска и разработки месторождения: проектирование работ, добыча образцов и исследование в лабораториях, бурение скважин с помощью поставленных по контракту станков «Амурец». Именно советская помощь в проведении геологоразведочных работ определила золотоносный потенциал Мали. По состоянию на 2019 г., ежегодная добыча ценного металла составила 61 т, не считая кустарной добычи (около 6 т ежегодно), по сравнению со 150—200 кг золота в год по состоянию на 1965 г.²⁹

Наиболее результативным советским проектом стала разведка цементного сырья, проводившаяся на основе контракта № 410

²⁷ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 354. Л. 99—100.

²⁸ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 468. Л. 4—5.

²⁹ См.: Mali: Production of Mineral Commodities 2019 // Minerals Yearbook, volume III, Area Reports — International — Africa and the Middle East. National Minerals Information Center. URL: <https://www.usgs.gov/centers/national-minerals-information-center/africa-and-middle-east#ml> (accessed: 01.08.2022); РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 510. Л. 8—17.

от 22 июля 1961 г. Разработка трех перспективных месторождений бокситов в районах Западного Бамако, Белеа и Кенеба (открыты французскими компаниями в 1958—1960 гг.³⁰), а также месторождения в районах Бафулабе-Кайес с запасами в 18,5 млн т бокситов (СССР и страны Африки..., 1977, с. 204) послужила основой для строительства цементного завода в г. Диаму (запад Мали) мощностью 50 тыс. т цемента в год³¹. При этом строительство объекта производилось «под ключ», то есть силами и средствами советских строительных организаций. Малийская сторона обязалась лишь предоставить свободный земельный участок и построить дорогу и мост через р. Сенегал от карьера до территории завода³².

Для нормального функционирования завода также проводились работы по энергообеспечению страны и подготовке квалифицированных кадров. Для активного участия в работе по завершению строительства цементного завода в 1969 г. 39 малийских стажеров были направлены в Советский Союз для обучения на цементном заводе в Новороссийске³³. Несмотря на обучение малийского персонала, именно советские специалисты сыграли ключевую роль в строительстве и запуске цементного завода.

Производство и потребление энергии в Мали в первое десятилетие независимости оставалось очень низким: общая установочная мощность всех электростанций на 1 января 1964 г. составляла 10250 кВт³⁴. Это было связано с общим низким уровнем промышленного развития. Советский Союз поставлял небольшие электростанции для энергообеспечения некоторых зданий (например, школ)³⁵. Однако промышленное производство энергии не было налажено. В 1961 г. была запрошена советская помощь для строительства ГЭС и нескольких плотин на р. Сенегал³⁶, но эти

проекты так и не были реализованы, так как на тот момент в стране не было достаточного количества промышленных потребителей энергии. Большинство ГЭС, функционирующих в настоящее время в Мали, были построены позже региональным объединением Мали, Гвинеи, Мавритании и Сенегала «Управление по развитию бассейна р. Сенегал» при помощи западного финансирования³⁷.

Структурная помощь в гуманитарной сфере

СССР также оказывал существенную помощь в развитии образования и здравоохранения, в первую очередь, техническую: поставлялось оборудование для больниц, учебники, брошюры и литература для школ³⁸. Советские преподаватели обучали студентов в пяти учебных заведениях³⁹, изучение русского языка было обязательным (Сану, Камышева, 2020, с. 180). Однако самым важным компонентом советской помощи было строительство учебных заведений для обеспечения страны местными высококвалифицированными кадрами (табл. 4). Очевидно, что наличие собственных кадров было принципиально важным условием для обеспечения экономического суверенитета Мали.

Таблица 4

Количество учебных заведений на 1 января 1969 г.

Учебные заведения		ВУЗ	Среднее учебное заведение, школа, колледж	Учебные центры
По соглашениям	Введено в эксплуатацию			
6	5	2	1	3

Источник: составлено авторами на основе материалов РГАЭ (Ф. 365. Оп. 2. Д. 1163а).

³⁷ См.: Le Barrage de Manantali. Rapport de Synthèse // Coopération Financière avec l'Organisation pour la Mise en Valeur du Fleuve Sénégal. URL: https://www.eib.org/attachments/ev/ev_manantali_rapport_de_synthese_fr.pdf (accessed: 01.08.2022); Work Starts on Felou dam in Mali // The Infrastructure Consortium for Africa. URL: <https://www.icafrica.org/en/news-events/infrastructure-news/article/work-starts-on-felou-dam-in-mali-453/> (accessed: 01.08.2022).

³⁸ Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / под ред. С. В. Мазова, А. Б. Давидсона. Москва : Политическая энциклопедия, 2021. С. 81.

³⁹ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 293. Л. 14.

³⁰ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 9. Д. 25. Л. 210—212.

³¹ Построено при экономическом и техническом содействии Советского Союза / под ред. С. А. Скачкова. Москва : Международные отношения, 1982. С. 233.

³² РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 629. Л. 1—6.

³³ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 9. Д. 46. Л. 2.

³⁴ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 510. Л. 8—17.

³⁵ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 396. Л. 184—186.

³⁶ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 340. Л. 75—81.

В 1963 г. в СССР утвердили задание на возведение на безвозмездной основе Высшей административной школы для подготовки работников государственного и партийного аппарата на 250 учащихся (в качестве дара правящей партии «Сенегальский Союз»), медицинского училища для подготовки медицинских сестер и акушерок на 200 учащихся и учебного центра для подготовки сельскохозяйственных специалистов высшей и средней квалификации и специалистов-механизаторов с общим контингентом 600 учащихся (Корендясов, Константинова, 2020, с. 22). На строительство этих учебных заведений планировалось выделить 1,6 млн руб., а сельскохозяйственный центр в г. Катибугу предлагалось построить за счет советских взносов в специальный фонд ООН.

Также было организовано обучение африканских студентов в советских университетах. Одним из основных учебных заведений по подготовке африканских кадров был Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (ныне — Российский университет дружбы народов, РУДН). Представители Мали присутствовали уже в первых выпусках, всего же за 50 лет РУДН подготовил более 250 малийских квалифицированных специалистов (Пономаренко, Зуева, 2009, с. 28).

Однако, несмотря на всесторонность советской помощи по подготовке кадров, эта сфера была наименее развита. Доступность образования и многочисленные стажировки в СССР не смогли кардинально решить проблему острого дефицита квалифицированных кадров, который испытывали малийские предприятия, что в конечном итоге вынуждало их обращаться как к советским специалистам, так и к специалистам из капиталистических стран.

Попытки прорыва транспортной блокады

Особенно остро в контексте противостояния западных и социалистических стран по линии экономической помощи Мали стоял транспортный вопрос, а именно разработка

экспортного маршрута для продукции из Мали, не имеющей выхода к морю.

Существовало два традиционных экспортных маршрута из Мали — через порты Сенегала (в основном Дакар), а также через порты Кот-д’Ивуара (Витухина, 1987, с. 112). Сообщение между столицей Мали Бамако и западноафриканскими портами осуществлялось по железным дорогам. Железнодорожная сеть в Мали была развита слабо, основные стратегические предприятия располагались на удалении от путей. Например, среднее расстояние от каждого из трех малийских месторождений бокситов до ближайшего участка железной дороги составляло в среднем 150—200 км⁴⁰. Из-за этого стоимость транспортировки сырья повышалась и иногда превышала себестоимость ресурсов, делая добычу и экспорт последних нецелесообразными. Так, издержки вывоза бокситов через Сенегал составляли около 30 руб. за тонну при мировой цене на бокситы в 5—8 руб. за тонну и расходах на транспортировку до железнодорожной станции по грунтовым дорогам (примерно 150 км) в 2—4 руб. за т⁴¹.

В связи с этим строительство железных дорог как наиболее дешевого средства транспортировки ресурсов в стране, не имеющей выхода к морю, было критически важным.

Ситуация осложнялась также профранцузской внешнеполитической ориентацией Сенегала в 1960—1970 гг. Как отмечали советские специалисты, Сенегал активно подталкивал малийское правительство к заключению валютных соглашений с Францией в 1967 г., преследуя собственные цели. В первую очередь, Сенегал стремился усилить взаимосвязь с экономикой Мали и вернуть утраченные после провозглашения независимости рынки сбыта в соседних африканских странах. К примеру, в 1960 г. Республика Мали расторгла двусторонние соглашения с Сенегалом, но восстановила их в июне 1963 г.⁴² Сенегал также стремился активизи-

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 9. Д. 25. Л. 210—212.

⁴¹ Там же.

⁴² Le Mali: Des Royaumes Soudanais à l'État Contemporain // Clio. P. 26. URL: https://www.clio.fr/chronologie/pdf/pdf_chronologie_le_mali.pdf (accessed: 01.08.2022).

ровать деятельность «Союза четырех стран» (Сенегал, Мали, Гвинея и Мавритания), надеясь играть ведущую роль в этой структуре. Немаловажным был и репутационный фактор. Ориентируясь в своей внешней политике на Францию и поддерживая тесные экономические связи с бывшей метрополией, Сенегал стремился продемонстрировать своим внешнеторговым партнерам несостоятельность «суверенной» экономической политики Мали и оторванности от бывшей метрополии. Правительство Сенегала было заинтересовано в достижении договоренностей между Францией, Мали и странами Западноафриканского валютного союза, настойчиво подталкивая Мали и Францию к переговорам, подготовка к которым до последнего момента держалась в секрете⁴³.

Как указано в справке ГКЭС за 1965 г., основным направлением перевозок был маршрут через Дакар⁴⁴. Однако закрытие Сенегалом границы в 1960—1963 гг.⁴⁵ вынудило Мали и СССР начать поиск обходных путей для экспорта малийской продукции, в частности переориентировать товарный поток южнее, в Гвинею. Это было связано и с внешнеполитической ориентацией Гвинеи, которая с 1958 г. заняла ярко выраженную антифранцузскую позицию, в 1960 г. вышла из Зоны франка⁴⁶ и крайне негативно реагировала на любые призывы Сенегала и других стран вернуться туда. Гвинея представлялась для СССР идеальным кандидатом для строительства железнодорожной сети с целью последующего экспорта малийской продукции. Советский Союз рассчитывал, что руководство Гвинеи с интересом отнесется к советским экономическим предложениям. В соответствии с соглашениями 1961 г. между

СССР, Мали и Гвинеей Советский Союз брал обязательство по строительству к 1963 г. железной дороги Бамако — Куруса. На территории Мали предусматривалось строительство нового участка железной дороги, в то время как уже построенный участок в Гвинею планировалось лишь отремонтировать.

Однако участок дороги Бамако — Куруса так и не был построен советскими специалистами, несмотря на то, что он представлялся идеальным вариантом вывода малийской продукции на мировой рынок в условиях создания суверенной экономической системы с полным циклом производства и ее отвязки от бывшей метрополии. В 1966 г., когда стали понятны намерения Мали вступить в Западноафриканский валютный союз и Зону франка, президенты Сенегала и Мали рассчитывали на возможность привлечения в валютную зону Гвинеи, что вызвало недовольство последней и ухудшение двусторонних отношений с Мали⁴⁷. Помимо этого на отмену проекта повлияли и чисто экономические факторы в виде общей стоимости в 36 млн долл. США⁴⁸.

В настоящее время железнодорожная линия, проходящая через Сенегал, по-прежнему является главной транспортной артерией, обеспечивающей Мали выход к морю (Bayane & Qiu, 2020, p. 112). Учитывая профранцузскую ориентацию Сенегала, вопрос о прорыве транспортной блокады Мали стоит остро и по сей день.

Конкурирующие государства — доноры Мали

Сотрудничество Мали распространялось далеко за пределы взаимодействия с СССР и странами социалистического лагеря. Мали поддерживала экономические связи с Францией, особенно после валютных соглашений 1967 г., КНР, западными странами (Федеративной Республикой Германия (ФРГ), Нидерландами) и региональными соседями (Гвинеей, Сенегалом, Кот-д'Ивуаром). О степени

⁴³ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2906. Л. 10—21.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 510. Л. 8—17.

⁴⁵ Appraisal of the Mali Railway Project // International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association. P. 4. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/668051468281934456/pdf/multi0page.pdf> (accessed: 01.08.2022).

⁴⁶ La Zone franc de 1939 à Aujourd'hui // Ministère de l'Économie des Finances et de la Souveraineté Industrielle et Numérique. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr/tresor-international/la-zone-franc/la-zone-franc-de-1939-a-aujourd-hui> (accessed: 01.08.2022).

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2906. Л. 16.

⁴⁸ Appraisal of the Mali Railway Project // International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association. P. 24. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/668051468281934456/pdf/multi0page.pdf> (accessed: 01.08.2022).

участия других стран в экономике Мали можно судить по количеству коммерческих кредитов. Так, порядка 1,8 млн долл. США займа поступили от Кот-д'Ивуара, 2,1 млн ф. ст. — от КНР; страна получала отсрочки по французским кредитам⁴⁹.

Западным капиталистическим странам было важно получить контракты на техническую помощь с целью оказания максимально возможного влияния на траекторию экономического развития Мали. В этой логике против СССР активно использовался фактор идеологической борьбы. В прессе и научных кругах постоянно появлялись публикации про техническую отсталость советского оборудования и «антисельскохозяйственный вектор» советской помощи (Большов, 1983; Андреев, 1987, с. 1—2).

В этой связи целесообразно рассмотреть систему помощи капиталистических стран. Мали заключила контракты и договоры по строительству предприятий с рядом западных государств. Так, ФРГ по соглашению от 14 февраля 1962 г. через Национальный банк реконструкции предоставила кредит на 13 млн западногерманских марок (2,9 млн руб.) на строительство двух маслобойных заводов в Куликоро и Тукото⁵⁰. В том же году был заключен контракт с США на строительство здания Педагогического института на сумму 800 тыс. долл. США, позже увеличенную до 1,1 млн долл. США (американская сторона всячески затягивала выполнение контракта)⁵¹. В 1968 г., не сумев получить советский кредит на строительство дороги и моста от карьера до цементного завода, Мали обратилась к французской фирме СНТП с просьбой построить дорогу с привлечением малийской компании СОНЕТРА, мост же должна была строить французская фирма «Драгаж»⁵².

Интерес Запада выходил далеко за пределы технической помощи и охватывал самую чувствительную сферу — человеческие ресурсы и кадровую подготовку. Учитывая

растущий интерес западных стран к природным ресурсам Африки, в частности потенциальным месторождениям урана, в Мали были направлены западногерманские делегации для проведения переговоров о разведке. В Сельскохозяйственном политехническом институте в г. Катибугу работали граждане Франции, Великобритании и Австрии. Поддержка Запада была заточена на ограничение экономического суверенитета Мали через внедрение неокOLONиальных практик, о чем говорят как условия валютных соглашений с Францией, так и обязательное условие кредита от МВФ — проведение консультаций с Фондом по внешней и внутренней финансовой политике Мали⁵³.

При этом Республика Мали старалась извлечь максимум прибыли из сложившихся обстоятельств, пытаясь манипулировать СССР в стремлении повысить экономическую выгоду от советской помощи. Так, во время приема временного поверенного в делах Мали в СССР Д. Майги 14 ноября 1962 г., основной целью визита которого была отсрочка выплат по советским кредитам и продление срока займа, малийская сторона завуалированно упрекнула Советский Союз в том, что полученная от СССР и социалистических стран помощь в размере 24 млрд малийских франков с фиксированным распределением по отраслям практически сравнялась с суммой помощи от западных стран — 23 млрд малийских франков, которая была предоставлена с более гибким распределением⁵⁴.

СССР стал регулярно получать намеки малийских партнеров о высокой заинтересованности западных стран в контрактах. В 1963 г. при обсуждении оформления внеконтрактных работ по бурению водяных скважин в отдельный договор с СССР, малийцы обратили внимание советской стороны, что на подобный контракт также претендуют Франция, ФРГ и США⁵⁵. В 1964 г. Министерство инфраструктурных проектов Мали обратилось к Франции с просьбой разработать техническую документацию цементного завода, так

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 510. Л. 8—17.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2872. Л. 119.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 656. Л. 64.

⁵² РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2926. Л. 34.

⁵³ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 510. Л. 8—17.

⁵⁴ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 340. Л. 83—86.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 411. Л. 7—9.

**Официальная помощь развитию Республике Мали со стороны развитых стран
и международных организаций в 1960—1970 гг., млн долл. США в текущих ценах**

Страна	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Австрия						0,01					
Бельгия								0,01	0,02	0,02	0,02
Франция					5,9	7,8	5	7,9	10,1	11,3	5,7
Германия			0,91	1,71	0,79	0,38	0,52	0,53	0,59	1,12	1,95
Нидерланды											0,01
Швейцария				0,01	0,02	0,04			0,02	0,01	
Великобритания						0,07	0,08	0,01			0,01
США		2	2	2	2	2,35	3,19	1,4	0,74	2	2
Международные организации (многосторонняя помощь)	0,08	0,44	6,64	3,39	8,48	10,9	12,2	7,29	16,4	8,72	11,3
Всего	0,08	2,44	9,56	7,11	17,2	21,6	25	17,2	27,9	23,22	22,1

Источник: Aid (Official Development Assistance) Disbursements to Countries and Regions // OECD. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TABLE2A#> (accessed: 01.08.2022).

как стоимость 1 т цемента в аналогичных документах советской стороны, по мнению малийцев, была завышенной (9800 малийских франков при производительности 50 тыс. т цемента в год)⁵⁶. В 1967 г. на переговорах о продлении контракта № 9225 (связанного с сельскохозяйственной авиацией) малийская сторона выдвинула требование о его пересмотре в свою пользу, мотивируя это тем, что в связи с его выполнением малийцы отказались от заключения договоров с голландскими летчиками и не эксплуатировали находящиеся у них три самолета «Типпер»⁵⁷.

В свою очередь, в переговорах с западными подрядчиками представители Мали использовали фактор контрактной заинтересованности советской стороны. В 1965 г. Мали обратилась к СССР с просьбой о строительстве кислородных станций, которые Франция через свою компанию «Эр Ликид» готова была строить за валюту, что было крайне невыгодно для Мали⁵⁸.

Большая часть подобного рода намеков оставалась без внимания со стороны СССР. Советская сторона воспринимала их как элемент давления, справедливо полагая, что до их реализации дело не дойдет. В Мали понимали, что западные контракты существенно

ограничивают экономический суверенитет страны, навязывая дополнительные обременительные условия. Кроме того, ни один из западных партнеров не обеспечивал Мали структурную помощь во всех отраслях экономики. Де-факто это была минимальная помощь, что среди прочего отражают показатели официальной помощи развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (табл. 5).

Заключение

Предоставленная в 1960-е гг. Советским Союзом техническая и экономическая помощь Мали решала множество текущих проблем развития страны и была призвана создать полный производственный цикл во многих отраслях. В отличие от других стран-доноров, которые ограничивались лишь поддержкой отдельных проектов, СССР обеспечивал помощь в рамках непрерывных цепочек по трем этапам, включая планирование и разработку проектов, поставку технического оборудования и командирование кадров.

При этом важнейшей чертой советской политики помощи было отсутствие неокOLONиального влияния. Получаемая от СССР помощь благоприятно сказывалась на повышении экономического суверенитета Мали. Это контрастировало с подходом западных стран, в частности Франции и других заинтересованных в Мали капиталистических доноров.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 455. Л. 109—110.

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 656. Л. 37.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2876. Л. 157.

В планах у правительства Мали значились грандиозные стройки, реализация которых во многом зависела от советской помощи. Однако не всем планам, находившимся в разработке у Мали и СССР, было суждено воплотиться в жизнь. Некоторые так и не были реализованы в силу ряда причин: неготовности сторон брать на себя рискованные расходы по геологоразведочным работам, чрезмерно большого объема работ по многим контрактам первой пятилетки, трудновыполнимого для малийской стороны (что привело к пересмотру и урезанию некоторых контрактов), катастрофической нехватки квалифицированных местных рабочих, что стало причиной постоянных поломок дорогостоящего заводского оборудования.

Тем не менее в 1960-е гг., самый сложный период становления экономической

самостоятельности Мали, именно Советский Союз оказывал ей значительную помощь в развитии ключевых секторов экономики — сельского хозяйства и тяжелой промышленности, организуя полный цикл производства — от поиска и разработки месторождений ресурсов, строительства фабрик, заводов, ферм, до обеспечения построенных предприятий оборудованием и снабжения их энергетикой. Кроме того, СССР пытался оказать посильную помощь в решении наиболее сложного вопроса с подготовкой квалифицированных кадров. При самом непосредственном участии и зачастую за счет СССР строились школы, медицинские и аграрные училища, институты, малийские студенты получали стипендии и проходили обучение в советских вузах.

Поступила в редакцию / Received: 28.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 28.09.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Андреев А. П. Критика буржуазной историографии сотрудничества СССР с освободившимися странами Африки: дис. ... канд. ист. наук. Москва : Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1987.
- Белецкая М. Ю. Экономическая помощь зарубежным странам со стороны СССР // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2—2 (79). С. 1119—1130.
- Большов А. Г. Антинаучные трактовки технического содействия СССР развивающимся странам // Критика буржуазных и реформистских концепций развитого социализма и мирового социалистического хозяйства / отв. ред. В. К. Полторыгин. Москва : Мысль, 1983. С. 127—160.
- Витухина Г. О. Мали. Москва : Мысль, 1987.
- Давидчук А. С. Роль Франции в урегулировании африканских проблем (на примере Мали) // Африка перед лицом современных вызовов и угроз / под ред. С. Н. Волкова, Т. Л. Дейч. Москва : Институт Африки РАН, 2021. С. 153—158.
- Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибэ О. Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 50—78. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.03>
- Дегтерев Д. А. Западноафриканская «восьмерка» набирает обороты // Азия и Африка сегодня. 2003. № 12. С. 28—31.
- Дегтерев Д. А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 113—122. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122>
- Дегтерев Д. А. Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. Москва : Ленанд, 2011.
- Корендясов Е. Н., Константинова О. В. Мир в Мали: путь к безопасности в Сахаро-Сахельском регионе // Азия и Африка сегодня. 2020. № 11. С. 17—25. <https://doi.org/10.31857/S032150750012180-0>
- Мазов С. В. Советский Союз и Западная Африка. 1956—1964 гг. // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 77—90.
- Майга Т. Б. Анализ реализации продукции и финансовых результатов сельскохозяйственных предприятий (на примере предприятий СССР и государственного сектора Мали): дис. ... канд. экон. наук. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1985.

- Новиков С. С., Урсу Д. П. История Мали в новое и новейшее время. Москва : Наука, 1994.
- Пономаренко Л. В., Зуева Е. Г. РУДН и Африка. Москва : РУДН, 2009.
- Сану Д., Камышева С. Ю. Система обучения русскому языку в Республике Мали // В мире русского языка и русской культуры : сборник тезисов IV Международной студенческой научно-практической конференции, 22 мая 2020 г. / под ред. А. Н. Арефьевой, Е. А. Васюковой. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 179—181.
- СССР и страны Африки. Дружба, сотрудничество, поддержка антиимпериалистической борьбы / под ред. Е. А. Тарабрина. Москва : Мысль, 1977.
- Цветков Э. Г. Советские врачи в Тропической Африке в 1960-е — начало 1970-х гг. (по материалам АВП РФ, РГАЭ и РГАСПИ) // История. 2022. Т. 13, № 8. С. 1—1. <https://doi.org/10.18254/S207987840020260-5>
- Amselle J.-L. Le Mali Socialiste (1960—1968) // Cahiers d'Études Africaines. 1978. Vol. 18, no. 72. P. 631—634. <https://doi.org/10.3406/cea.1978.2372>
- Bayane B. M., Qiu Y. Past, Present and Future Development of West African Railways // Journal of Sustainable Development of Transport and Logistics. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 103—114. <https://doi.org/10.14254/jsdtl.2020.5-1.10>
- Benanav M. Men of Salt: Crossing the Sahara on the Caravan of White Gold. Essex, CT : The Lyons Press, 2006.
- Gu Guan-fu. Soviet Aid to the Third World, an Analysis of Its Strategy // Soviet Studies. 1983. Vol. 35, no. 1. P. 71—89. <https://doi.org/10.1080/09668138308411459>
- Hazard J. N. Mali's Socialism and the Soviet Legal Model // The Yale Law Journal. 1967. Vol. 77, no. 1. P. 28—69. <https://doi.org/10.2307/795070>
- Iandolo A. Soviet Policy in West Africa, 1957—64 [thesis]. Oxford : Oxford University, 2011.
- Imperato, P. J., Imperato G. H. Historical Dictionary of Mali. Lanham : Scarecrow Press, 2008.
- Rosen S. M. Soviet Training Programs for Africa. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1963.
- Smirnova T., Rillon O. Quand des Maliennes Regardaient vers l'URSS (1961—1991): Enjeux d'une Coopération Éducative au Féminin // Cahiers d'Études Africaines. 2017. No. 226. P. 331—354. <https://doi.org/10.4000/etudesafricaines.20697>
- Touron M. Le Mali, 1960—1968. Exporter la Guerre Froide dans le Pré Carré Français // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2017. No. 1. P. 83—95. <https://doi.org/10.3917/bipr1.045.0083>

Сведения об авторах: Давидчук Анна Сергеевна — студент Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-7406-2552; e-mail: 1032191584@rudn.ru

Дегтерев Денис Андреевич — доктор политических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; профессор МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-7426-1383; e-mail: degterev-da@rudn.ru

Корендясов Евгений Николаевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН; Чрезвычайный и полномочный Посол Российской Федерации в Мали в 1997—2001 гг.; e-mail: ekorendyasov@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-728-740

Научная статья / Research article

«Мягкая сила» России в Африке: потенциал и проблемы русскоязычных женских сообществ

Н.Л. Крылова , О.С. Кулькова

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

 krylovanl@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается один из элементов «мягкой силы» Российской Федерации (РФ), заключенный в ее взаимодействии с русскоязычными женскими сообществами на Африканском континенте. Эта тема ранее не получала должного рассмотрения в отечественном академическом дискурсе. Сегодня процессы социально-политических трансформаций в странах Африки как никогда требуют существенной активизации «мягкой силы», которая стала бы инструментом восстановления и укрепления взаимодействия между Россией и новыми африканскими элитами и африканскими народами. Русскоязычные сообщества в Африке и создаваемые ими объединения в большинстве своем состоят из женщин и развиваются благодаря их инициативам. Потенциал «мягкой силы» таких женских объединений в Африке, как и ассоциаций африканцев-выпускников советских/российских учебных заведений, весьма велик, но остается недооцененным и не используется в должной мере. Сегодня в Африке действует множество структур, разнообразных по формам (ассоциации, клубы, землячества, союзы и т. д.) и объединяющих русскоговорящих женщин. Такие объединения есть в Замбии, Камеруне, Тунисе, Алжире, Марокко, Нигерии, Уганде, Того, Анголе, на Маврикии, Мадагаскаре, в Сенегале, Нигере, Руанде, Мали, Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Мозамбике и других странах Африки. Русско-африканские смешанные семьи по многим параметрам могут рассматриваться как наиболее реальные потенциальные посредники российского и африканских обществ, культур, рынков. Вместе с тем развитие связей с русскоязычной диаспорой в Африке внесло бы свой вклад не только в поддержку внешнеполитической деятельности РФ на континенте, но и в реализацию таких важнейших общенациональных приоритетов нашей страны, как поддержка соотечественников за рубежом и развитие «Русского мира». Особенную значимость это приобретает в преддверии Второго саммита «Россия — Африка» в 2023 г.

Ключевые слова: Африка, Россия, мягкая сила, диаспора, соотечественники, адаптация, русская языковая культура, эмиграция, женские объединения, государственная политика

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Крылова Н. Л., Кулькова О. С. «Мягкая сила» России в Африке: потенциал и проблемы русскоязычных женских сообществ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 728—740. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-728-740>

© Крылова Н.Л., Кулькова О.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russia's Soft Power in Africa: Potential and Challenges of Russian-speaking Women's Communities

Natalia L. Krylova , Olga S. Kulkova

Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

krylovanl@yandex.ru

Abstract. The article refers to one of the integral parts of the of Russian soft power foreign policy, which lies in its interaction with the Russian-speaking women's communities on the African continent. This topic has not previously been given an appropriate consideration in the domestic scientific discourse. The processes of current social and political transformations in the African countries require the significant increase in soft power, which could become the instrument of developing and consolidating relations between Russia and new African elites and African people. The Russian-speaking communities in Africa and organizations they create are largely composed of women and are developing thanks to their own initiatives. The potential of Russian-speaking women's communities in Africa, as well as of associations of African graduates of Soviet/Russian educational institutions as prospective soft power providers is quite significant, yet seriously underestimated and untapped properly. Today a variety of associations, clubs, fraternities, unions comprised of Russian-speaking women is widely occurring in the majority of African countries. There are such associations in Zambia, Cameroon, Tunisia, Algeria, Morocco, Nigeria, Uganda, Togo, Angola, Mauritius, Madagascar, Senegal, Nigeria, Rwanda, Mali, Congo, Côte d'Ivoire, Mozambique, and other countries. Russian-African mixed families are considered as the most probable potential mediators in Russian and African societies, cultures and markets. At the same time, the development of ties with the Russian-speaking diaspora in Africa would contribute not only to supporting the foreign policy activities of the Russian Federation on the continent, but also to the implementation of such important national priorities of our country as supporting compatriots abroad and promoting the "Russian world." This acquires particular importance on the threshold of the second Russia — Africa summit in 2023.

Key words: Africa, Russia, soft power, diaspora, compatriots, adaptation, Russian language culture, emigration, women's associations, state policy

Acknowledgements: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

For citation: Krylova, N. L., & Kulkova, O. S. (2022). Russia's soft power in Africa: Potential and challenges of Russian-speaking women's communities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 728—740. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-728-740>

Неучтенный «актив» российской «мягкой силы» в Африке

В последние годы значимость концепции и инструментария «мягкой силы» в планировании и реализации внешнеполитического курса Российской Федерации заметно возросла.

Необходимость уделять внимание методам «мягкой силы» была озвучена на высшем уровне еще в 2012 г. В своей статье «Россия и меняющийся мир» президент РФ В.В. Путин охарактеризовал «мягкую силу» как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других

рычагов воздействия»¹. Затем данный термин был включен и в Концепцию внешней политики РФ 2013 и 2016 гг. В частности, в стратегическом документе 2016 г. отмечалось, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование инструментов «мягкой силы» для решения внешнеполитических задач; прежде всего, речь идет о возможностях гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методах и технологиях в дополнение к традиционным

¹ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.12.2012. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 19.09.2021).

дипломатическим методам»². Москва довольно поздно включилась в глобальную «игру мягкой силы», но тем не менее сделала «мягкую силу» неотъемлемым инструментом в своем стремлении вернуть России статус великой державы (Rutland & Kazantsev, 2016).

Следует отметить, что трактовка «мягкой силы» в российском понимании имеет свою специфику и тесно связана с понятиями защиты национального суверенитета, культурного кода, продвижения сферы «Русского мира» за рубежом, поддержки традиционных семейных ценностей (что находит отклик в Африке) (Ларюэль, 2021, с. 26).

В докладе «Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России», подготовленном НИУ ВШЭ в 2021 г., отмечалось, что в российско-африканском сотрудничестве на культурно-гуманитарном направлении наблюдаются заметные успехи, так как развивается взаимодействие по линии гражданского общества и в сфере образовательных обменов. Так, в 2018 и 2020 гг. состоялось два Российско-африканских общественных форума, организованных Союзом «Африканская деловая инициатива» и Всемирной ассоциацией выпускников. Число африканских студентов, обучающихся в России, увеличилось с 9 тыс. в 2008 г. до 24 тыс. в 2018 г. и 27 тыс. в 2021 г. (Африка: перспективы развития..., 2021, с. 83).

Вместе с тем авторы доклада называют культурно-гуманитарное сотрудничество России и Африки неравномерным, указывая, что оно развивается без официально обозначенных приоритетов и каких-либо стратегических документов, в основном за счет частных и отдельных государственных инициатив, а на самом континенте явно недостаточно присутствуют институты «мягкой силы» РФ, в первую очередь, российские центры науки и культуры как отделения Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, прожи-

вающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества) (Африка: перспективы развития ..., 2021, с. 84).

В российской и зарубежной науке большое внимание исследователей было уделено практически всем аспектам проявления российской «мягкой силы» на африканском направлении (публичная дипломатия, деятельность неправительственных организаций (НПО), гуманитарные и культурные инициативы, образовательное сотрудничество и многое другое) (Trunkos, 2021; Pichon & Russell, 2019; Wilson, 2015; Clifford & Gruzd, 2022).

Однако один немаловажный элемент для раскрытия полного потенциала российской «мягкой силы» в Африке остался практически не освещенным вплоть до настоящего момента. В этой статье мы сосредоточиваемся именно на нем — потенциале русскоязычных женских сообществ в Африке. По сути, русские и русскоязычные сообщества, а также их организации на Африканском континенте, которые во многом существуют благодаря женским инициативам, долгое время оставались недооцененными в качестве мощного ресурса поддержки политики нашей страны в Африке. Ситуация начала меняться буквально недавно.

Высоко оценил вклад соотечественниц в сохранение русского языка и культуры в семьях министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. В 2019 г. он заявил, что Россия продолжит содействовать дальнейшей интеграции соотечественниц в мировое женское движение³.

В 2021 г. впервые в программу Третьего Международного Евразийского Женского Форума в Санкт-Петербурге была включена секция «Российские соотечественницы за рубежом». В ходе ее работы была подчеркнута роль диалога женщин-соотечественниц в развитии международного сотрудничества, которая, в свою очередь, способствует расширению торгово-экономического взаимодействия и кооперации.

² Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. 30.11.2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Лавров оценил вклад соотечественниц в обеспечение преемственности поколений // РИА Новости. 30.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191030/1560383441.html?in=t> (дата обращения: 19.09.2021).

Сейчас на Африканском континенте растет российское присутствие в сфере СМИ и медиа, в том числе в социальных сетях (Limonier & Laruelle, 2021). Это важное направление для укрепления сотрудничества по линии «мягкой силы» (Kulkova, 2021, p. 113—115), и еще многое предстоит сделать.

Свой вклад в развитие информационного обмена Африки и России могут внести соотечественницы и выпускники российских вузов, постоянно проживающие в странах континента. В частности, существует план использовать их помощь при создании так называемого единого интернет-пространства Россия — Африка, то есть собрания в одном месте всего существующего массива информации по российско-африканской повестке, что отметила в мае 2021 г. исполнительный директор Ассоциации экономического сотрудничества со странами Африки (АЭССА) А. Беляева⁴.

Безусловно, вопросы гуманитарного сотрудничества, публичной дипломатии и реализации полного потенциала российской «мягкой силы» должны найти свое отражение в работе форумов Второго саммита «Россия — Африка», который пройдет в 2023 г.⁵ Надеемся, что наша статья внесет свой вклад в его академическое обеспечение и привлечет внимание к малоизвестному, но эффективно «инструменту» российской силы в Африке — потенциалу женских русскоязычных сообществ на континенте.

Российские соотечественницы — востребованный потенциал «Русского мира»

Кризисные процессы глобального масштаба потребовали мобилизации внутренних

⁴ В ТАСС обсудили необходимость увеличить информационное присутствие России в Африке // РОСКОНГРЕСС. 21.05.2021. URL: <https://roscongress.org/news/v-tass-obsudili-neobhodimost-velichit-informatsionnoe-prisutstvie-rossii-v-afrike/> (дата обращения: 15.09.2021).

⁵ Указ об Организационном комитете по подготовке и проведению второго саммита Россия — Африка и других мероприятий в формате Россия — Африка // Президент России. 21.07.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69041> (дата обращения 25.07.2022).

ресурсов многих групп населения планеты, в том числе русскоязычной диаспоры, состоящей преимущественно из соотечественниц из СССР/РФ, постоянно проживающих в странах Африканского континента. Именно они играют сегодня заметную роль проводника гуманитарного влияния России в странах Африки, представляя собой один из главных компонентов российской «мягкой силы» на этом континенте.

Советские, а позже российские соотечественницы приняли (хотя и с известными оговорками) эстафету эмигрантской российской культуры в Африке, расселяясь в странах Африки в последние 50—60 лет (Крылова, 2006; 2018; Россия и Африка..., 1999; Сухова, Сухов, 2019). Подчеркнем, что эта ветвь эмиграции носит отчетливо выраженный гендерный характер: подавляющее большинство современной русскоязычной диаспоры в Африке составляют группы русских и русскоговорящих женщин, выходящих замуж за жителей африканских стран и в целом демонстрирующих умение благополучно адаптироваться в мире мужа-африканца.

Начало этого типа эмиграции совпадает по времени с годами национально-освободительной борьбы, развернувшейся на континенте, и образованием в Африке ряда независимых государств, которым СССР предоставлял различные формы помощи, в том числе в области образования и подготовки квалифицированных кадров. Конечно, сегодняшние реалии расширяют рамки диаспоры как группы людей, объединенных общим этническим происхождением, но при этом живущих вне страны своего происхождения. Теперь в понятие «соотечественники» включаются новые категории: представители малого бизнеса, врачи, преподаватели, инженеры, а также другие специалисты, работающие в странах Африки по долгосрочным контрактам (как российским, так и местным). Это и численно большая группа детей от смешанных браков, представленных не в одном поколении. Русскими в Африке себя считают и те, кто в силу политико-исторических обстоятельств стали в свое время гражданами Украины, Белоруссии, других бывших союзных

республик. Все же основной костяк русскоязычного сообщества на Африканском континенте составляют женщины — жены граждан африканских стран.

У истоков этой группы стояли представительницы военного и послевоенного поколений. Позже ее стали пополнять представительницы СССР времен «застоя». И у тех и у других проблема расставания с исторической родиной носила драматичный характер, брак с иностранцем требовал от женщины большого мужества и сил. Неоднозначно они воспринимались и отечественными представителями, аккредитованными в странах континента (Крылова, 2019). Положение нынешней генерации, пополняющей женское русскоязычное сообщество, организационно проще, однако новые времена принесли им новые трудности: политические, экономические, социокультурные и экологические кризисы «дома» и в Африке, нечеткость правовых отношений со своей Родиной и родиной мужа и т. д.

Как показал полувековой опыт, разнообразие личных судеб советских/российских соотечественников, а также причин, мест и условий проживания в разных странах континента в конечном итоге не стали препятствием для осознания общих целей и интересов, сопричастности к развитию «Русского мира», стремлению сохранить и приобщить следующие поколения к ценностям русской истории и культуры.

В настоящее время в Африке действует множество структур, разнообразных по формам (ассоциации, клубы, землячества, союзы и т. д.) и объединяющих русскоговорящих женщин — жен африканских граждан. Такие объединения есть в Замбии, Камеруне, Тунисе, Алжире, Марокко, Нигерии, Уганде, Того, Анголе, на Маврикии, Мадагаскаре, в Сенегале, Нигере, Руанде, Мали, Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Египте, Мозамбике, других странах Африки. Эти организации — явление исторически сравнительно новое и обусловленное прежде всего стремлением соотечественниц к объединению для защиты своих прав и статуса в стране проживания.

Российская диаспора в странах Африки. Пути и формы становления

Необходимо признать, что благодаря процессу консолидации, активно происходившей в последние десятилетия, многие российские объединения и организации в Африке структурно «встали на ноги», заслужили положительную репутацию в принимающем обществе, внося свой вклад в практику российско-африканского межкультурного взаимодействия. Сегодня они вполне способны к ведению открытого и компетентного диалога на партнерских основаниях с представителями российского образования, бизнеса, культуры и спорта.

Наиболее организационно оформленными и общественно активными являются организации соотечественников, проживающих в странах Северной Африки (Крылова, 2017). Хотя доля русскоязычной общины в общей численности населения стран Магриба незначительна, ее общественный вес вырос за последние годы. Только в Египте существует шесть общественных объединений соотечественников и ряд коммерческих образовательных и творческих центров. Всего из общего числа граждан, подпадающих под понятие «соотечественник», от 2 до 3 тыс. человек проживают в Каире, в Александрии — порядка 600 соотечественников⁶.

Несмотря на все сложности, вызванные пандемией COVID-19, она даже в известной степени сплотила соотечественников, придав импульс развитию общественной деятельности. Были освоены новые форматы работы и расширено взаимодействие с Координационными советами (КС) африканских стран и стран Ближнего Востока (Ливана, Туниса, Палестины и т. д.)⁷.

⁶ Ш. Д. Утоев: «Русская диаспора в Египте сформировалась». Интервью с консулом // Московский комсомолец в Египте. 2009. № 1. URL: <https://mkegypt.net/arhiv-gazeti/2009-new/61-01-2009> (дата обращения: 20.04.2022).

⁷ Координационный совет российских общественных организаций соотечественников в АРЕ // КСОРС. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-региона/египет/ксорс-египта/> (дата обращения: 19.10.2021).

В 1989 г. в Алжире была создана Ассоциация российских женщин. Сегодня она насчитывает более 2000 членов⁸. Основной целью Ассоциации является сохранение русского языка и культуры. Каждый год организация проводит страновые конференции, на которые приезжают женщины из других городов Алжира. Это помогает сближению соотечественниц, координации совместных действий, развитию связей между Координационными советами российских общественных организаций соотечественников (КСОРС)⁹ стран Африки и Ближнего Востока. Эти связи направлены на защиту прав соотечественников и продвижение позитивного образа России. В 2013 г. на базе Ассоциации была создана молодежная организация¹⁰.

В Тунисской Республике проживает около 5000 соотечественников. Абсолютное большинство из них — гражданки бывшего СССР и России, вышедшие замуж за тунисцев, получивших образование в советских и российских вузах, а также их дети. Большая часть женщин имеет высшее и среднее образование, и они достойно представляют историческую Родину во всех сферах жизни и деятельности. С 2002 г. при Российском центре науки и культуры (РЦНК) в столице страны активно действует Клуб соотечественников «Жаркий» (Автографы Бизерты..., 2012). Его

цель — поддержание связей с Россией, ознакомление тунисцев с ее историей и культурой, оказание содействия соотечественникам в адаптации к жизни в Тунисе.

В Марокко в настоящее время проживает более 5000 соотечественников, и здесь это, прежде всего, жены марокканских подданных, обучавшихся в советских и российских вузах. Организации соотечественников (их не менее пяти), объединенные КС, регулярно проводят культурные мероприятия, благотворительные акции, которые получают широкое освещение среди жителей страны-реципиента. КС объединяет ассоциации и клубы, действующие в Агадире, Касабланке, Рабате, Танжере и Фесе, то есть в городах наибольшей концентрации выходцев из России и стран СНГ (Сухов, 2019, с. 73). Самой крупной и наиболее активной является Ассоциация русскоговорящих женщин в Марокко «Соотечественницы», которая наладила партнерские отношения с некоторыми зарубежными и российскими общественными организациями. «Соотечественницы» из Марокко вошли в состав инициативного комитета, который ведет работу по организации круглых столов и конференций, реализации международных программ сотрудничества, посвященных актуальным проблемам русского зарубежья. При участии Ассоциации создан виртуальный Альянс русскоязычных женщин «Добродей».

Благодаря позитивному имиджу «русских» муниципальные и неправительственные организации стран региона идут навстречу ассоциациям наших соотечественников. Роль, которую последние играют в общественной и культурной жизни этих стран, получает широкое освещение в местных СМИ. Репортажи об историческом вкладе россиян в развитие Марокко, Туниса, а также о месте наших соотечественников в сегодняшней жизни этих стран появлялись на местных телеканалах. В местной прессе постоянно публикуются статьи о русской культуре и образовании, интервью с соотечественниками и арабами-выпускниками советских/российских вузов (Сухов, 2019, с. 86).

⁸ Координационный совет российских общественных организаций соотечественников в АРЕ // КСОРС. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-региона/египет/ксорс-египта/> (дата обращения: 19.10.2021).

⁹ Координационный союз организаций русских соотечественников (КСОРС) — открытый консультативно-совещательный и информационный орган, создаваемый при посольствах РФ на добровольных началах. Основные цели КСОРС: консолидация российской диаспоры в стране постоянного проживания; координация взаимодействия соотечественников; поддержка соотечественников в процессе адаптации и интеграции, защита их интересов; сохранение русского языка, культуры, духовных ценностей, традиций; развитие диалога культур и сотрудничество с другими организациями, поддерживающими русский язык и культуру и др.

¹⁰ Итоговая Резолюция XI страновой конференции российских соотечественников, проживающих в Алжире (16 ноября 2019 г., Алжир) // КСОРС. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-региона/алжир/ксорс-алжира/> (дата обращения: 19.09.2021).

Доля женщин среди российских соотечественников, эмигрирующих в Южную Африку, также значительно увеличилась за счет брачной эмиграции, пик активности которой пришелся на начало XXI в. (Горелик, 2004, с. 57). Первое формальное объединение выходцев из бывшего СССР появилось в ЮАР в 1998 г. по инициативе посольства России, и в 2003 г. было преобразовано в Координационный Совет российских соотечественников, проживающих в Южной Африке (КСРС ЮАР)¹¹. Его основными направлениями деятельности являются содействие поддержке и развитию российской диаспоры, русского языка и культуры, укреплению связей с исторической родиной, а также содействие защите прав и свобод соотечественников и их реализация.

Даже если в африканских странах КС соотечественников создан совсем недавно, как, например, в 2018 г. в Уганде, его база опять-таки заложена «Ассоциацией русскоговорящих женщин» (последняя объединяет 30 человек). Большинство соотечественников в Республике Конго — жены конголезцев, получивших образование в Советском Союзе и России. Более 7000 ее граждан — выпускники советских и российских вузов. Большинство из них объединены в Ассоциации граждан России и стран СНГ («Амикаль» в Браззавиле и «Союзник» в Пуэнт-Нуаре¹²). В 2012 г. создан КС проживающих в Конго соотечественников. 15 августа 2020 г. здесь состоялась страновая конференция объединений российских соотечественников в Республике Конго. Знаменательно, что мероприятие проведено в день Национального праздника, когда конголезцы и все жители страны отметили

¹¹ Ломтев П. Соотечественники в ЮАР. Вдали от Родины, но все так же едины // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 16.11.2017. URL: <https://vksrs.com/publications/sootchestvenniki-v-yuar-vdali-ot-rodiny-no-vse-tak-zhe-ediny/> (дата обращения: 03.10.2021).

¹² Координационный совет российских соотечественников. Соотечественники в Республике Конго // КСОРС. URL: <https://www.rks-afrika-blijnyvostok.com/страна-региона/конго/ксорс-конго/> (дата обращения: 04.11.2021).

60-ю годовщину освобождения от колониального гнета Франции в 1960 г.¹³

Небольшая, но сплоченная диаспора существует в Камеруне. Основной ее состав — русскоязычные женщины, вышедшие замуж за камерунцев и имеющие активную жизненную позицию. Основная деятельность Ассоциации сосредоточена на взаимной поддержке участников и воспитании детей смешанных семей в духе русской культуры и традиции¹⁴.

Роль православной церкви в жизни русских в Африке

Общественной и культурной жизнью соотечественников в странах Африки занимаются не только светские организации. Символом исторической Родины и одновременно центром духовной и общественной жизни для многих соотечественников является Русская православная церковь и ее храмы, действующие в ряде стран континента.

Православные приходы в Тунисе и Бизерте ведут работу по духовному просвещению соотечественников, организуя мероприятия по случаю православных праздников. Церковно-приходский совет обоих храмов тесно взаимодействует с РЦНК в Тунисе (Махрова, 2008, с. 174; Русская колония в Тунисе, 1920—2000, 2008).

Самым крупным российским общинным центром в ЮАР является храм преподобного Сергия Радонежского, единственная русская церковь в Африке южнее Сахары. Приход учредил и выпускает с 2001 г. русский православный журнал «Вестник», адресованный в первую очередь соотечественникам. При храме действует воскресная русская школа, чле-

¹³ В Республике Конго выбран председатель КСОРС // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 30.06.2021. URL: <https://vksrs.com/news/v-respublike-kongo-pereizbran-predsedatel-ksors/> (дата обращения: 16.10.2021).

¹⁴ Бейненсон А. Член КС Ольга Гоголина: «Россия воспринимается в Камеруне как защитница мира» // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 20.07.2017. URL: <https://vksrs.com/publications/chlen-ks-olga-gogolina-rossiya-vospriimaetsya-v-kamerune-kak-zashchititsa-mira/> (дата обращения: 21.10.2021).

ны прихода ежегодно отмечают не только православные, но и светские праздники, принятые в России (Горелик, 2007, с. 173—174).

Российские общины по мере сил поддерживают сохранность захоронений россиян в странах своего расселения.

«Русская община и православная церковь в Марокко» — одна из старейших организаций соотечественников в этом королевстве. Созданная в 1927 г., она до сих пор остается основой приходской общины Храма Воскресения Христова в Рабате (Сухов, 2019). Здесь, на базе прихода и при содействии посольской школы, молодое поколение смешанных семей получает духовно-нравственное образование и религиозное просвещение.

В Камеруне нет православного храма, но в 2011 г. в этой стране открылась воскресная Школа русского языка¹⁵. Она заметно разнообразила жизнь российских соотечественников, появился «Русский дом» — место, где дети и взрослые могут говорить и слушать русскую речь, приобщаться к русским традициям и культуре.

Общественная и профессиональная активность российских соотечественниц проявляется в разных направлениях. Их гуманитарная миссия не только многообразна, но и чрезвычайно сложна, поскольку в подобном культурно-цивилизационном диалоге участвуют носители разных культур, конфессий, имеющих разные, зачастую несхожие ценностные и мировоззренческие установки. Общей для значительной части российских соотечественниц, постоянно проживающих со своими детьми почти во всех странах Африки, является также нацеленность на гармоничную интеграцию в общество страны проживания для успешной самореализации и в интересах семьи без отказа от собственной идентичности, культурного наследия и лучших традиций русского общества.

¹⁵ Бейненсон А. Член КС Ольга Гоголина: «Россия воспринимается в Камеруне как защитница мира» // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 20.07.2017. URL: <https://vksrs.com/publications/chlen-ks-olga-gogolina-rossiya-vospriimaetsya-v-kamerune-kak-zashchitnitsa-mira/> (дата обращения: 21.10.2021).

«Смешанная семья»: партнерство культур и рынков

Многих соотечественниц, постоянно живущих в Африке, отличает повышенная восприимчивость к идеалам добра, гармоничного бытия, соединяющего в «смешанной семье» столь различные быт и культуру. Вместе с тем не следует забывать, что эти женщины — не только наши соотечественницы. Они — жены африканских граждан, самой судьбой интегрированные в общество со сложнейшей системой общественных, межличностных отношений и связей, регулирующих их возможности и формы самореализации. Поэтому во взаимодействии с этими группами соотечественниц необходимо учитывать, что статус африканской жены может заметно влиять на проявление ее социальной активности, распределенной между домом и общественной организацией.

Афро-русская семья — уникальное в своем роде мини-сообщество, и особенность смешанного афро-русского брака выражается в том, что мужья наших соотечественниц — выпускники советских/российских вузов — также являются инструментом для углубления отношений России с африканским миром.

По мнению отечественного африканиста О.В. Константиновой, поддержка связей с выпускниками советских/российских вузов — это одно из важнейших направлений укрепления российской «мягкой силы», поскольку многие из них сейчас занимают важные посты и должности в родных африканских странах, имеют определенный политический вес и влияние (Константинова, 2020, с. 8). Так, главнокомандующий ВВС Анголы генерал Франшишку Лопеш Гонсалеш Афонсу (военный псевдоним «Анга») — легендарная личность в ангольских вооруженных силах. В начале 1980-х гг. после обучения в летном училище в СССР в лейтенантском звании командовал первой ангольской эскадрильей, освоил несколько типов самолетов, в том числе МиГ-17, МиГ-19, МиГ-21, Су-22М, и более 20 лет возглавляет ВВС Анголы. Главнокомандующим ВВС ЮАР стал и генерал-лейтенант Фабиан Мсиманг, который

в 1986—1991 гг. проходил летную подготовку на вертолетах Ми-8 и Ми-25 в авиационном училище в столице советской Киргизии городе Фрунзе (ныне — Бишкек). Выпускниками Фрунзенской школы пилотов в разные годы становились бывший президент Египта Хосни Мубарак, экс-президент Сирии Хафез Асад, командующий ВВС Мозамбика Ахмед Хусейн (Krylova, 2017). У большинства из них присутствует позитивное отношение к России и ее народу, что может помочь при продвижении российских инициатив и бизнеса на континенте.

Бережное сохранение русского языка на фоне неизбежного билингвизма детей стало стимулом для возникновения в 2000-е гг. большинства перечисленных общественных организаций. В их деятельности участвуют и африканские мужья, которые зачастую поддерживают русскую культуру и русский язык не менее энергично, чем их русскоговорящие жены. Именно эти группы в значительной степени формируют образ «русского» и России на Африканском континенте, становясь благодаря интеграции в семьи и общества этих стран той самой «мягкой силой», на которую ориентируются современные политики (Сухов, 2009).

Опыт предыдущих лет показал, что афро-русская семья обладает значительным потенциалом для налаживания необходимых контактов и взаимовыгодных экономических и культурных отношений между Россией и странами Африки. Эти семьи могут стать реальной опорой в выстраивании отношений между нашими странами, образцами положительного образа России, доброжелательного, экономически и политически конструктивного отношения к стране, в которой мужья-африканцы получили образование, благодаря чему в большинстве своем смогли войти в общественную элиту, заняв ведущие посты и должности в самых разных областях политики, экономики и культуры своей страны. Многие возвратившиеся из СССР и возвращающиеся сегодня из России африканцы рассчитывают продолжать и расширять сложившиеся во время их учебы контакты и деловые связи. Известную роль в организации

этих отношений способны сыграть и их русские жены, знакомые с особенностями и психологией рынка своей родины и овладевающие спецификой экономических и межличностных отношений в стране нынешнего проживания, способные разнопланово использовать связи с отчизной (Крылова, 2006, с. 395—399).

Русские жены африканцев проводят сборы средств на сооружение памятников на своей Родине, ликвидацию последствий экологических катастроф и землетрясений, высылают медикаменты детям (например, во время землетрясения в Армении в 1988 г.). Женщины участвуют в работе на общественных началах студентами в российских павильонах на выставках, подключаются к обслуживанию российских делегаций в консульских округах. Наши соотечественницы активно проявляют себя на местах как профессионалы. В основном это медицинские работники, учителя, инженеры, геодезисты, экономисты — то есть специалисты, представляющие интерес для экономики современных африканских стран. Они преподают в местных университетах, школах и колледжах, закладывают национальные парки, проявляют себя в гуманитарной сфере, работая в учебных заведениях, связанных с культурой и искусством. Так, одна из россиянок, продолжительное время живущих в Республике Кот-д'Ивуар, представляла эту страну на двух международных конгрессах, участвовала во многих стажировках и семинарах, организованных международными организациями. За ее авторством вышла шеститомная Национальная библиография Республики Кот-д'Ивуар (Ayé-Pimanova, 1982).

Русско-африканские смешанные семьи по многим параметрам могут рассматриваться как реальные потенциальные посредники двух обществ, двух культур, двух рынков. Прекрасным примером подобного диалога могут служить инициативы Ассоциации «Русский деловой центр» в Камеруне, которая была создана в 2014 г. при поддержке посольства РФ для того, чтобы развивать экономические и гуманитарные проекты между двумя

странами¹⁶. Ее члены работают с камерунскими предпринимателями на форумах в России, оказывают помощь в поиске партнеров, проведении переговоров, работают с российскими компаниями, которые приезжают в Камерун на профильные выставки или планируют проводить переговоры. Параллельно Ассоциация занимается гуманитарными проектами, сотрудничеством с университетами Камеруна. Уже открыты курсы русского языка в Университете международных отношений Камеруна. «Интерес к русскому языку связан с тем, что в Камеруне очень популярна внешняя политика Российской Федерации, особенно в свете сирийских событий... И роль России вполне ясна — она воспринимается как защитник этих стран, несмотря на то что западные каналы дают совсем другую информацию. Но как раз местные африканские каналы разъясняют политику России»¹⁷.

Выступая в 2016 г. в Общественной палате (ОП) РФ на круглом столе «Российские соотечественники, проживающие в Камеруне: деловое сотрудничество и общественная дипломатия», О. Гоголина, президент Ассоциации «Русский деловой центр», рассказала о возможностях для российского бизнеса в Камеруне, подкрепив свои слова конкретными экономическими проектами, в которых местные власти ожидают активного участия России. Среди них она выделила возможность эксплуатации месторождений никеля и кобальта, участие в строительстве деревообрабатывающих предприятий, производстве и экспорте какао-бобов, а также возведении инфраструктуры нового морского порта¹⁸.

¹⁶ Бейненсон А. Член КС Ольга Гоголина: «Россия воспринимается в Камеруне как защитница мира» // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 20.07.2017. URL: <https://vksrs.com/publications/chlen-ks-olga-gogolina-rossiya-vosprinimaetsya-v-kamerune-kak-zashchitnitsa-mira/> (дата обращения: 21.10.2021).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ломтев П. Россия и Камерун развивают двустороннее сотрудничество // *Международная жизнь*. 14.10.2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/16151> (дата обращения: 19.05.2021).

Россия — Африка: новые подходы к партнерству с диаспорой

Процессы глобальной трансформации не могут не влиять на степень общественной активности соотечественников, и эти реалии требуют новых подходов к выстраиванию их отношений с родиной. Об этом много и конструктивно говорилось на международных и отечественных академических площадках и общественно-политических форумах России и стран Африканского континента. Состоявшийся в октябре 2019 г. в Сочи первый Форум «Россия — Африка» открыл новую эпоху во взаимодействии между РФ и африканскими государствами, оживил тот богатый опыт международного сотрудничества, который создали общими усилиями отечественные государственные и общественные институты в XX в.

В этом плане нельзя не отметить важность включения в Конституцию России поправки, касающейся соотечественников, проживающих за рубежом¹⁹. Ее принятие, как подчеркнул в своем выступлении на VII Всемирном Конгрессе соотечественников 15 октября 2021 г. председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом, М. Дроздов, откроет новое «окно возможностей» для перезапуска многих процессов, связанных с взаимодействием России с соотечественниками, даст зеленый свет для реализации свежих инициатив, связанных с этой работой²⁰.

Годом позже в Указе Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении

¹⁹ «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» (п. 3. ст. 69). См.: Статья 69 // Конституция Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10103000/e3b4936b9aad06dabb2a6618c97197da/> (дата обращения: 19.05.2021).

²⁰ Дроздов М. Процессы глобальной трансформации влияют на движение соотечественников // Институт Русского Зарубежья. URL: <https://ruskie.org/articles/protsessy-globalnoy-transformatsii-vliyayut-na-dvizhenie-sootchestvennikov/> (дата обращения: 05.05.2022).

Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» вновь подчеркивается, что в осуществлении гуманитарной политики РФ за рубежом оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, является одной из приоритетных задач. «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» (п. 62)²¹. При этом «значительной остается роль организаций соотечественников, проживающих за рубежом, в популяризации русского языка, культуры и науки, в развитии двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере и межкультурного диалога» (п. 64)²². «Важной составляющей является также взаимодействие с выпускниками российских образовательных организаций высшего образования — гражданами иностранных государств, которые составляют политическую и интеллектуальную элиту этих государств» (п. 45)²³.

Все эти знаковые документы свидетельствуют о необходимости расширения масштабов работы с соотечественниками, составляющими сегодня «Русский мир», о важности этого сегмента в деле укрепления политико-экономических и культурных связей между Россией и странами Африки.

При этом поиск наиболее эффективных форм построения работы с соотечественниками, постоянно проживающими за пределами своей исторической родины, обязывает российскую сторону учитывать их совокупную специфику — как де-юре, так и де-факто, поскольку эти группы женщин заметно отличаются своеобразием гражданского и социального статусов, объективно сужающих возможности борьбы за свои интересы.

Социокультурное пограничье, в котором находятся группы русскоязычных женщин,

постоянно живущих вне исторической родины, порождает рост творческого потенциала в различных сферах — социальной, культурной, информационной. Поэтому в условиях длительного пребывания в иноязычной среде особое значение приобретает тщательно продуманная культурно-информационная политика, которую может и должна осуществлять историческая родина наших соотечественниц в лице своих представительств на местах: это деятельность русскоязычных СМИ, национальные праздники России, которые отмечаются внутри объединений соотечественников, а также праздники межнационального и международного уровней, деятельность русских театров и других творческих коллективов, прозаическое и поэтическое творчество представителей диаспор и их выход на уровень международных контактов и мероприятий и т. п.

Бесспорно, Россия «возвращается» в страны Африки и считает ее одним из своих перспективных партнеров в мире. В свою очередь, Россию в Африке не только любят, верят в нее, но и ждут от нее реального сотрудничества в новых формах и масштабах, диктуемых временем.

В то же время итоги работы ряда страновых, региональных и международных мероприятий показывают, что сравнение с интенсивной и регулярной работой по сохранению и продвижению русского языка и культуры, которая ведется нашей страной по всем направлениям в Европе, очевидно не в пользу ситуации в странах Африканского континента, где наши соотечественники, особенно их второе и третье поколения, незаслуженно обойдены. Так, внедрение в 2015 г. программы «Русская школа за рубежом»²⁴, разработанной МИД России и Россотрудничеством, структурой, непосредственно занятой проблемами соотечественников за рубежом и имеющей свои представительства лишь

²¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России. 05.09.2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTaEA16OU.pdf> (дата обращения: 06.09.2022).

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Владимир Путин утвердил концепцию «Русская школа за рубежом» // Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. 09.11.2015. URL: <https://vksrs.com/news/vladimir-putin-utverdil-kontseptsiyu-russkaya-shkola-za-rubezhom/> (дата обращения: 21.09.2021).

в 10 государствах Африки²⁵, сложно назвать эффективным применительно к этим группам соотечественников. Во многих случаях личные инициативы последних реализуются на собственном энтузиазме, поскольку зачастую лишены поддержки «центра».

²⁵ Российские центры науки и культуры (РЦНК) сегодня действуют в Каире и Александрии (АРЕ), Эфиопии, Танзании, Марокко, Тунисе, ЮАР, Республике Конго. В 2022 г. также открылись русские дома в Судане, Мали, Алжире и еще один в Египте. На очереди Ангола и второй центр в столице Мали. См.: Россотрудничество сообщило о расширении присутствия в Африке // Известия. 07.11.2022. URL: <https://iz.ru/1421584/2022-11-07/rossotrudnichestvo-soobshchilo-o-rasshirenii-prisutstviia-v-afrike> (дата обращения: 08.11.2022).

Не подвергая сомнению обширную деятельность многих отечественных организаций, работающих с соотечественниками, проживающими за рубежом, в том числе в Африке, их несомненный и непререкаемый авторитет, перечисленные факторы предполагают проведение целенаправленной политики (прежде всего с гендерной точки зрения) оказания более интенсивной и разнообразной информационной и организационной поддержки этим объединениям в континентальном масштабе и укрепления их взаимодействия с российской стороной. Все это требует высокой степени координации и оптимизации государственных, общественных и академических усилий.

Поступила в редакцию / Received: 23.12.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 08.08.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления / сост. Т. В. Акулова-Конецкая. Москва : Арт-Волхонка, 2012.
- Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России / под ред. С. А. Караганова. Москва : Международные отношения, 2021.
- Горелик Б. М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. Москва : Институт Африки РАН, 2007.
- Горелик Б. М. Русская диаспора Африки. Ассимиляция или адаптация? // Азия и Африка сегодня. 2004. № 5. С. 57—61.
- Константинова О. В. Перспективы развития российско-африканского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 3 (52). С. 5—14. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2020-52-3-5-14>
- Крылова Н. Л. «Русские африканки» в XX столетии. Семья. Судьба. Отчизна. Москва : Институт Африки РАН, 2018.
- Крылова Н. Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. Москва : РОССПЭН, 2006.
- Крылова Н. Л. Женские объединения в Африке как форма политико-экономического и социокультурного самовыражения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 210—217.
- Крылова Н. Л. Советская жена африканца (портрет эпохи «холодной войны») // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 4 (49). С. 127—140. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2019-49-4-127-140>
- Ларюэль М. Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния // Записки Ифри. *Russie.NEI.Visions*. 2021. № 122. С. 1—30. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf (дата обращения: 12.03.2022)
- Махрова Г. А. Русские церкви в Тунисе // Русская колония в Тунисе, 1920—2000 / сост. К. В. Махров. Москва : Русский путь, 2008. С. 172—175.
- Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. — 1960 г. : в 2 т. Т. 2: 1918—1960 / под ред. А. Б. Давидсона, С. В. Мазова. Москва : Институт всеобщей истории РАН, 1999.
- Русская колония в Тунисе, 1920—2000 / сост. К. В. Махров. Москва : Русский путь, 2008.
- Сухов Н. В. Из России в Марокко с женой и дипломом (взгляд практика) // Африканцы в России: образование, брак, семья / отв. ред. В. В. Грибанова. Москва: Институт Африки РАН, 2009. С. 105—112.
- Сухов Н. В. История русской эмиграции в Марокко в XX веке. Москва : Институт востоковедения РАН, 2019.

- Сухова Е. Е., Сухов Н. В. Биографический словарь русской эмиграции в Марокко в XX веке. Москва : Институт востоковедения РАН, 2019.
- Ayé-Pimanova T. Bibliographie de la Côte d'Ivoire. [5], 1 : Sciences de l'homme, exceptée l'économie, 1970—1982. Abidjan : Université d'Abidjan, 1982.
- Clifford C., Gruzd S. Russian and African Media: Exercising Soft Power // South African Institute of International Affairs Policy Insights. 2022. No. 125. P. 1—18.
- Krylova N. L. Le centre Pervalnoe et la formation de militaires en Union Soviétique // Cahiers d'Etudes Africaines. 2017. No. 226. P. 399—417.
- Kulkova O. Russian “Soft Power” in the North-East Africa // Politics and Religion Journal. 2021. Vol. 15, no. 1. P. 105—130. URL: <http://politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/article/view/213/239> (accessed: 12.10.2022).
- Limonier K., Laruelle M. Russia's African Toolkit: Digital Influence and Entrepreneurs of Influence // Orbis. 2021. Vol. 65, no. 3. P. 403—419. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2021.06.005>
- Pichon E., Russell M. Russia in Africa: A New Arena for Geopolitical Competition // EPRS: European Parliamentary Research Service Report. 2019. P. 1—12.
- Rutland P., Kazantsev A. The Limits of Russia's ‘Soft Power’ // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9, no. 3. P. 395—413. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2016.1232287>
- Trunkos J. Comparing Russian, Chinese and American Soft Power Use: A New Approach // Global Society. 2021. Vol. 35, no. 3. P. 395—418. <https://doi.org/10.1080/13600826.2020.1848809>
- Wilson J. L. Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct // Politics. 2015. Vol. 35, no. 3—4. P. 287—300. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12095>

Сведения об авторах: Крылова Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-3788-0887; e-mail: krylovanl@yandex.ru
Кулькова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-3953-8938; e-mail: kulkova-olga@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754

Научная статья / Research article

Дискурсы «европейскости» в практике предоставления убежища в ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

О.А. Моргунова , Н.-Ф. Морару

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 o_morgunova@hotmail.com

Аннотация. Исследуется влияние этнорасовых факторов на восприятие беженцев и практику предоставления убежища в контексте европейского постколониализма. С опорой на дискурсивно-исторический подход авторы анализируют общественный дискурс «Европа для европейцев» с отсылкой к миграционному кризису 2015—2016 гг., гуманитарной катастрофе на польско-белорусской границе в 2021 г. и наплыву вынужденных мигрантов в поисках убежища весной 2022 г. Показано, как в европейских странах этнорасовые маркеры беженцев во многом определяют отношение к ним и их «праву» на убежище. Рассмотренные в ходе исследования дискурсивные практики ставят под сомнение одно из представлений о «европейскости», а именно Европу как воплощение передовой политической этики, поскольку европейский политический дискурс позиционирует беженца из Ближнего Востока и Северной Африки как «чужого» «неевропейца», тем самым нормализуя угрозы жизни в якобы «нецивилизованных» частях мира, что в конечном итоге влияет на сам процесс предоставления убежища. Проблематизация предоставления убежища позволяет перенести дискурсивно-исторический анализ в международную сферу, где сталкиваются различные национальные модели и культурные контексты. В конечном счете дискурсивные практики так или иначе влияют на соответствующие политические решения. Эволюция концепции убежища в постколониальном контексте рассматривается в связи с идеологией «европейства», которая в настоящее время находится в процессе формирования. Хотя представления о «европейскости» существенно изменились, в науке о международных отношениях вряд ли можно найти системное исследование всего диапазона концептуальных значений этого дискурсивного объекта. «Европейскость» интерпретируется либо как набор желаемых социальных идеалов и ценностей, либо в редуцированном ключе как качество, связанное исключительно с европейскими институтами в их нынешнем виде. Обе трактовки влияют на характер дискурса о природе «Европы» и «европейскости» в постколониальном мире.

Ключевые слова: европейскость, беженцы, Европа, постколониальные исследования, политический дискурс, этничность, раса, предоставление убежища

Для цитирования: Моргунова О. А., Морару Н.-Ф. Дискурсы «европейскости» в практике предоставления убежища в постколониальном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 741—754. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754>

Discourses of “Europeanness” in Asylum Practices in the Postcolonial Context

Oksana A. Morgunova , Nicoleta-Florina Moraru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
 o_morgunova@hotmail.com

Abstract. This article examines the impact of ethno-racial factors on perceptions of refugees and asylum practices in the European postcolonial context. Using Discourse-Historical Approach (DHA) the authors analyse “Europe for Europeans” public discourse against the backdrop of the 2015—2016 migration crisis, the humanitarian disaster on the Polish-Belarusian border in 2021 and asylum seekers’ influx in spring 2022. The study shows that attitudes to refugees and their “right” to asylum in a European country are impacted by ethno-racial markers of applicants. Such discursive practices call into question one of the understandings of Europeanness, namely Europe as the embodiment of advanced political ethics, since European political discourse has recently positioned a refugee from the Middle East and North Africa as an “alien” “non-European,” thus normalizing threats to human life in allegedly “uncivilized” parts of the world. This normalization is consequently affecting the decision making in asylum process. The problematization of discursive aspects of asylum allows us to expand DHA to the international sphere, where different national models and cultural contexts collide, allowing us to talk about the influence of discursive practices on the political decisions in international relations. The evolution of the concept of asylum in the postcolonial context is considered in connection with the ideology of Europeanism, which is currently in the process of formation. Although ideas about Europeanness have undergone major transformations, this study shows that a systematic study of the entire range of conceptual meanings of this discursive object has not yet been carried out. Thus, Europeanness is either interpreted as a set of desired social ideals and values, or, reductively, as a quality associated exclusively with European institutions in their current form. Both interfere with the postcolonial debate about the nature of “Europe” and “Europeanness” in the postcolonial world.

Key words: Europeanism, refugees, Europe, postcolonial studies, political discourse, ethnicity, race, asylum

For citation: Morgunova, O. A., & Moraru, N.-F. (2022). Discourses of “Europeanness” in asylum practices in the postcolonial context. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 741—754. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754>

Введение

Статья под заголовком «Европа заново открыла для себя сострадание к беженцам, но только если они белые»¹, вышедшая в марте 2022 г. в британской газете «Гардиан», вновь подняла тему о роли этничности и расы в принятии решения о предоставлении убежища. Этот вопрос уже обсуждался несколько лет назад. В различных случаях — при пересечении границы ищущими убежище, подаче заявления, а также разработке национальных и региональных программ предоставления убежища примеры такого избирательного отношения к беженцам свидетельствуют о том, что современная практика предоставления

убежища основана не только на конкретных пунктах международных конвенций, но и испытывает влияние колониального дискурса.

Задача данной статьи — рассмотреть, как на современном этапе в европейском постколониальном контексте формируется образ беженца и какое влияние на этот образ оказывают этнорасовые факторы. В первой части работы будут приведены примеры публичного дискурса, в которых разные возможности и разное отношение к просителям убежища увязывается с их этнорасовой принадлежностью. Во второй части мы проанализируем процесс эволюции концепции убежища в постколониальном контексте, а также выявим влияние возникновения государства всеобщего благосостояния в Западной Европе и США на этот процесс. В заключительной части будут рассмотрены тенденции развития концепции убежища в контексте формирующейся в настоящее время идеологии европейства.

¹ Howden D. Europe Has Rediscovered Compassion for Refugees — But Only If They’re White // *The Guardian*. March 10, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/commentisfree/2022/mar/10/europe-compassion-refugees-white-european> (accessed: 27.07.2022).

«Европа для европейцев» — дискурсы цвета и расы в процессе пересечения границ

Пересечение границ и предоставление возможности находиться на территории иной страны — процессы, находящиеся под политическим и полицейским контролем любого государства. Однако политическая непредвзятость в вопросах предоставления убежища является мифом, о котором многократно писали различные исследователи, указывая на политизацию решений как на этапе оценки обращения, так и в суде (см., напр.: (Martén, 2015)). В то же время ряд авторов обвиняют «авторитарные режимы» в использовании мигрантов в качестве политического оружия (Jennequin, 2020), в результате чего беженцы становятся объектами дегуманизации и деперсонализации, играя роль политического инструмента. Таким образом, сегодня политизация практик принятия миграционных решений и предоставления убежища является общеизвестным фактом.

Данная статья посвящена менее изученному аспекту предоставления убежища беженцам — этнорасовой предвзятости. Отчеты очевидцев, размещенные на посвященном предоставлению убежища и беженцам интернет-ресурсе², указывают на дискриминационное поведение со стороны некоторых белых жителей европейских стран по отношению к беженцам с другим цветом кожи. Подобные прецеденты имели место во время миграционного кризиса 2015—2016 гг. (Потемкина, 2016, с. 39; Жаркова, Кузнецова, 2018, с. 116—118), гуманитарной катастрофы на границе Польши и Беларуси в 2021 г., а также в ходе столкновений на границе Польши и Украины весной 2022 г. В этой связи целесообразно проанализировать публичный дискурс предоставления убежища на примере более поздних событий, а затем сопоставить результаты анализа с более ранними прецедентами.

Весной 2022 г. живущие на Украине выходцы из африканских и арабских стран

² Informing Humanitarians Worldwide 24/7 // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. URL: reliefweb.int (accessed: 27.07.2022).

рассказали о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться на польской границе³. Они были вынуждены часами ждать своей очереди, пропуская вперед «коренных жителей», а некоторым из мигрантов, особенно с темной кожей, было отказано во въезде без видимой причины, и они застряли на границе. Проявления ксенофобии, в том числе в высказываниях журналистов, были настолько многочисленными, что Африканский союз опубликовал следующее заявление: «Все люди, пересекающие международные границы во время конфликта, должны пользоваться одинаковым правом на переход в безопасное место, независимо от национальности или расовой принадлежности беженцев»⁴.

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) признало факт дискриминации беженцев по цвету кожи по отношению к гражданам третьих стран, пытавшимся попасть на территорию Польши, и в специальном сообщении в Twitter призвало оказывать поддержку беженцам вне зависимости от расы и цвета кожи⁵. Ассоциация арабских и ближневосточных журналистов также выступила с заявлением, осудив репортажи своих коллег, в которых создавался дискриминирующий образ мигрантов, а конфликты в странах «третьего мира» фактически признавались нормой в отличие от

³ См.: Ukraine: UN Experts Concerned by Reports of Discrimination against People of African Descent at Border // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. March 3, 2022. URL: <https://reliefweb.int/report/ukraine/ukraine-un-experts-concerned-reports-discrimination-against-people-african-descent> (accessed: 27.07.2022); Ukraine: Unequal Treatment for Foreigners Attempting to Flee // Human Rights Watch. March 4, 2022. URL: <https://www.hrw.org/news/2022/03/04/ukraine-unequal-treatment-foreigners-attempting-flee> (accessed: 27.07.2022).

⁴ Statement of the African Union on the Reported Ill Treatment of Africans Trying to Leave Ukraine // African Union. February 28, 2022. URL: <https://au.int/sites/default/files/pressreleases/41534-pr-english.pdf> (accessed: 27.07.2022).

⁵ UNHCR, the UN Refugee Agency // Twitter. February 27, 2022. URL: <https://twitter.com/Refugees/status/1498042002633596930?s=20&t=m8cIOaSVaT3HCobCIvXyg> (accessed: 27.07.2022).

происходящего на территории Украины⁶. В свою очередь, в индийской телепрограмме *Gravitas* прозвучало обвинение в адрес западных СМИ, транслирующих идеи «белого превосходства», когда в репортажах о предоставлении убежища поднимались вопросы расы и цвета кожи⁷.

Ситуация усугубилась также на фоне активации Директивы о временной защите (ДВЗ) 2001 г.⁸ Этот инструмент был разработан после завершения активной фазы конфликтов на территории бывшей Югославии. В случае его активации предусматривается предоставление временного убежища и доступа к рынку труда без процедуры индивидуального рассмотрения обращения на предоставление статуса беженца. Однако этот механизм не был задействован для предоставления убежища тем, кто уезжал из зоны боевых действий в Сирии или Афганистане. Впервые Директива была применена в отношении украинских беженцев в марте 2022 г.⁹

Российский исследователь О.Ю. Потемкина отмечает, что «министрам оказалось значительно труднее достигнуть согласия относительно статуса граждан третьих стран, бежавших с Украины в Евросоюз. Некоторые государства, прежде всего Польша, настаива-

ли на применении временной защиты лишь к людям с украинскими паспортами. Председательствующей Франции удалось привести Совет к компромиссу, в соответствии с которым граждане третьих стран получили возможность претендовать на национальную, но не на европейскую временную защиту» (Потемкина, 2022, с. 10). Директор Регионального офиса Евросоюза в Международной организации по миграции Эудженио Амбрози прокомментировал ситуацию следующим образом: «Спустя 20 лет после принятия ДВЗ она была применена на практике, но распространяется только на граждан Украины, спасающихся от войны, но не распространяется на граждан любого другого государства, спасающихся от той же войны». Он также отдельно отметил сложное положение африканских студентов, обучающихся на Украине, но не подпадающих под действие ДВЗ¹⁰.

В этой связи наиболее яркие примеры «неполиткорректных» репортажей журналистов, затрагивающих тему расы, происхождения и этничности, необходимо рассматривать не как отдельные высказывания, а как часть общественного дискурса, одновременно отражающего состояние публичной сферы и формирующего наши представления о ней.

В статье используется метод историко-дискурсивного анализа, в рамках которого ценности, транслируемые дискурсом, рассматриваются как конвенциональные модели. Дискурсивно-исторический подход (Discourse-Historical Approach, ДИА), разработанный Рут Водак, направлен на поиск смыслов, определяющих «внутреннюю логику любой организации, постоянно действующую и управляемую определенными моделями и ритуалами» (Wodak, 2009, p. 16). С помощью данного метода можно проследить, каким образом индивидуальные социальные представления встраиваются в общественные практики. Для достижения этой цели изучается текстовый материал, проводится анализ

⁶ Journalists' Body Warns of Racism, Biases in Western Media Coverage of Ukraine // The Wire. March 1, 2022. URL: <https://thewire.in/media/ameja-ukraine-crisis-racism-bias-western-media> (accessed: 27.07.2022).

⁷ Gravitas: Western Media's Racist Reportage on Ukrainian Refugees // WION YouTube Channel. February 28, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KBRwmTVVKQk> (accessed: 28.07.2022).

⁸ Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001 on Minimum Standards for Giving Temporary Protection in the Event of a Mass Influx of Displaced Persons and on Measures Promoting a Balance of Efforts Between Member States in Receiving Such Persons and Bearing the Consequences Thereof // EUR-Lex. July 20, 2001. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32001L0055> (accessed: 27.07.2022).

⁹ Council Implementing Decision (EU) 2022/382 of 4 March 2022 Establishing the Existence of a Mass Influx of Displaced Persons from Ukraine Within the Meaning of Article 5 of Directive 2001/55/EC, and Having the Effect of Introducing Temporary Protection // EUR-Lex. March 04, 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022D0382> (accessed: 27.07.2022).

¹⁰ Eugenio Ambrosi at the "Externalizing EU Migration Management Policies" Conference [17:04—17:46] // Migration Policy Center YouTube Channel. October 20, 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bwYQQWTtvbE&list=LL&index=4> (accessed: 18.11.2022).

символов и дискурсивных стратегий, публичных и «кулуарных» дискурсивных практик, выступления политиков, инициированные масс-медиа политические сюжеты и т. д.

Исходя из того, что «реализация политики базируется на обширном культурном контексте, определяемом национальными традициями и политическими системами, моделями и ценностями национального и профессионального общения» (Wodak, 2009, p. 26), Р. Водак предлагает рассматривать взаимодействие политического и медийного в процессе конструирования образа политической реальности. Применение этого метода в проблематизации предоставления убежища переносит дискурсивно-исторический анализ в международную сферу, где сталкиваются различные национальные модели и культурные контексты, позволяя говорить о влиянии дискурсивных практик на принятие внешнеполитических решений.

Рассмотрим некоторые дискурсивные модели, которые с февраля 2022 г. сопровождали процессы пересечения границ с целью получения убежища, и выделим особенности освещения этих процессов в СМИ.

Весной 2022 г. Келли Кобиэлл, корреспондент американского канала NBC News, заявила в прямом эфире: «Это не беженцы из Сирии, это беженцы из Украины... Они христиане, они белые и очень похожи [на нас]»¹¹. Ее коллега, корреспондент американского канала CBS News Чарльз д'Агата, находившийся в Киеве в феврале 2022 г., также в прямом репортаже заявил: «При всем уважении, это не место, подобное Ираку или Афганистану, где бушуют конфликты на протяжении десятилетий. Это относительно цивилизованный, относительно европейский город»¹².

Петер Добби, ведущий «Аль-Джазиры», предложил посмотреть, как одеты беженцы: «Это обеспеченные люди среднего достатка. Это явно не беженцы, пытающиеся убежать с Ближнего Востока или Северной Африки.

Они похожи на любую европейскую семью, с которой вы могли жить по соседству»¹³.

Корреспондент французского канала BFM TV в Киеве заметил: «Мы в XXI веке, мы в европейском городе, а у нас крылатые ракеты, как будто мы в Ираке или Афганистане, представляете!?»¹⁴. В другом репортаже этого же канала можно обнаружить следующее: «Это важный вопрос. Мы не говорим здесь о бегущих сирийцах... Речь идет о европейцах»¹⁵.

Британский канал ITV News следующим образом прокомментировал происходящие на Украине события: «Случилось немыслимое. Это не развивающаяся страна “третьего мира”, это Европа»¹⁶.

Подобные эмоциональные высказывания содержались не только в репортажах с мест событий, но и в газетных статьях. Daily Telegraph опубликовала статью Дэниела Ханнана, в которой утверждалось, что «на этот раз война — это неправильно, потому что люди похожи на нас и имеют аккаунты в Instagram¹⁷ и Netflix. Это уже не бедная, отдаленная страна»¹⁸. Схожие заявления звучали и из уст официальных лиц. Например, премьер-министр Болгарии в 2021—2022 гг. Кирилл Петков заявил: «Эти интеллигентные люди, они образованные... Это не та волна беженцев, в отношении которых мы не были уверены, людей с неясным прошлым,

¹³ Al-Jazeera // Twitter. February 27, 2022. URL: <https://twitter.com/AlanRMacLeod/status/1497976546170216448> (accessed: 27.07.2021).

¹⁴ BFM TV (France) // Twitter. February 27, 2022. URL: <https://twitter.com/AlanRMacLeod/status/1497977015663796229> (accessed: 27.07.2022).

¹⁵ BFM TV (France) // Twitter. February 27, 2022. URL: <https://twitter.com/AlanRMacLeod/status/1497984372414156800> (accessed: 27.07.2022).

¹⁶ ITV (UK) // Twitter. February 27, 2022. URL: <https://twitter.com/AlanRMacLeod/status/1497981855764824065> (accessed: 27.07.2022).

¹⁷ 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

¹⁸ The Daily Telegraph // Twitter. February 27, 2022. URL: <https://twitter.com/AlanRMacLeod/status/1497979340381990912> (accessed: 27.07.2022).

¹¹ Western Coverage of Ukraine Exposes Deep-Seated Racist Bias, Double Standards // China Daily. March 17, 2022. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202203/17/WS6232d578a310fd2b29e5187f.html> (accessed: 28.07.2022).

¹² Ibid.

которые могли быть даже террористами»¹⁹. В студии ВВС Давид Сакварелидзе, в 2015—2016 гг. занимавший пост заместителя генерального прокурора Украины, отметил: «Для меня это очень эмоционально, потому что я вижу, как убивают голубоглазых и светловолосых европейцев»²⁰.

Таким образом, очевидно, что эмоциональная реакция в приведенных выше примерах вызвана не страхом за жизни людей, а европейской внешностью беженцев, которые так не похожи на «типичного беженца», многократно демонстрируемого в СМИ за последние несколько лет.

В этой связи необходимо рассмотреть понятие «дискурсивного отсутствия» (*silences of the discourse*), предложенного М. Фуко. В свете данного исследования под «дискурсивным отсутствием» подразумеваются категории возраста и пола, которые традиционно упоминаются в репортажах о беженцах. Так, страдания детей демонстрировались для усиления эмоционального эффекта от репортажей, вызывали сочувствие аудитории в период миграционного кризиса 2015—2016 гг. Однако в 2022 г. ситуация изменилась — теперь сочувствие должен был вызывать тот факт, что беженцы имеют белый цвет кожи. Однако мы не склонны обвинять авторов отдельных высказываний в примитивном расизме. Напротив, подобные высказывания порождают необходимость проведения комплексного анализа процесса создания дискурсивного объекта «мигрант и беженец», в котором цвет кожи может играть роль социального или политического маркера.

Действительно, в современной академической литературе вопросам цвета кожи, точнее «белизны» (*whiteness*) и ее восприятию, вновь начали уделять значительное внимание.

¹⁹ Bulgaria Takes First Steps to Welcome Those Fleeing Ukraine // European Commission. March 10, 2022. URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/bulgaria-takes-first-steps-welcome-those-fleeing-ukraine_en (accessed: 28.07.2022).

²⁰ Makura M. Media Coverage of Ukraine Shows It's Time to Rethink What We Know about Africa // CNN. March 4, 2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/03/03/opinions/racist-media-coverage-ukraine-africa-makura-lgs-intl/index.html> (accessed: 28.07.2022).

Ряд работ, основанных на эмпирическом материале, показывает, как постколониальные дискурсы сочетаются с современными миграционными практиками. Так, в статье, посвященной иммиграции исландцев в Норвегию, утверждается, что «термин “мигрант” приобретает расовый характер и в повседневном понимании, так как люди, чье происхождение указывает на “третий мир”, воспринимаются как носители иных ценностей» (Guðjónsdóttir & Loftsdóttir, 2017, p. 800). Это наблюдение возвращает нас к работам Э. Саида, в частности его работе «Ориентализм» (Said, 1994), в которой показано, какое влияние на социальные и политические процессы имеет закрепленная в языке и культуре европоцентричная картина мира, сконструированная белым человеком.

В контексте постколониальной теории «белизна» (*whiteness*) описана как культурно-историческая концепция, сохраняющаяся в публичном дискурсе со времен европейского колониализма. В постколониальных теориях подчеркивается актуальность данного концепта и в современных реалиях (см.: (Gilroy, 1993; 2000)). По мнению Нирвал Пувар, при обсуждении социальных привилегий и гендерного равноправия скрытые привилегии белого человека по-прежнему остаются неотрефлексированными. Она отмечает, что «белизна» выступает в качестве «онтологического отрицания» (*ontological denial*) (Puwar, 2004, p. 131).

Барбара Самалук, изучая проблему белых мигрантов из Словении и Польши на рынке труда в Великобритании, отметила, что сам факт отбора и принятия стран в члены ЕС в ходе его расширения можно считать проявлением постколониальной ментальности. Исследователь полагает, что этот процесс подчеркивал привилегии и особый статус, которые давала странам «европейскость», ассоциируемая у лиц, принимающих решения внутри ЕС, с той самой «белизной» (Samaluk, 2014).

В последнее время все чаще появляются исследования, посвященные «деконструированию» категории «белизны» и ее рассмотрению как сложного дискурсивного объекта, в котором цвет кожи маркирует социальные,

культурные и религиозные составляющие. В подобных работах образ высококвалифицированного и привилегированного белого человека также деконструируется в контексте миграционных процессов, тема «белизны» рассматривается «интерсекционально» (*intercsectionally*), с акцентом на ее социальные и культурные параметры, а также с включением транснациональной перспективы. В частности, на примере исследования, посвященного белым европейским мигрантам в Японии (Debnár, 2016), можно проследить, как транснациональный контекст, а именно сам факт размещения белого меньшинства в высокоразвитой незападной стране, ставит под сомнение воспринимаемые как данность представления о «белизне» как предикате цивилизации, успешности, а значит, и привилегий, связанных со «статусом белого человека».

В других исследованиях показано, что сами белые мигранты, с одной стороны, выступают в качестве объектов расового дискурса принимающего общества, а с другой — активно используют расовые категории в собственном определении «Другого». Так, Дарья Кривонос, изучая молодых мигрантов постсоветского происхождения в Финляндии, пришла к выводу, что «русскоязычные молодые люди в Финляндии позиционируются как “другие” с расовой точки зрения, и при этом сами используют расовый дискурс в отношении Других» (Krivonos, 2018, p. 1145).

Изучение нескольких национальных групп мигрантов продемонстрировало, что для них самих «белизна» может определять символическую принадлежность к нации — либо своей по рождению, либо титульной нации принимающей страны. Таким образом, мигранты пытаются избежать или психологически снизить дискриминацию по отношению к ним. Так, авторский коллектив в составе Джона Фокса, Лауры Морошану и Эстер Силасси отмечает, что мигранты — выходцы из стран Восточной Европы — «претендуют на более высокий расовый статус, ссылаясь и подчеркивая свою фенотипическую и культурную принадлежность к белым европейцам... основанную на отрицании дискриминации, которая позволяет им предьявлять и

защищать свои претензии на более высокий статус» (Fox, Moroşanu & Szilassy, 2015, p. 731).

Таким образом, упоминания о белых, голубоглазых и светловолосых беженцах, приведенные выше, необходимо рассматривать не упрощенно, как атавизмы расизма (хотя, безусловно, они должны быть осуждены в этом качестве), а как результат существования некоего дискурсивного объекта. Этот объект можно назвать европейскостью, которая оказывает существенное слияние на миграционную политику в международном масштабе, а также на восприятие мигрантов.

В приведенных высказываниях серьезную роль играет идея «похожести», исходя из которой беженцы оцениваются как потенциальные члены своей или чужой группы. Очевидно, что, создавая это коллективное «мы», журналисты опираются на некую принадлежность к Европе, то есть европейскость (Моргунова, 2010, с. 129—141), которая иногда (но отнюдь не всегда) описывается в географических терминах (расположение в европейской части Евразии). Журналисты приведенных выше СМИ говорят о похожести мигрантов на тех, кто живет «рядом», освещая ситуацию с украинскими беженцами для мировой аудитории. Это означает, что локус контроля их восприятия находится не в том месте, где они работают, а в какой-то европейской стране. Более показательным, что при описании признаков, отличающих «европейскость» украинских мигрантов, упоминаются как христианское вероисповедание, принадлежность к среднему классу, высокий уровень образования и возможность использования цифровых сервисов. При этом указанные признаки «европейскости» определяются не в ходе интервью или эмпирических исследований, а «на глаз», то есть исходя лишь из фенотипических особенностей.

Таким образом, мы видим, что для описания идеи «европейскости» используются колониальные буржуазные дискурсы, характерные для европейской публичной сферы вековой давности. «Европейскость» понимается как «социальная и культурная цивилизованность» и противопоставляется «отдаленным странам». Важно также отметить, что,

говоря о «похожести» украинских беженцев на европейцев, ни один из журналистов не упоминает какую-либо конкретную страну или нацию Европейского союза, тем самым превращая «европейскость» в объект знания и упорядочивая его. При этом в приведенных цитатах беженцы из далеких и бедных стран (чаще всего Афганистана, Ирака или Сирии) выступают в качестве коллективного «Другого», не вызывая возмущения и сочувствия у авторов цитат. Нередко названия этих «других» стран приводятся как пример. Тем самым создается эффект «стандартизации» образа беженца как прибывшего из бедных, слаборазвитых стран типичного представителя коренных этносов этих стран.

Подобные воззрения, с одной стороны, противоречат тем ценностям, которые провозглашают современные западные демократические общества, в частности европейское, а с другой — компрометируют систему предоставления убежища в целом. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что данная система нуждается в реформировании.

Эволюция системы предоставления убежища: от предоставления убежища бельгийским беженцам в 1914 г. до белорусско-польского «стояния» в 2021 г.

До появления первых международных соглашений в сфере регулирования миграционных процессов, а именно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протокола 1967 г. к ней²¹, концепция международного убежища да-факто существовала в форме двух моделей.

В рамках первой модели, функционировавшей с давних времен, отдельные граждане переезжали из одной страны в другую, руководствуясь личными или политическими мотивами. Так, XIX в. некоторые исследователи называют «веком добровольной ссылки» (Aprile, 2010). Однако обстоятельства таких

переездов слишком разнятся между собой, что не позволяет описать первую модель более конкретно.

Вторая модель связана с поиском многочисленными группами людей убежища в другой стране в период войн, религиозных преследований и эпидемий. Такие попытки найти убежище совершались как на собственные средства, так и за счет государств и могли носить характер как временной, так и постоянной, полностью меняющей жизнь миграции. В качестве примера можно привести переселение 250 тыс. бельгийцев в Великобританию на основе специального двустороннего соглашения в период Первой мировой войны. Необходимо отметить, что данное переселение с последующим получением права временного убежища было спонсировано бельгийским правительством. Этот опыт стал неожиданно вновь актуален в XXI в. и продолжает вызывать академический интерес²². Однако в целом в первой половине XX в. большинство лиц, ищущих убежище, направлялось в Америку, а Европа была скорее континентом эмиграции, нежели чем иммиграции.

Таким образом, можно утверждать, что сформированная в период деколонизации и холодной войны политико-правовая международная концепция убежища, действующая до сих пор, учитывала уже существовавшие модели и соответствовала реалиям того времени. Когда ООН инициировала создание УВКБ в 1950 г., проблема беженцев казалась временной, и само Управление создавалось как временный орган, призванный «решить проблему беженцев» за несколько лет. Штат УВКБ, имевшего годовой бюджет в 300 тыс. долл. США, состоял из 34 человек. Однако к 2019 г. в УВКБ работало 16 803 сотрудника в 134 странах, а бюджет агентства составлял уже 8,6 млрд долл. США (Loescher, 2021, pp. 22—41).

Сохранение и дальнейшее развитие УВКБ связано с возникновением в середине

²¹ Convention and Protocol Relating to the Status of Refugees // United Nations High Commissioner for Refugees. 2010. URL: <https://www.unhcr.org/protect/PROTECTION/3b66c2aa10.pdf> (accessed: 28.07.2022).

²² How to Research Belgian Refugees in Britain During the First World War: A Guidance Booklet From 'Tracing the Belgian Refugees' // University of Leeds. December 14, 2018. URL: <https://belgianrefugees.leeds.ac.uk/wp-content/uploads/sites/5/2019/02/rais-5.pdf> (accessed: 28.07.2022).

XX в. обстоятельств, в первую очередь связанных с реализацией в Европе программ создания государств всеобщего благосостояния. В этой связи возрастает конкуренция за общественные ресурсы, которая по времени совпадает с процессом распространения доступных средств массовой коммуникации и трансграничного передвижения (Моргунова, Белогруд, 2018).

Постепенно население европейских государств осознает, что их правительства все чаще предоставляют убежище на своей территории целым сообществам мигрантов. На фоне множественных национальных конфликтов и демаркации границ бывших колоний (например, в Индии — Пакистане, Руанде, Бурунди, Уганде, Индонезии, Анголе), сопровождавших процесс деколонизации, все больше жителей этих территорий начали искать убежище в соседних странах или же становились внутренне перемещенными лицами (ВПЛ). До европейского континента удавалось добираться далеко не всем. В самих странах Европы практика предоставления убежища была ориентирована прежде всего на рассмотрение индивидуальных запросов, поступающих от беженцев из стран с тоталитарными режимами и политических активистов антикоммунистического толка (о политизации предоставления убежища уже упоминалось в начале статьи). Исключение составляли жертвы вооруженных конфликтов, по которым та или иная страна Европы принимала отдельное решение и организовывала компанию по эвакуации беженцев, как, например, в случае с эвакуацией по морю 40 тыс. беженцев из Вьетнама, организованной правительством Федеративной Республики Германия (ФРГ) в 1978 г.²³

Начиная с 1980-х гг. ситуация начинает меняться: количество обращений за убежищем стабильно возрастало на протяжении последующих десятилетий. Однако следует отметить, что в этот период в европейских странах просители убежища составляли

менее 1 % в общем потоке мигрантов²⁴. При этом в массовом сознании европейцев просители убежища не были отделены от трудовых мигрантов, которые были приглашены национальными правительствами на работу в период послевоенного восстановления и промышленного роста. Поэтому как только период экономического благосостояния закончился, беженцы, как и мигранты, число которых достигло внушительных показателей, стали объектами критики, а в отдельных случаях даже подвергались насилию.

Сегодня предоставление убежища оказывает без преувеличения огромное влияние на политическую повестку стран ЕС и мировую политику в целом. При этом следует отметить, что спустя 40 лет, по данным УВКБ (2021 г.), 83 % всех беженцев в мире по-прежнему размещается вне Европы в государствах с низким и средним уровнем дохода, а 72 % — в странах, соседствующих со странами «исхода» беженцев²⁵.

Несмотря на то, что ценности, закрепленные в международных документах (в том числе равные права беженцев и граждан страны на владение собственностью, социальные блага, справедливый суд, образование, а также на воссоединение семей, закрепленные в Конвенции 1951 г.), поддерживает большинство населения европейских стран, практика предоставления убежища постоянно подвергается критике как со стороны простых граждан, так и в академических работах. Одни акцентируют внимание на слишком широком толковании термина «беженец» и длительном административном рассмотрении заявлений аппликантов, другие — на последствиях содержания людей в лагерях или компактного расселения беженцев, препятствующего интеграции, третьи — на финансовом давлении, которое беженцы оказывают на социальную систему. Безусловно, свою роль играют и политические факторы, и экономи-

²³ Bierbach M. A Brief History of Refugees Who Escaped to Germany // *InfoMigrants*. April 4, 2018. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/8463/a-brief-history-of-refugees-who-escaped-to-germany> (accessed: 28.07.2022).

²⁴ Рассчитано авторами с использованием данных по каждой стране ЕС из *Macrotrends*. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/ranking/refugee-statistics> (accessed: 24.11.2022).

²⁵ *Figures at a Glance* // UNHCR. 2021. URL: <https://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html> (accessed: 24.11.2022).

ческие аспекты миграционных процессов, особенно конкуренция за ресурсы в условиях государства всеобщего благосостояния.

Также нельзя не отметить роль этнорасовых и религиозных аспектов в предоставлении убежища, которые являются прямым наследием колониального периода европейской истории, наиболее ярко они проявившиеся в ситуации, возникшей на польско-белорусской границе в 2021 г. Тогда тысячи людей, имевших, по их представлению, право на убежище, пытались попасть в Европейский союз через Литву, Латвию и Польшу из соседней Беларуси. Обстановка на границах стала критической в зимние месяцы, когда сотни людей несколько недель оставались на морозе. По меньшей мере 24 человека погибли при попытках пересечения границы в 2021 г. и начале 2022 г.²⁶ По данным польских пограничных служб, еще в апреле 2022 г. было зафиксировано 977 попыток пересечения границы, а всего с начала 2022 г. — почти 4280²⁷. Однако это значительно меньше, чем в ноябре 2021 г., когда всего за несколько дней вдоль границы собралось от 3 до 4 тыс. мигрантов из Ирака, Йемена и Сирии, включая семьи с детьми²⁸.

Наиболее резонансными стали инциденты на польской границе, где польские пограничники неоднократно ловили аппликантов, пытавшихся незаконно попасть в страну, и выдворяли их на территорию соседней Беларуси, часто с применением насилия²⁹. Ситуацию усугублял ограниченный доступ наблюдателей и гуманитарных организаций к месту событий. В январе 2022 г. польские подрядчики начали работы по строительству новой стены стоимостью 353 млн евро, 5,5 метра высотой и 186 км длиной вдоль границы

с Беларусью³⁰. Эта мера была направлена на сдерживание пересечения границы потенциальными просителями убежища.

При рассмотрении кризиса 2021 г. можно сделать ряд важных выводов, касающихся как практических подходов к его урегулированию, так и его медийного освещения. Несмотря на отмеченные всеми наблюдателями нарушения норм обращения с просителями убежища, ряд официальных лиц выразили поддержку действиям Польши. При этом активно использовался дискурс секьюритизации и защиты границ Европейского союза. Так, министр внутренних дел Германии Хорст Зеехофер поблагодарил Польшу за «защиту» восточных рубежей ЕС на фоне продолжающегося притока людей с Ближнего Востока, Азии и Африки, пытающихся пересечь границу из Беларуси. В письме министру внутренних дел Польши Мариушу Каминьскому Х. Зеехофер писал, что «хотел бы поблагодарить» своего польского коллегу и польскую пограничную службу за «защиту нашей общей внешней границы»³¹.

Просители убежища выступали в этом дискурсе в качестве объекта, деперсонифицированной и дегуманизированной человеческой массы, которая может «наводнить» Евросоюз³². Если в 2015 г. всех, кто пересекал государственные границы стран ЕС, в СМИ называли «беженцами», то в 2021 г. эти люди стали «мигрантами», которые хотят незаконно пересечь границу. В официальных выступлениях мигранты позиционировались как (неодушевленное) «гибридное оружие», которым манипулируют политические силы. Например, председатель Европейского совета Шарль Мишель заявил в Варшаве: «Мы

²⁶ Out of Sight — Refugees and Migrants at the Belarus — Poland Border // Jesuit Refugee Service. June 1, 2022. URL: <https://www.grupagranica.pl/files/Grupa-Granica-Report-Humanitarian-crisis-at-the-Polish-Belarusian-border.pdf> (accessed: 27.07.2022).

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Humanitarian Crisis at the Polish-Belarusian Border // Grupa Granica. December 10, 2021. URL: <https://www.grupagranica.pl/files/Grupa-Granica-Report-Humanitarian-crisis-at-the-Polish-Belarusian-border.pdf> (accessed: 27.07.2022).

³⁰ Poland Begins Work on \$400m Belarus Border Wall Against Refugees // Al Jazeera. January 25, 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/1/25/poland-begins-work-on-400m-belarus-border-wall-against-migrants> (accessed: 27.07.2022).

³¹ Germany Thanks Poland for “Protecting EU Border” Amid Migrant Surge // Notes from Poland. October 20, 2021. URL: <https://notesfrompoland.com/2021/10/20/germany-thanks-poland-for-protecting-eu-border-amid-migrant-surge> (accessed: 27.07.2022).

³² Polish MP: ‘For Me, Multiculturalism Is Not a Value’ // Al Jazeera. November 9, 2019. URL: <https://youtu.be/ccOp0I8ZPho> (accessed: 27.07.2022).

сталкиваемся с гибридным, жестоким, насильственным и недостойным нападением, и мы можем ответить на него только твердостью и единством в соответствии с нашими основными ценностями»³³.

В итоге выдворения с целью предотвращения подачи прошения об убежище стали нормой в пограничной зоне ЕС. Ситуация, подобная той, что имела место на границе Польши и Беларуси в 2021 г., регулярно повторяется на границе Боснии и Герцеговины и Хорватии³⁴. Схожие инциденты происходят также в акватории Эгейского моря, где суда береговой охраны Греции перехватывают лодки с мигрантами³⁵. В 2012 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) постановил, что Италия нарушила права человека, вернув в страны исхода или транзита просителей убежища преимущественно из африканских стран, не обработав их заявления³⁶. При этом ст. 19 Хартии ЕС по правам человека запрещает коллективные «выдворения» (*expulsions*)³⁷, а ст. 4 Директивы по общим стандартам и процедурам в странах — членах ЕС для возвращения незаконно пребывающих граждан третьих стран³⁸

³³ EU Accuses Belarus of ‘Trafficking’ Migrants toward Border // *Hürriyet Daily News*. November 11, 2021. URL: <https://www.hurriyetaidailynews.com/eu-accuses-belarus-of-trafficking-migrants-toward-border-169285> (accessed: 27.07.2022).

³⁴ Croatia: Anti-Torture Committee Publishes Report on 2020 Ad Hoc Visit // Council of Europe. December 3, 2021. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/croatia-anti-torture-committee-publishes-report-on-2020-ad-hoc-visit> (accessed: 27.07.2022).

³⁵ Greek Coast Guard ‘Fires Shots’ at Refugee Boat // *Hürriyet Daily News*. March 3, 2020. URL: <https://www.hurriyetaidailynews.com/greek-coast-guard-fires-shots-at-refugee-boat-152593> (accessed: 27.07.2022).

³⁶ Italy: ‘Historic’ European Court Judgment Upholds Migrants’ Rights // Amnesty International. February 23, 2012. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2012/02/italy-historic-european-court-judgment-upholds-migrants-rights/> (accessed: 27.07.2022).

³⁷ Charter of Fundamental Rights of the European Union // EUR-Lex. October 26, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (accessed: 27.07.2022).

³⁸ Directive 2008/115/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 2008 on Common Standards and Procedures in Member States for Returning Illegally Staying Third-Country Nationals // EUR-Lex. December 24, 2008. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32008L0115> (accessed: 27.07.2022).

подтверждает право на «невыдворение» (*non-refoulement*). Таким образом, мы видим, что Европейский союз «защищал» себя от беженцев, нарушая при этом собственные юридические нормы и поступаясь ценностными ориентирами в стремлении оградить «крепость Европу» от «неевропейцев».

Хотя расовые различия между «европейцами» и «чужими» не были артикулированы при освещении ситуации на польско-белорусской границе средствами массовой информации, беженцы описывались как мигранты из конкретных неевропейских стран, что, так же как в дискурсе 2022 г., было предикатом «чужого». При этом страдающие от холода люди не вызвали сочувствия ни у официальных лиц, ни у СМИ. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан на выступлении в румынском университете в г. Бэиле-Тушнад предельно четко сформулировал разницу в отношении к европейским и неевропейским беженцам: «Мы не смешанная раса (*mixed race*) и не хотим быть смешанной расой»³⁹.

Как уже отмечалось, другим показательным примером влияния этничности и расы на предоставление убежища является Решение ЕС по временной защите беженцев из Украины от 4 марта 2022 г. Согласно документу, гражданам Украины в статусе беженцев разрешено выдавать виды на жительство на срок от 1 до 3 лет, а также предоставлять право на работу⁴⁰, в то время как в 2014—2016 гг. более 1 млн беженцев, затронутых военными действиями в отдельных районах Ближнего Востока и Северной Африки, подобные права не предоставлялись. Например, им не разрешалось работать до тех пор, пока их заявление о предоставлении убежища не будет одобрено. Необходимость ждать решения о

³⁹ Orbán: “Hungarians Are Not a Mixed Race and Do Not Want to Become One” // *DailyNewsHungary*. July 23, 2022. URL: <https://dailynewshungary.com/orban-hungarians-are-not-a-mixed-race-and-does-not-want-to-become-one/> (accessed: 27.07.2022).

⁴⁰ Temporary Protection // European Commission. 2022. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/common-european-asylum-system/temporary-protection_en (accessed: 30.07.2022).

предоставлении убежища целый год снижала вероятность трудоустройства примерно на 4,9 %, что было обусловлено «атрофией навыков» и общим состоянием деморализации, поэтому беженцам из неевропейских стран было заведомо сложнее конкурировать с другими на рынке труда ЕС⁴¹.

Со временем Евросоюз вводил все больше ограничений в свою миграционную политику и практику предоставления убежища, поскольку росло число стран и политических партий, отказывающихся удовлетворять запросы лиц, ищущих убежища. С 2015 г. институты и государства — члены ЕС финансировали программы возвращения, реадмиссии и устранения коренных причин миграции в странах происхождения мигрантов или странах транзита (Биссон, 2018, с. 21—25). При этом были проигнорированы проблемы соблюдения прав человека среди беженцев, находящихся в лагерях в Греции и государствах, граничащих с ЕС⁴². Также усиливался миграционный контроль: согласно данным Европейской парламентской исследовательской службы, в период с 2014 по 2022 г. общая протяженность пограничных ограждений на внешних границах ЕС и в пределах ЕС / Шенгенской зоны выросла с 315 до 2048 км⁴³.

В своем Отчете о расизме и дискриминации в отношении мигрантов за 2015—2016 гг. Европейская сеть против расизма подчеркивает, что африканские мигранты, нуждающиеся в гуманитарной защите, были представлены как «экономические» или «нелегальные» мигранты, причем не предпринималось никаких попыток дать политическую оценку

стимулирующим и дестимулирующим факторам, толкающим мигрантов на отъезд из стран происхождения⁴⁴.

«Крепость Европа» в постколониальном контексте

Инциденты пересечения границ Европейского союза беженцами в 2021—2022 гг. продемонстрировали, насколько четко в Европе проводится деление на «нас» и «их», отразившееся как на принятых практических решениях, так и на освещении событий. Р. Водак называет этот процесс созданием «национального тела». В основе этого процесса лежит отделение «нас» от «них», а также особое представление о национальном будущем. С точки зрения историко-дискурсивного анализа «сам язык не обладает силой и властью, но приобретает их за счет того, как он используется людьми, наделенными властью» (Wodak, 2009, p. 35). Созданные благодаря текстам, дискурсивные объекты «упорядочиваются», становятся неким очевидным знанием, то есть объектом дискурса, который не требует дальнейшего объяснения, а, наоборот, — может использоваться для объяснения новых реалий. Именно с таким процессом мы сталкиваемся в настоящее время, когда рассуждаем о «европейскости», ставшей важной частью идентичности в Европейском союзе и служащей разделительной линией между различными группами беженцев.

Нет сомнений, что в основе создания «наднационального тела» Европейского союза лежит географическое представление о Европе. Однако не вся европейская территория является частью этого союза, и различия между отдельными регионами Европы до сих пор очень велики. Таким образом, «европейскость» можно представить как некий культурно-исторический текст, который имеет отношение к определенной территории (Ostrowski, 2021), однако, как показывают приведенные примеры, право на

⁴¹ Esposito A. The Limitations of Humanity: Differential Refugee Treatment in the EU // Harvard International Review. September 14, 2022. URL: <https://hir.harvard.edu/the-limitations-of-humanity-differential-refugee-treatment-in-the-eu/> (accessed: 19.11.2022).

⁴² Libya Fails to Stop Migrant Detention Abuses, As EU-Backed Returns Soar // The New Humanitarian. June 24, 2021. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/news-feature/2021/6/24/libya-fails-to-stop-migrant-detention-abuses-as-eu-backed-returns-soar> (accessed: 19.11.2022).

⁴³ Walls and Fences at EU Borders // European Parliamentary Research Service. October 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733692/EPRS_BRI\(2022\)733692_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733692/EPRS_BRI(2022)733692_EN.pdf) (accessed: 19.11.2022).

⁴⁴ ENAR Shadow Report 2015—2016 “Racism and Discrimination in the Context of Migration in Europe” // European Commission. March 31, 2017. URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/racism-and-discrimination-context-migration-europe_en (accessed: 19.11.2022).

«европейскость» в данный момент, с точки зрения Евросоюза, имеют только проживающие в Европе «коренные европейцы».

Если мы попытаемся сформулировать дискурс «европейскости» в исторической ретроспективе, то будет очень сложно проигнорировать прошлое народов Европы, связанное с колониальным развитием мира. Хоми Баба отмечает, что колониализм, возникший в период эпохи Просвещения, был связан с попытками достичь большей эффективности хозяйствования, однако гуманитарные последствия колонизаторской политики широко известны сегодня (Моргунова, 2020).

Политические изменения, связанные с деколонизацией, совпали и даже во многом сформировали массовую миграцию, которая к концу XX в. приобрела глобальный характер. Некоторые исследователи говорят о турбулентном характере миграций постколониального периода, однако совершенно очевидно, что массовые миграции сегодняшнего дня порождены вполне определенными политическими процессами и спровоцированы глобальными экономическими дисбалансами.

Бывшие метрополии, сосредоточенные на западе европейского континента, во второй половине XX в. строили государства всеобщего благосостояния, в то время как освободившиеся от колониальной зависимости страны не имели такой возможности. Их первоочередной задачей было решение множества проблем, связанных с дальнейшим экономическим и политическим развитием. Международная миграция, развивая контакты между представителями разных обществ, лишь подчеркивала существующий контраст. Таким образом, как ни парадоксально, распад колониальной системы способствовал росту значимости «европейскости», то есть всего, что ассоциировалось с Европой (McCormick, 2010). Однако открытие границ для торговли и инвестиций сопровождалось усилением мер, препятствующих миграции. Попытка создать «крепость Европу», то есть оградить (в последнее время в прямом смысле этого

слова⁴⁵) континент, чаще всего понимаемый носителями идеи как Европейский союз, от «вторжения чужого», возрождает статичное колониальное мышление.

Заключение

Рассмотренные практики предоставления убежища показывают, как дискурсивные маркеры «цивилизованный» — «нецивилизованный» и «европейский» — «неевропейский» проецируют то, что в 1978 г. Эдвард Саид назвал внушительным превосходством Запада над восточными культурами, и ставят под сомнение одно из пониманий «европейскости», а именно то, что Европа является воплощением передовой политической этики (Viebuys, 2011, pp. 314—316). Европейский публичный дискурс последнего десятилетия закрепляет образ беженца с Ближнего Востока и Северной Африки как «Другого», как бы естественно существующего в обстановке нестабильности и бедности в «нецивилизованных» частях мира. Таким образом, дискурсивные практики предоставления убежища в Европейском союзе исключают и стигматизируют небелых, нехристианских беженцев, маркируя их как неевропейцев.

В XX в. представления о «европейскости» претерпели серьезные изменения. Тем не менее системное исследование всего диапазона концептуальных значений этого дискурсивного объекта пока не было проведено. «Европейскость» трактуется либо как набор желаемых социальных идеалов и ценностей, либо — редуکتивно — как качество, присущее исключительно европейским институтам в их нынешнем виде. И то и другое препятствует дебатам о природе «Европы» и «европейскости» в постколониальном мире.

⁴⁵ Ahmed K., Tondo L. Fortress Europe: The Millions Spent on Military-Grade Tech to Deter Refugees // *The Guardian*. December 6, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2021/dec/06/fortress-europe-the-millions-spent-on-military-grade-tech-to-deter-refugees> (accessed: 27.07.2022).

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 21.09.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Биссон Л. С. Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5. С. 21—28.
- Жаркова У. А., Кузнецова Н. Ю. Объективация этнической дискриминации в немецкой медиакультуре // Казанский вестник молодых ученых. 2018. Т. 2, № 4. С. 116—119.
- Моргунова О. А. Хоми Баба: от деколонизации культуры к осмыслению ее деглобализации // Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристов, Н. Е. Хохолькова. Москва : Институт Африки РАН, 2020. С. 50—59.
- Моргунова О. А. «Европейцы живут в Европе!» Поиски идентичности в Интернет-сообществе русскоязычных иммигрантов в Великобритании // Диаспоры. 2010. № 1. С. 129—141.
- Моргунова О. А., Белогруд И. Н. Некоторые аспекты регулирования миграций во второй половине XIX — начале XX века (на примере Великобритании) // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 62—66.
- Потемкина О. Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38—60.
- Потемкина О. Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2. С. 7—15.
- Aprile S. Le Siècle des Exilés. Bannis et Proscrits de 1789 à la Commune. Paris : CNRS Éditions, 2010.
- Biebuyck W. Europeanism // Journal of Contemporary European Studies. 2011. Vol. 19, no. 2. P. 314—316. <http://doi.org/10.1080/14782804.2011.580937>
- Debnár M. Migration, Whiteness, and Cosmopolitanism: Europeans in Japan. New York : Palgrave Macmillan, 2016.
- Fox J. E., Moroşanu L., Szilassy E. Denying Discrimination: Status, ‘Race’, and the Whitening of Britain’s New Europeans // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2015. Vol. 41, no. 5. P. 729—748. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2014.962491>
- Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double-Consciousness. Cambridge : Harvard University Press, 1993.
- Gilroy P. Between Camps: Nations, Cultures and the Allure of Race. London : Allen Lane, 2000.
- Guðjónsdóttir G., Loftsdóttir K. Being a Desirable Migrant: Perception and Racialisation of Icelandic Migrants in Norway // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43, no. 5. P. 791—808. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1199268>
- Jennequin A. Turkey and the Weaponization of Syrian Refugees // Policy Brief of Brussels International Center. 2020. P. 1—10. URL: <https://www.bic-rhr.com/research/turkey-and-weaponization-syrian-refugees> (accessed: 18.11.2022).
- Krivonos D. Claims to Whiteness: Young Unemployed Russian-Speakers’ Declassificatory Struggles in Finland // The Sociological Review. 2018. Vol. 66, no. 6. P. 1145—1160. <http://doi.org/10.1177/0038026117737412>
- Loescher G. Refugees: A Very Short Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198811787.001.0001>
- Martén L. Political Bias in Court? Lay Judges and Asylum Appeals // Working Papers of Uppsala University. 2015. No. 2. P. 1—44. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/125543/1/824067258.pdf> (accessed: 27.07.2022).
- McCormick J. Europeanism. Oxford : Oxford University Press, 2010. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199556212.001.0001>
- Ostrowski M. S. Europeanism: A Historical View // Contemporary European History. 2021. P. 1—18. <https://doi.org/10.1017/S0960777321000485>
- Puwar N. Space Invaders: Race, Gender and Bodies Out of Place. Oxford : Berg Publishers, 2004.
- Said E. W. Orientalism. New York : Vintage Books, 1994.
- Samaluk B. Whiteness, Ethnic Privilege and Migration: A Bourdieuan Framework // Journal of Managerial Psychology. 2014. Vol. 29, no. 4. P. 370—388. <https://doi.org/10.1108/JMP-03-2012-0096>
- Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.1057/9780230316539>

Сведения об авторах: Моргунова Оксана Алексеевна — доктор наук (Университет Эдинбурга), доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-2607-5599; e-mail: o_morgunova@hotmail.com

Морару Николета-Флорина — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-4768-9437; e-mail: moraru-n@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770

Научная статья / Research article

Турецкая Республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 года

Н.Э. Демешко , А.А. Ирхин

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

 alex.irhin@mail.ru

Аннотация. В исторической ретроспективе использование национальных вопросов и противоречий не раз становилось механизмами ослабления одних великих держав в отношении других. При этом применялись различные технологии по конструированию национальных мифов и идеологий на основе трайбализма и национальной исключительности и превосходства. После «Крымской весны» 2014 г. крымско-татарский вопрос получил новый уровень актуализации. Турецкая Республика и Украина активно используют крымско-татарский фактор для противодействия реинтеграции Крыма в состав Российской Федерации и, как следствие, ослабления позиций России в Черноморско-Средиземноморском регионе. Авторы рассматривают особенности влияния Турецкой Республики на крымских татар, анализируют украинские инициативы в отношении крымских татар и совместные турецко-украинские проекты, целевой аудиторией которых выступают крымские татары. Методологической основой исследования выступают системный, геополитический, цивилизационный, институциональный подходы, которые реализованы как непосредственно, так и с использованием ряда общенаучных и политологических методов. Современная политика Турции и Украины по крымско-татарскому вопросу обладает общими характерными чертами. Во-первых, крымско-татарская проблематика актуальна для политических элит данных государств как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровнях. При этом, если для Киева крымско-татарский вопрос — это возможность восстановить свою юрисдикцию над Крымом, то для Анкары крымско-татарское население Крыма позволяет заручиться электоральной поддержкой внутри Турции, а также рассматривать Крым и Черноморский регион как турецкую сферу влияния. Во-вторых, условный турецко-украинский альянс позиционирует себя в качестве «защитника» крымских татар от «российской агрессии». В-третьих, Турция и Украина конструируют положительный имидж государств за счет демонстрации защиты интересов и соблюдения прав крымских татар на территории России. В-четвертых, действия Турции и Украины в отношении крымско-татарского народа можно охарактеризовать политикой двойных стандартов. Данный тезис подтверждают национальная политика Турецкой Республики и подходы Украины к решению крымско-татарского вопроса до воссоединения Крыма с Россией.

Ключевые слова: Россия, Турецкая Республика, Украина, Крым, крымские татары, крымско-татарский вопрос, Черноморский регион

© Демешко Н.Э., Ирхин А.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Демешко Н. Э., Ирхин А. А. Турецкая Республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 755—770. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770>

The Republic of Türkiye and Ukraine: Using the Crimean Tatar Question in Foreign Policy after 2014

Natalia E. Demeshko , Aleksandr A. Irkhin

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

 alex.irhin@mail.ru

Abstract. In historical retrospect, the use of national issues and contradictions has repeatedly become the weakening mechanisms for some great powers in regard to others. In this case, various technologies to construct national myths and ideologies based on tribalism and national exclusiveness and superiority were applied. After the “Crimean spring” in 2014, the Crimean Tatar issue gained a new level of relevance. The Republic of Türkiye and Ukraine are actively using the Crimean Tatar factor to oppose the reintegration of Crimea into the Russian Federation and, consequently, to weaken Russia’s positions in the Black Sea and Mediterranean region. In the article the authors analyze the peculiarities of the influence of the Republic of Türkiye on the Crimean Tatars, as well as the Ukrainian initiatives in relation to the Crimean Tatars and joint Turkish-Ukrainian projects, with the target group consisting of the Crimean Tatars. The methodological basis of the research is system-based, geopolitical, civilizational and institutional approaches, which are implemented both directly and by using a number of general scientific and political science methods. The current policy of Türkiye and Ukraine on the Crimean Tatar issue has common features. Firstly, it is currently topical for the policy elites of these states, both at the domestic and international political levels. Under these circumstances, if the Crimean Tatar issue is an opportunity for Kiev to re-establish its jurisdiction over Crimea, then for Ankara the Crimean Tatar population helps to enlist the electoral support, as well as to consider Crimea and the Black Sea region as a Turkish sphere of influence. Secondly, the conditional Turkish-Ukrainian alliance presents itself as a “protector” of the Crimean Tatars from “Russian aggression.” Thirdly, Türkiye and Ukraine are projecting a positive state image by demonstrating protection of interests and observance of the Crimean Tatars rights on the territory of Russia. Fourthly, the actions of Türkiye and Ukraine in terms of the Crimean Tatar can be characterized as a double standard policy. This thesis is confirmed by the national policy of the Republic of Türkiye, and the approaches of Ukraine to the solution of the Crimean Tatar issue before the reunification of Crimea with Russia.

Key words: Russia, the Republic of Türkiye, Ukraine, Crimea, Crimean Tatars, Crimean Tatar issue, Black Sea Region

For citation: Demeshko, N. E., & Irkhin, A. A. (2022). The Republic of Türkiye and Ukraine: Using the Crimean Tatar question in foreign policy after 2014. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 755—770. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-755-770>

Введение

Выступая на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (ГА ООН) в сентябре 2021 г., президент Турции Р.Т. Эрдоган заявил, что не признает «аннексию» Крыма и поддерживает «территориальную целостность Украины»¹. Данная риторика является традиционной для Турецкой

Республики. С 2014 г. турецко-украинские отношения вышли на новый уровень развития. Основными объединяющими факторами союза двух государств, помимо военно-экономического сотрудничества, выступают позиция по государственной принадлежности Крыма, защита прав крымских татар, а также инцидент 2015 г. с Су-24, временно охладивший российско-турецкие отношения и подтолкнувший Турцию к поиску новых союзников. Однако, несмотря на явную единую позицию по крымскому вопросу, оба государства преследуют разные цели, публично

¹ Президент Турции: и другие страны должны выполнять свои обязательства по приему беженцев // ООН. 21.09.2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1410332> (дата обращения: 01.11.2021).

обозначая события 2014 г. «аннексией» Крыма. Так, если для Киева проблема в большей степени носит территориальный характер, то для Анкары — преимущественно представлена тюркским фактором ее внешней политики. Турецкая Республика рассматривает Крым и крымских татар как неотъемлемую часть «тюркского мира», а полуостров и Черноморский регион, в свою очередь, расценивается Анкарой как турецкая сфера влияния (Аватков, 2021, с. 222).

Крах советской сверхдержавы и политический конформизм постсоветской элиты в начале 1990-х гг., а также культурно-историческая близость Турецкой Республики к тюркским народам бывшего Советского Союза позволили Анкаре объявить себя «старшим братом» (*ağabey*) тюркских государств (Ирхин, 2016, с. 104—105). Именно в данный период турецкое влияние на Крымском полуострове усилилось. Этому способствовала репатриация в Крым крымских татар (Шевчук, 2007). Турция, повышая свой авторитет в крымско-татарской среде через различные проекты, увеличила свое влияние в Черноморско-Средиземноморском регионе и одновременно с этим использовала крымско-татарский фактор как элемент в системе сдерживания геополитических интересов Российской Федерации в данном направлении (Ирхин, Демешко, 2019).

При этом, несмотря на непризнание восстановления российской юрисдикции над Крымом и совместные проекты с Украиной по преодолению так называемой «временной оккупации», Анкара проводит достаточно гибкую политику и в отношении России (Баранов, 2018, с. 95). В частности, Турция не присоединилась к антироссийским санкциям, поскольку это противоречило ее экономическим интересам. Более того, одни общественные структуры Турецкой Республики налаживают коммуникацию с пророссийской частью крымских татар, другие продолжают поддерживать и развивать связи (Коробов, Сметанников, 2015, с. 29) с представителями меджлиса крымско-татарского народа².

² Организация запрещена в РФ.

Цель статьи — определить особенности развития двусторонних турецко-украинских отношений в период после воссоединения Крыма с Россией (2014—2021 гг.) и место крымско-татарского вопроса во взаимодействии Турецкой Республики как региональной державы и Украины как государства, занимающего важное геополитическое положение в Черноморском регионе.

В рамках достижения поставленной цели в статье решаются конкретные задачи:

— исследование механизмов влияния Турецкой Республики в отношении крымских татар;

— анализ украинских инициатив в отношении крымских татар;

— идентификация совместных турецко-украинских проектов, целевой аудиторией которых выступают крымские татары.

Объект исследования — турецко-украинские двусторонние отношения с момента восстановления российского суверенитета над Крымом, предмет — крымско-татарский аспект турецко-украинских отношений. Методологической основой исследования являются системный, геополитический, цивилизационный и институциональный подходы.

Авторы опираются на нормативно-правовую базу Украины, материалы министерств иностранных дел (МИД) Украины и Турции, Министерства информационной политики (МИП) Украины, Управления по делам соотечественников за границей и родственных общин Турции (УТВ), публикации дернеков (обществ) крымских татар Турции, отчеты Турецкого агентства международного сотрудничества и координации (ТИКА), статьи украинских и турецких СМИ; приводят публикации российских исследователей: В.А. Аваткова (2018; 2021), К.Н. Ахмадеева (2018), Н.С. Беляковой (2015), А.А. Ирхина (2016; Ирхин, Демешко, 2019), А.А. Коробова, С.С. Сметанникова (Коробов, Сметанников, 2015). Необходимо отметить, что результаты исследований зарубежного научно-экспертного сообщества по крымско-татарской проблематике (Allworth, 1998; Aydın, 2014; Özçelik, 2020; Koçak, 2014;

Williams, 2001; 2016; Wilson, 2017; Uehling, 2004; Fisher, 1978; 2010) заслуживают особого внимания, поскольку в них прослеживаются политические технологии, направленные на формирование негативной интерпретации совместной истории России (царской, советской) и крымских татар, а также стремление продемонстрировать различного рода притеснения в отношении данного народа со стороны Российской Федерации после 2014 г. (Демешко, 2020, с. 281—288).

Роль крымско-татарского вопроса в турецкой политике

После 2014 г. крымско-татарский вопрос для Турецкой Республики выступает одним из элементов в выстроенной системе сдержек и противовесов при взаимодействии с Российской Федерацией. Это проявляется в формировании турецко-украинского военно-политического альянса (дипломатическая поддержка Киева, турецкие военно-технические поставки Украине), непризнании современного статуса Крыма как российской территории, а также в публичной дипломатической поддержке крымских татар. При этом Анкара оказывает более значимое влияние на крымских татар в сравнении с другими зарубежными государствами из-за исторической, культурной и религиозной близости с данным народом.

Необходимо отметить, что для Турецкой Республики крымско-татарский вопрос не только имеет международное измерение, но и представляет интерес с точки зрения внутренней политики, а именно получения электоральной поддержки. Данный тезис подтверждает активное использование крымско-татарского фактора в ходе местных выборов 2014 г. (Белякова, 2015, с. 39).

Значимость крымско-татарского фактора в турецкой политике демонстрирует и системная работа, которая проводится Турцией в отношении данного этноса. Наиболее активно актуализируют крымско-татарский вопрос такие структуры, как Управление по делам внешних тюрок/турок и родственных сообществ (УТВ), диаспора крымских татар, Министерство иностранных дел Турции, средства массовой информации.

УТВ было создано в апреле 2010 г. Задача данной структуры — координировать проекты, целевой аудиторией которых выступают турки, живущие за границей, и так называемые братские народы. Основными направлениями работы по крымско-татарской проблематике являются актуализация информации о депортации крымских татар 1944 г.; сохранение исторического наследия крымских татар³; мероприятия, посвященные крымско-татарским деятелям культуры⁴.

Турецкое влияние на крымско-татарский вопрос обусловлено и значительной диаспорой крымских татар. Точные данные о количестве проживающих на территории Турецкой Республики крымских татар отсутствуют, поскольку политика турецких властей направлена в большей степени на ассимиляцию других этнических групп и данные о национальном составе Турции официально не публикуются (Ахмадеев, 2018, с. 27). В силу этого на официальных ресурсах органов власти Турецкой Республики, а также в турецких СМИ крымские татары достаточно часто обозначаются как крымские или крымско-татарские турки.

Каналами влияния крымско-татарской диаспоры Турецкой Республики выступают крымско-татарские объединения (дернеки). В настоящий момент в Турции действуют более 50 крымско-татарских дернеков, около двух десятков из них — как филиалы «Общества культуры и взаимопомощи крымских татар»⁵. После политических событий 2014 г. крымско-татарская диаспора, помимо оказания гуманитарной помощи, а также организации культурно-образовательных мероприятий, начала активно проявлять себя и в политической

³ Kırım Tatarlarının Davası YTB Tarafından Dünyaya Duyuruluyor // Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. May 16, 2015. URL: <https://www.ytb.gov.tr/haberler/kirim-tatarlarinin-davasi-ytb-tarafindan-dunyaya-duyuruluyor> (accessed: 31.10.2021).

⁴ Yazar Cengiz Dağcı doğumunun 100. yılında anıldı // Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. March 7, 2019. URL: <https://www.ytb.gov.tr/haberler/yazar-cengiz-dagci-dogumunun-100-yilinda-anildi> (accessed: 31.10.2021).

⁵ Tarihçe // Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği. June 6, 2017. URL: <http://www.kirimderneği.org.tr/dernek/tarihce> (accessed: 01.11.2021).

деятельности антироссийской направленности. Примечательным представляется тот факт, что в 2015 г. состоялось объединение 43 общественных организаций в Платформу крымско-татарских организаций Турции. Инициатором объединения выступил центральный офис «Общества культуры и взаимопомощи крымских татар»⁶. Крымско-татарские дернеки актуализируют крымско-татарский вопрос как внутри турецкого общества, так и на международном уровне. Деятельность данных организаций реализуется по следующим направлениям:

1. Проводятся встречи с представителями научно-экспертного сообщества, на которых обсуждаются особенности «повторной оккупации Крыма Россией»⁷, «нарушения» прав крымских татар на полуострове⁸, значение национального движения крымских татар на Украине⁹.

2. Организовываются митинги возле посольства России и акции протеста против воссоединения Крыма с Российской Федерацией¹⁰.

3. Публикуются заявления с негативной реакцией по отношению к судебным процес-

сам над крымскими татарами из-за участия отдельных представителей данного народа в деятельности «Хизб ут-Тахрир»¹¹. Россия оценивается «Обществом культуры и взаимопомощи крымских татар» как основная угроза в Черноморском регионе¹².

4. Диаспорой крымских татар выделяются денежные средства для строительства мечетей на территории Украины¹³, а также оказывается гуманитарная помощь малоимущим семьям¹⁴.

5. Платформой крымско-татарских организаций Турции было принято решение о проведении в 2015 г. второго Всемирного конгресса крымских татар. По итогам съезда было составлено обращение к ООН и мировому сообществу о необходимости прекращения «незаконной аннексии» Крыма, а также проведения судебного рассмотрения всех якобы совершенных Россией, начиная с 1783 г. и до настоящего времени, «преступлений» с целью умышленного «уничтожения» крымских татар¹⁵. Также обществом при поддержке УТВ были организованы молодежные конгрессы крымских татар, которые также проходили на территории Турции¹⁶.

⁶ В Анкаре пройдет заседание Платформы крымско-татарских организаций // *Qırım Haber Ajansı*. 02.02.2016. URL: <http://old.qha.com.ua/ru/obschestvo/v-ankare-proidet-zasedanie-platformi-krimskotatarskih-organizatsii/154490/> (дата обращения: 01.11.2021).

⁷ “Türk Ocakları Eskişehir Şubesi Perşembe Sohbetleri” nde Kırım’ın Rusya Tarafından Yeniden İşgali Konuşuldu // *Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği*. January 21, 2021. URL: <http://www.kirimderneği.org.tr/haberler/1265-turk-ocaklari-eskisehir-subesi-persembe-sohbetlerinde-kirim-in-rusya-tarafından-yeniden-ısgali-konusuldu> (accessed: 01.11.2021).

⁸ Av.Namık Kemal Bayar Bilkent’te Anlattı “Kırım Türkleri ve İşgal Altındaki Kırım” // *Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği*. February 21, 2021. URL: <http://www.kirimderneği.org.tr/haberler/1276-av-namik-kemal-bayar-bilkent-te-anlattı-kirim-turkleri-ve-ısgal-altındaki-kirim> (accessed: 01.11.2021).

⁹ 2014 Sonrası Ukrayna Ulus İnşasına Kırım Tatar Milli Hareketinin Etkisi // *Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği*. January 31, 2021. URL: <http://www.kirimderneği.org.tr/haberler/1270-2014-sonrası-ukrayna-ulus-ınşasına-kırım-tatar-milli-hareketinin-etkisi> (accessed: 01.11.2021).

¹⁰ Не смиряются с «оккупацией» // *Znak*. 26.02.2017. URL: https://www.znak.com/2017-02-26/v_turcii_u_sten_rossiyskogo_posolstva_proshel_miting_protiv_prisoedineniya_kryma (дата обращения: 01.11.2021).

¹¹ Организация запрещена в РФ.

¹² Россия представляет угрозу для Черноморского региона — Общество культуры и взаимопомощи крымских татар Турции // *Qırım Haber Ajansı*. 27.11.2018. URL: <http://old.qha.com.ua/ru/politika/rossiya-predstavlyaet-ugrozu-dlya-chernomorskogo-regiona-obschestvo-kulturi-i-vzaimopomoschi-krimskih-tatar-turtsii/196464/> (дата обращения: 01.11.2021).

¹³ В Геническом районе построят мечети за средства крымскотатарской диаспоры Турции // *Вести Геническа*. 04.03.2017. URL: <http://genichesk.co.ua/3420-v-genicheskom-rayone-postroyat-mecheti-za-sredstva-krymskotatarskoy-diaspory-turcii.html> (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁴ 600 крымскотатарских семей получили помощь на Рамазан // *Qırım Haber Ajansı*. 25.07.2014. URL: <http://old.qha.com.ua/ru/obschestvo/600-krimskotatarskih-semei-poluchili-pomosch-na-ramazan/138489/> (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁵ Батулин Д. II Всемирный Конгресс крымских татар — новые идеи и смыслы, старые цели лидеров меджлиса // *Международная жизнь*. 18.08.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13616> (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁶ В Анкаре крымские татары соберутся на Молодежный конгресс // *Крым. Реалии*. 19.05.2019. URL: <https://ru.krymr.com/a/news-ankara-molodezhnyi-kingress-krymskie-tatary/29951076.html> (дата обращения: 01.11.2021).

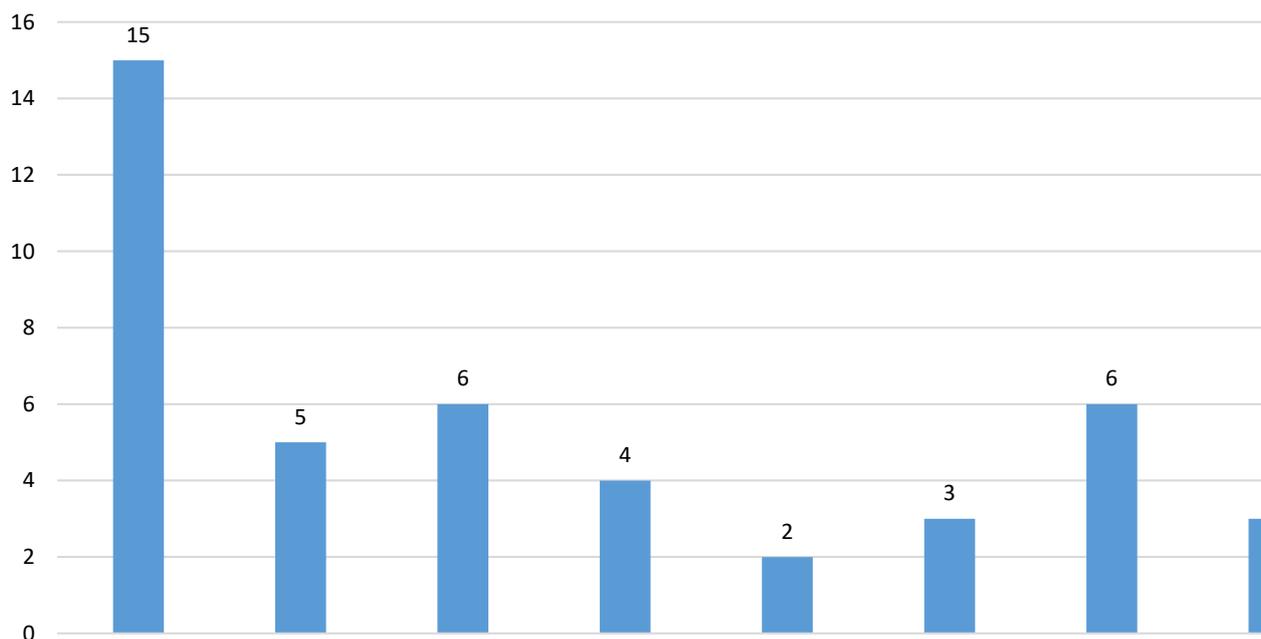

Рис. 1. Динамика публикаций по крымско-татарской проблематике на официальном сайте МИД Турции, 2014 — октябрь 2021 г.

Источник: составлено авторами по данным: “İşgal altındaki Kırım’da insan hakları ihlalleri ve Rusya Federasyonu’ndaki genel insan hakları ihlalleri hakkında” rapor // The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. December 10, 2020. URL: <http://www.kirimdernegi.org.tr/Dosyalar/Raporlar/InsanHaklari2020.pdf> (accessed: 01.11.2021).

6. Проблема нарушения прав человека была актуализирована и в конце 2020 г. крымско-татарской организацией «Общество культуры и взаимопомощи крымских татар», которой был подготовлен отчет о нарушениях прав человека в Крыму и Татарстане¹⁷.

Следует отметить, что после 2014 г. Анкара довольно активно акцентирует внимание на теме «нарушений прав» крымско-татарского народа на полуострове и необходимости защиты данного народа (Демешко, 2020, с. 133). Одновременно с этим Турция позиционирует себя в качестве защитника крымских татар. Данный тезис подтверждает анализ заявлений Министерства иностранных дел Турции по крымско-татарской проблематике и публикации крупнейшего информационного агентства Турции «Анадолу».

¹⁷ İşgal Altındaki Kırım’da İnsan Hakları İhlalleri ve Rusya Federasyonu’ndaki Genel İnsan Hakları İhlalleri Hakkında // Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği. December 10, 2020. URL: <http://www.kirimdernegi.org.tr/Dosyalar/Raporlar/InsanHaklari2020.pdf> (accessed: 01.11.2021).

Мониторинг официального сайта МИД Турции с 2014 г. по октябрь 2021 г. продемонстрировал, что крымско-татарской проблематике было посвящено 44 публикации. При этом наибольшее количество записей в отношении крымских приходится на 2014 г. и составляет 15 заявлений (рис. 1).

По содержанию заявления можно условно классифицировать на пять тематических блоков:

1. Непризнание воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.
2. «Притеснения прав» крымских татар и межджиса крымско-татарского народа на территории Крыма со стороны российского руководства.
3. Депортация крымских татар в 1944 г.
4. Оказание гуманитарной помощи крымским татарам в рамках реализуемой турецкой «мягкой силы».
5. Поддержка Украины в ее инициативах по противодействию реинтеграции Крыма в состав Российской Федерации.

Общая черта указанных категорий — формирование имиджа Турецкой Республики

как защитника интересов прав крымских татар, а также указание значимости для Анкары проблем крымских татар. Это проявляется в таких смысловых конструкциях, как «Давутоглу заявил, что крымско-татарские турки являются основной составляющей Крыма, и обратил внимание на то значение, которое Турция придает благополучию крымско-татарских турок»¹⁸, «безопасность и благополучие крымско-татарских турков являются для нас приоритетом»¹⁹, «Турция, как и всегда, будет поддерживать крымско-татарских турок»²⁰, «мы неоднократно подчеркивали нашу щепетильность в отношении обеспечения безопасности и защиты крымско-татарских турок»²¹, «в ходе встречи обсуждалась ситуация на Украине и в Крыму, а также поддержка Турцией крымско-татарских турок»²², «Турция продолжает сегодня, как и в прошлом, поддерживать крымско-татарских

турок»²³, «Турция не признает незаконную аннексию Крыма и продолжит поддерживать крымских татар»²⁴.

Схожая риторика прослеживается и в турецком информационном пространстве. Мониторинг публикаций информационного агентства «Анадолу» по крымско-татарской проблематике с 2014 г. по октябрь 2021 г. позволил определить особенности интерпретации процессов, происходящих на территории Крыма. Основная тема публикаций СМИ Турецкой Республики — права человека на территории Крыма. В турецком медийном дискурсе Россия выступает государством, которое проводит достаточно жесткую политику «запугивания» крымских татар. В качестве аргументов приводятся заявления МИД Украины²⁵, представителей запрещенного в России меджлиса крымско-татарского народа²⁶ и членов правозащитных организаций²⁷. СМИ возлагают вину за инциденты «насилия» на российские органы власти. При этом Турция позиционируется как защитник крымских татар. Турецкие журналисты информируют общественность о негативной реакции МИД Турции на российскую политику в

¹⁸ The Fourth Turkish-Russian Joint Strategic Planning Group Meeting Held in Moscow // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: <https://www.mfa.gov.tr/the-fourth-turkish-russian-joint-strategic-planning-group-meeting-held-in-moscow.en.mfa> (accessed: 01.11.2021).

¹⁹ No: 255, 29 July 2014, Press Release Regarding the Treatment of Some Crimean Tatar Turk Patients in Turkey // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-255_-29-july-2014_-press-release-regarding-the-treatment-of-some-crimean-tatar-turk-patients-in-turkey.en.mfa (accessed: 01.11.2021).

²⁰ No: 231, 7 July 2014, Press Release Regarding the Mounting Pressure and Unlawful Practices against the Crimean Tatar National Assembly and the Crimean Tatars // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-231_-7-july-2014_-press-release-regarding-the-mounting-pressure-and-unlawful-practices-against-the-crimean-tatar-national-assembly-and-the-crimean-tatars.en.mfa (accessed: 01.11.2021).

²¹ No: 126, 23 April 2014, Press Release Concerning the Attack against the Crimean Tatar National Assembly // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: <https://www.mfa.gov.tr/no-126-23-april-2014-press-release-concerning-the-attack-against-the-crimean-tatar-national-assembly.en.mfa> (accessed: 01.11.2021).

²² Deputy Minister of Foreign Affairs Ambassador Ahmet Yıldız Received Mustafa Kırımoglu, Leader of Crimean Tatar Turks, 4 July 2017 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakan-yardimcisinin-kirimoglu-nu-kabulu_en.en.mfa (accessed: 01.11.2021).

²³ No: 217, 19 September 2020, Press Release Regarding the Conviction of Crimean Tatars // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-217_-kirim-tatarlarina-yonelik-mahkumiyet-karari-hk.en.mfa (accessed: 01.11.2021).

²⁴ No: 62, 18 February 2021, Press Release Regarding the Detentions That Took Place in Crimea Yesterday // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-62_-kirim-da-dun-gerceklezen-gozalti-uygulamalari-hk.en.mfa (accessed: 01.11.2021).

²⁵ Yavuz T. Another Crimean Tatar Arrested by Russia: Ukraine // Anadolu Agency. September 8, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/another-crimean-tatar-arrested-by-russia-ukraine/2358938> (accessed: 01.11.2021).

²⁶ Yavuz T. 'Int'l Society Failed to React to Annexation of Crimea' // Anadolu Agency. March 16, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/intl-society-failed-to-react-to-annexation-of-crimea/2177807> (accessed: 01.11.2021).

²⁷ Sajid I. Rights Activist Accuses Russia of 'Inhuman Tactics' against Crimean Tatars // Anadolu Agency. June 23, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/rights-activist-accuses-russia-of-inhuman-tactics-against-crimean-tatars/2283245> (accessed: 01.11.2021).

Крым²⁸, инициативах Турецкой Республики по урегулированию крымско-татарского вопроса на дипломатическом уровне²⁹, а также о различных проектах, направленных на оказание материальной помощи крымским татарам³⁰. Показательными являются и заголовки публикаций турецкого издания: «Российские силовики арестовали более 50 человек в Крыму»³¹, «Турция продолжит поддерживать крымских татар»³², «Турция обеспокоена политическими судебными процессами и арестами татар»³³, «Турция не признает аннексию Крыма»³⁴, «Отчет свидетельствует о нарушении Россией прав крымских татар»³⁵, «Турция призывает расследовать смерть крымского татарина»³⁶.

²⁸ Kazancı H. Turkey Reiterates Rejection of Crimea's Annexation // Anadolu Agency. March 16, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkey-reiterates-rejection-of-crimeas-annexation/2177783> (accessed: 01.11.2021).

²⁹ Aydoğan M. Turkey Calls for Diplomacy to Resolve Crimea Issue // Anadolu Agency. August 23, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkey-calls-for-diplomacy-to-resolve-crimea-issue/2343701> (accessed: 01.11.2021).

³⁰ Kazancı H. Turkey to Build 500 Buildings in Ukraine // Anadolu Agency. April 11, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkey-to-build-500-buildings-in-ukraine-/2204916> (accessed: 01.11.2021).

³¹ Duz Z. N. Russian Security Forces Arrest More Than 50 People in Crimea // Anadolu Agency. September 5, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/russian-security-forces-arrest-more-than-50-people-in-crimea/2355679> (accessed: 01.11.2021).

³² Aliyev J. 'Turkey to Continue to Stand by Crimean Tatars' // Anadolu Agency. May 18, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkey-to-continue-to-stand-by-crimean-tatars/2245602> (accessed: 01.11.2021).

³³ Dağ B. Turkey Concerned by Political Trials, Arrest of Tatars // Anadolu Agency. March 13, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkey-concerned-by-political-trials-arrest-of-tatars/2174571> (accessed: 01.11.2021).

³⁴ Kazancı H. Turkey Not to Recognize Annexation of Crimea // Anadolu Agency. June 7, 2018. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkey-not-to-recognize-annexation-of-crimea/1168886> (accessed: 01.11.2021).

³⁵ Report Shows Russian Violation of Crimean Tatars' Rights // Anadolu Agency. June 16, 2015. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/report-shows-russian-violation-of-crimean-tatars-rights/36012> (accessed: 01.11.2021).

³⁶ Turkey Urges Investigation into Death of Crimean Tatar // Anadolu Agency. March 19, 2014.

Необходимо отметить, что современная идеология внешней политики Турции — это триединая система, основанная на использовании идей неоосманизма, пантюркизма и панисламизма. Крымско-татарский вопрос выступает в этой системе одним из ключевых элементов воздействия на геополитические позиции РФ в Черноморском регионе в области реальной политики. При этом, используя риторику защиты прав человека и интересов национальных меньшинств, Анкара подвергает внешнеполитический имидж России существенной критике на различных международных площадках, включая ГА ООН. При этом в противовес этой критике Турция автоматически становится защитником народов всего «тюркского мира», позиционируя себя лидером всех мусульман, создавая новый «более справедливый мировой порядок»³⁷.

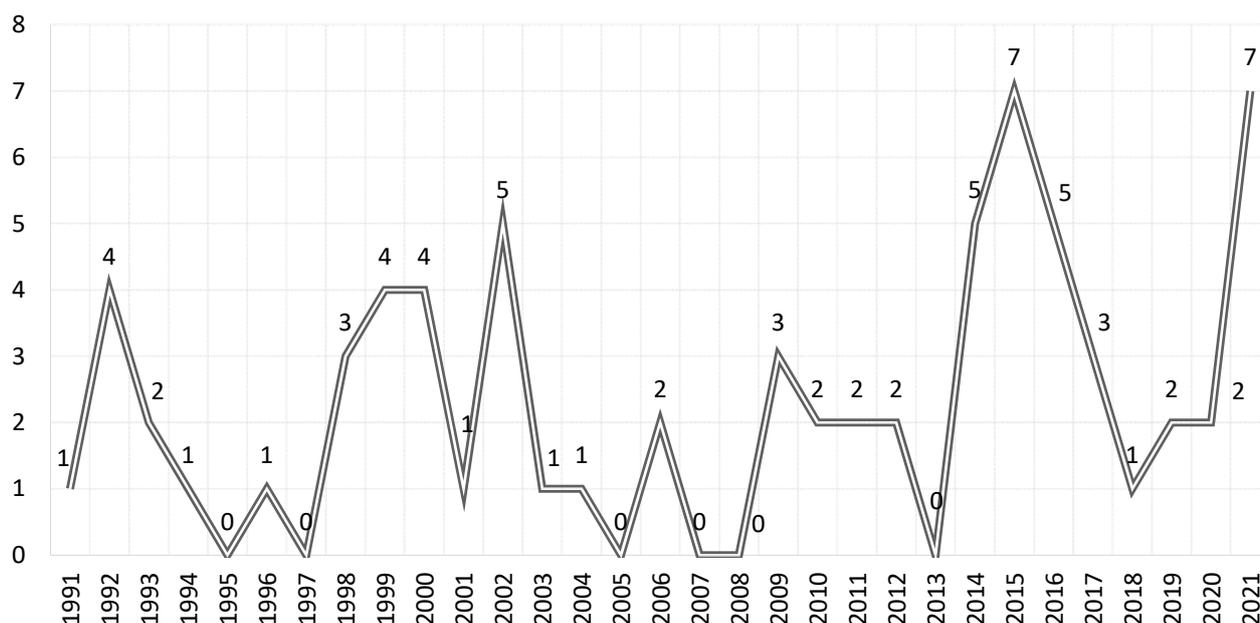
Политика Украины в отношении крымских татар

Воссоединение Крыма с Россией спровоцировало актуализацию на новом уровне крымско-татарской проблематики и использование крымских татар в качестве элемента в системе противодействия реинтеграции Крыма в геополитическое пространство РФ. Условно украинские механизмы влияния в отношении данного народа можно классифицировать по трем основным направлениям:

1) демонстрация решения крымско-татарского вопроса на законодательном уровне после «Крымской весны» 2014 г. Максимальные политические маневры в этом направлении сводятся к обещаниям со стороны украинской элиты перспективы приобретения статуса национальной автономии, которая может, в свою очередь, перерасти в строительство национального государства в Крыму;

URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkey-urges-investigation-into-death-of-crimean-tatar/173391> (accessed: 01.11.2021).

³⁷ Выступление президента Турецкой Республики г-на Реджепа Тайипа Эрдогана // ООН. 24.09.2019. С. 23—30. URL: <https://undocs.org/ru/A/74/PV.3> (дата обращения: 02.11.2021).

Рис. 2. Динамика публикаций документов по крымско-татарской проблематике в базе данных «Законодательство Украины», 1991—2021 гг.

Источник: составлено авторами по данным: Законодавство України // Верховна Рада України. Офіційний вебпортал парламенту України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws> (дата обращения: 04.11.2021).

2) взаимодействие с членами меджлиса крымско-татарского народа для дестабилизации ситуации на полуострове;

3) формирование информационной системы о «дискриминации» крымско-татарского народа со стороны российских органов власти.

Мониторинг базы данных сайта Верховной Рады (ВР) Украины продемонстрировал, что с 2014 г. по настоящее время было опубликовано 34 документа, в которых упоминались крымские татары. Интерес представляет тот факт, что с 1991 до 2014 г. было опубликовано 39 документов (рис. 2).

Содержательная составляющая более ранних документов значительно отличается от украинских законов, указов, постановлений, которые были приняты после 2014 г. В украинский период истории Крыма преобладали документы, касающиеся экономической (выделение денежных средств для обустройства крымских татар) и культурной сфер. Исключением является указ 1999 г. Л.Д. Кучмы о Совете представителей крымских татар при президенте Украины. Данная структура достаточно эффективно использовалась им для

установления контроля над крымско-татарской политической элитой³⁸.

Исследование нормативно-правовой базы Украины 2014—2021 гг. в отношении крымских татар позволяет обозначить нововведения, которые были приняты исключительно после восстановления российской юрисдикции над Крымом:

1. Крымские татары, караимы и крымчаки признаны коренными народами Украины. Согласно закону 2021 г., представители данных национальных групп обладают на Украине широкими культурными, экономическими, образовательными и языковыми правами³⁹.

2. На Украине ежегодно 18 мая отмечаются День борьбы за права крымско-татарского народа⁴⁰ и День памяти жертв «геноцида крымско-татарского народа»⁴¹.

³⁸ Указ Президента України «Про Раду представників кримськотатарського народу» // Верховна Рада України. 26.08.2010. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/518/99#Text> (дата обращения: 01.11.2021). См. также: (Демешко, 2018, с. 88).

³⁹ Закон України «Про корінні народи України» // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1616-20#Text> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴⁰ Указ Президента України «Про День боротьби за права кримськотатарського народу» // Верховна Рада

3. Депортация крымских татар 1944 г. признана «геноцидом крымско-татарского народа»⁴².

4. Учрежден пост уполномоченного президента Украины по делам крымско-татарского народа⁴³.

5. Внесены изменения в Положение о совете крымско-татарского народа⁴⁴, а именно: установлена связь данной структуры с межджлисом. Так, председателем совета назначается глава межджлиса крымско-татарского народа и он же утверждает персональный состав совета⁴⁵.

6. Разработка проектов законов Украины и нормативно-правовых актов в отношении национальных меньшинств должна осуществляться через консультации с межджлисом⁴⁶.

Помимо указанных нововведений украинская элита для выстраивания коммуникации с данной организацией предоставляет ее членам должности на различных уровнях государственной власти. С 2014 по 2019 г. экс-председатель межджлиса крымско-татарского народа М. Джемилев занимал должность уполномоченного по делам крымско-татарского народа⁴⁷. Основной его функ-

цией являлось обеспечение соблюдения конституционных прав крымских татар. Представители межджлиса также получают депутатские мандаты в ВР Украины (Демешко, 2020, с. 170—171).

Интересным фактом является и то, что, несмотря на все заигрывания украинской политической элиты с крымскими татарами, после 2014 г. проявились и пределы этих политических маневров, так как экс-президент Украины П. Порошенко не выполнил свое обещание о создании крымско-татарской автономии (Гросфельд, Харабуга, 2017, с. 58).

Следующая особенность политики Украины — стремление продемонстрировать «угнетаемое» положение крымских татар в РФ. Данное направление реализуется в большей степени через деятельность Министерства информационной политики Украины, Украинского института национальной памяти, МИД Украины, общественных организаций и СМИ.

Указанные структуры проводят мероприятия и информационные проекты⁴⁸, посвященные крымской проблематике и защите прав человека на полуострове⁴⁹. Примечательно, что в украинских СМИ, а также в отчетах правозащитных общественных организаций на постоянной основе фигурируют примеры «нарушения» прав крымских татар и «уничтожения» их культурного наследия (Демешко, 2020, с. 179—180). Кроме того, уголовные дела в отношении представителей данного народа и украинских радикалов трактуются исключительно как преследования граждан

України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/472/2014#Text> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴¹ Постанова Верховної Ради України «Про визнання геноциду кримськотатарського народу» // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/792-19#Text> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴² Там же.

⁴³ Указ Президента України «Про Уповноваженого Президента України у справах кримськотатарського народу» // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/656/2014#Text> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴⁴ Указ Президента України «Про Положення про Раду представників кримськотатарського народу» // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/573/2000#Text> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴⁵ Указ Президента України «Питання Ради представників кримськотатарського народу» // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/194/2015#Text> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴⁶ Постанова Верховної Ради України «Про Заяву Верховної Ради України щодо гарантії прав кримськотатарського народу у складі Української Держави» // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1140-18> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴⁷ Указ Президента України № 278/2019 «Про звільнення М. Джемилєва від виконання обов'язків

Уповноваженого Президента України у справах кримськотатарського народу» // Президент України. Офіційне інтернет-представництво. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/2782019-27045> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴⁸ Виставка «Вкрадений Крим. Історія депортації» до Дня пам'яті жертв геноциду кримських татар // Міністерство культури та інформаційної політики України. 20.05.2019. URL: <https://mkip.gov.ua/gallery/178.html> (дата обращения: 01.11.2021).

⁴⁹ Міністерство інформаційної політики підтримує проект щодо захисту прав кримських татар // Міністерство культури та інформаційної політики України. 06.10.2015. URL: <https://mkip.gov.ua/ru/news/684.html> (дата обращения: 01.11.2021).

по политическим причинам. При этом объективная причина задержания — причастность данных людей к деятельности запрещенной на территории РФ организации «Хизб ут-Тахрир» (Гросфельд, Харабуга, 2017, с. 61). Реконструкция Бахчисарайского ханского дворца также интерпретируется исключительно в негативном ключе и позиционируется украинскими СМИ как преднамеренное «уничтожение» культуры крымских татар⁵⁰.

Наряду с формированием представлений о «дискриминации» крымских татар на полуострове Украина стремится продемонстрировать преимущество политики РФ в отношении крымских татар с национальной политикой Российской империи и Советского Союза. Значительный вклад в формирование негативных представлений о совместной истории России и крымских татар вносит Украинский институт национальной памяти (Малиновська, 2019, с. 46). Другие организации также работают над искажением исторического прошлого России и крымских татар. Так, Крымским институтом стратегических исследований совместно с информационным агентством QNA и Крымско-татарским культурно-спортивным центром «Куреш» был реализован культурный проект «Крым и Юг Украины — пространство культур», который направлен на разрушение «мифа о „Новороссии“»⁵¹. Авторы данного проекта считают этот термин «искусственно навязанным» понятием, которое якобы используется для экспансии «русского мира» и дестабилизации ситуации на Украине.

Киев актуализирует проблему «дискриминации» крымско-татарского народа не только на внутрисоветском, но и международном уровне. Верховная Рада с 2014 г.

регулярно обращается в ООН, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ), Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) и к отдельным представителям международного сообщества по поводу «нарушений прав и свобод» крымских татар со стороны РФ (Демешко, 2020, с. 165—166, 176—178).

В 2021 г. Украина вышла на новый уровень интернационализации крымско-татарского вопроса. В феврале указанного года В. Зеленский постановил образовать и утвердить состав организационного комитета по подготовке и проведению на Украине саммита «Крымская платформа»⁵². Примечательно, что в указе президента помимо организационных вопросов платформы содержатся инструкции по «развитию» крымско-татарского языка, а именно — утверждению алфавита на основании латинской графики, что также является одним из элементов ослабления культурных связей России и крымских татар. Представляет интерес и организационный комитет «Крымской платформы». В его состав входили 14 человек, трое из которых — представители крымско-татарского народа.

Открытие саммита состоялось 23 августа 2021 г. В нем приняли участие представители 46 государств и международных организаций⁵³. Крымско-татарская проблематика являлась одной из ключевых на данном мероприятии. Об этом свидетельствует расположение тематических блоков панельных дискуссий, их названия, а также функционирование официального сайта платформы на трех языках: украинском, английском и крымско-татарском.

⁵⁰ Шуткевич О. Культурна спадщина: анексована, втрачена, розкрадена // День. 31.10.2018. URL: <https://day.kyiv.ua/uk/article/den-ukrayiny/kulturna-spadshchyna-aneksovana-vtrachena-rozkradena> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵¹ «Крым и Юг Украины — пространство культур»: в Киеве презентовали новый культурный проект // Qırım Haber Ajansı. 24.10.2018. URL: <http://old.qha.com.ua/ru/politika/krim-i-yug-ukraini-prostranstvo-kultur-v-kieve-prezentovali-novii-kulturnii-proekt/196017/> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵² Указ Президента України «Про окремі заходи, спрямовані на деокупацію та реінтеграцію тимчасово окупованої території Автономної Республіки Крим та міста Севастополя» // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/78/2021#Text> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵³ Юрченко Е. Саммит «Крымская платформа»: в Киеве высокие делегации обсуждали возвращение Крыма под контроль Украины // Крым. Реалии. 24.08.2021. URL: <https://ru.krymr.com/a/sammit-krymskaya-platforma-kiev/31423612.html> (дата обращения: 01.11.2021).

Так, первая тема обсуждения напрямую касалась крымских татар и была обозначена организаторами достаточно «сильным» с точки зрения смысловой нагрузки названием: «Колонизация XXI века: преодоление последствий и восстановление прав крымско-татарского народа как инструмент деокупации Крыма». Во время второй дискуссии «Реинтеграция Крыма: через защиту прав человека и устойчивое развитие» также были рассмотрены вопросы «нарушения прав человека» на территории полуострова, «дискриминация» украинцев и крымских татар российской властью. Символично и открытие саммита «Крымская платформа» выступлением крымско-татарской певицы с песней о депортации крымских татар⁵⁴.

С 2021 г. «Крымская платформа» выступает одним из ключевых внешнеполитических инструментов Украины по консолидации международных усилий, направленных на «деокупацию» Крыма⁵⁵. При этом украинским руководством в данном вопросе ставка делается именно на крымско-татарский вопрос и «притеснения» прав крымских татар и украинцев.

Украина, таким образом, после «Крымской весны» всячески использует крымско-татарскую проблематику для привлечения внимания международного сообщества к крымскому вопросу и восстановления своей юрисдикции над Крымом. При этом действия Украины по решению крымско-татарского вопроса в большей степени носят манипулятивный характер, поскольку украинская политическая элита начала принимать меры по решению крымско-татарской проблематики именно в тот момент, когда полуостров стал частью Российской Федерации. Схожая имитационная политика проводится и в отношении всего Крыма. Об этом свидетельствует создание украинским политическим руковод-

ством органов исполнительной власти Крыма, якобы ответственных за проведение украинской политики на полуострове (Бредихин, 2017, с. 41). Однако реальная работа подобными ведомствами по понятным причинам не осуществляется.

Крымские татары — «мост дружбы» между Турцией и Украиной

Значение крымско-татарского фактора в турецко-украинском сотрудничестве после 2014 г. подтверждают совместные проекты, основными реципиентами которых выступают крымские татары. Мониторинг нормативно-правовой базы и материалов СМИ продемонстрировал, что основными направлениями сотрудничества Турции и Украины по крымско-татарскому вопросу выступают следующие:

- 1) «защита» прав крымских татар;
- 2) гуманитарная помощь крымским татарам со стороны Турецкой Республики;
- 3) проекты в культурно-образовательной сфере.

Турецкая Республика не ограничивается исключительно устным форматом «защиты» прав крымских татар, предпринимая конкретные шаги в данном направлении. Так, в 2017 г. Р.Т. Эрдоган сыграл ключевую роль в освобождении заместителей председателя меджлиса крымско-татарского народа — И. Умерова и А. Чийгоза. Против первого было возбуждено уголовное дело по причине публичного призыва к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. В свою очередь, А. Чийгоз был обвинен в организации массовых беспорядков на митинге 26 февраля 2014 г., в преддверии референдума о вхождении Крыма в состав Российской Федерации⁵⁶. Примечательным является и то, что именно к Р.Т. Эрдогану с вопросом об освобождении украинских и крымско-татарских деятелей обращаются В. Зеленский⁵⁷ и так называемый «лидер»

⁵⁴ Крымские посиделки // Lenta.ru. 25.08.2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/08/25/krym_plat/ (дата обращения: 03.11.2021).

⁵⁵ Указ Президента України № 117/2021 // Президент України. Офіційне інтернет-представництво. 11.03.2021. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/1172021-37533> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵⁶ Умеров и Чийгоз встретились с Эрдоганом // Qırım Haber Ajansı. 26.10.2017. URL: <http://old.qha.com.ua/ru/obschestvo/umerov-i-chiigoz-vstretilis-s-erdoganom/181197/> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵⁷ Президент України провів телефонну розмову з Президентом Турецької Республіки // Президент

крымско-татарского народа, известный диссидент, экс-председатель меджлиса М. Джемилев⁵⁸. Следует отметить, что меджлис и М. Джемилев обладают достаточно высоким уровнем уважения на территории Турции. Это активно используется украинской стороной для налаживания эффективной коммуникации с Анкарой, поскольку представители данной организации регулярно включаются в украинские делегации для проведения переговоров с Турецкой Республикой.

Помимо этого, Турция на постоянной основе поддерживает украинские инициативы, направленные на актуализацию прав крымских татар. Так, в апреле 2021 г. президенты двух государств подписали декларацию по итогам девятого заседания Стратегического совета высокого уровня⁵⁹. В данном документе четко обозначено, что Турция поддерживает создание ранее упомянутой «Крымской платформы». Более того, государства намереваются усилить совместные действия по улучшению условий проживания крымских татар, которые покинули полуостров в результате его якобы «временной оккупации». Данная задача в настоящий момент решается посредством рамочного соглашения между правительствами Украины и Турции о сотрудничестве в сфере строительства жилья⁶⁰.

України. Офіційне інтернет-представництво. 22.08.2021. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/prezident-ukrayini-proviv-telefonnu-rozmovu-z-prezidentom-tu-70245> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵⁸ Эрдоган мне лично сказал, что сделает все возможное, — Джемилев об освобождении политзаключенных // Громадське. 24.10.2018. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/erdohan-mne-lychno-skazal-chto-sdelaet-vse-vozmozhnoe-dzhenylev-ob-osvobozhdeniyu-polytzakliuchennykh> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵⁹ Спільна декларація Дев'ятого засідання Стратегічної ради високого рівня між Україною та Турецькою Республікою // Президент України. Офіційне інтернет-представництво. 10.04.2021. URL: <https://www.president.gov.ua/news/spilna-deklaraciya-devyatogo-zasidannya-strategichnoyi-radi-67909> (дата обращения: 01.11.2021).

⁶⁰ Рамкова Угода між Урядом України та Урядом Турецької Республіки про співробітництво у сфері будівництва житла для представників кримськотатарського народу та пільгових категорій громадян України // Верховна Рада. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/792_001-21#n2 (дата обращения: 01.11.2021).

По условиям соглашения Турция предоставит Украине помощь в строительстве 500 квартир в Киеве, Николаеве и Херсоне. Для крымских татар предназначено 450 квартир, а остальные будут переданы льготным категориям граждан.

Также Анкара, апеллируя к необходимости оказания помощи крымским татарам, активно действует на территории Украины, используя «мягкую силу» и тем самым популяризируя турецкую культуру. Данное направление турецкой политики реализуется через деятельность Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА), культурного центра им. Юнуса Эмре и Фонда просвещения Турции «Маариф» (ТМВ).

После окончания холодной войны турецкое руководство начало применять новые методы продвижения своей внешней политики. В январе 1992 г. было учреждено Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. С 1994 г. именно эта структура начинает курировать практически все «донорские» проекты Турецкой Республики (Akıllı & Çelenk, 2019). Основные направления деятельности ТИКА не изменились, но после 2014 г. все проекты реализуются исключительно на территории Украины (Ирхин, Демешко, 2019). С момента воссоединения Крыма с Россией ТИКА были открыты крымско-татарский культурный центр⁶¹, исследовательский центр имени И. Гаспринского⁶², Центр исследований истории турецкого и крымско-татарского народов⁶³, Дом культуры татар в Киеве⁶⁴,

⁶¹ Джемилев и ТИКА открыли крымскотатарский культурный центр // Qırım Haber Ajansı. 22.10.2016. URL: <http://old.qha.com.ua/ru/photo/djemilev-i-tika-otkrili-krimskotatarskii-kulturnii-tsentr/28489/#1> (дата обращения: 04.11.2021).

⁶² Первая леди Турции открыла исследовательский центр имени Гаспринского // Ислам в Украине. 10.10.2017. URL: <https://islam.in.ua/ru/novosti-v-strane/pervaya-ledi-turcii-otkrila-issledovatel'skiy-centr-imeni-gasprinskogo> (дата обращения: 04.11.2021).

⁶³ Историю турецкого и крымскотатарского народов будут исследовать в Центре при КНУ // Qırım Haber Ajansı. 19.10.2018. URL: <http://old.qha.com.ua/ru/photo/istoriyu-turetskogo-i-krimskotatarskogo-narodov-budut-issledovat-v-tsentre-pri-knu/30441/#1> (дата обращения: 04.11.2021).

⁶⁴ Turkey Keeps Breaking Records in Humanitarian Aid and Development Assistance // ТИКА. URL:

а также Институт востоковедения на базе Таврического национального университета им. В.И. Вернадского⁶⁵. Помимо этого, ТИКА оказывало материальную помощь дошкольным и средним учебным заведениям⁶⁶, а также отдельным крымско-татарским семьям⁶⁷.

Институт им. Юнуса Эмре с момента своего создания в 2009 г. вносит значимый вклад в популяризацию турецкого языка и культуры за рубежом. Филиал данной организации функционирует и в Киеве. Институт проводит курсы турецкого языка и ежегодно организует сотни концертов, выставок, конкурсов, кинофестивалей, научных и иных мероприятий. Также деятельность культурного центра в Киеве явно направлена на формирование негативной интерпретации истории России и крымских татар. В 2019 г. данной организацией было проведено мероприятие, посвященное деятельности крымско-татарского писателя, общественного деятеля, одного из лидеров и идеологов национально-освободительного движения крымских татар Дж. Сейдамета Кырымера, который являлся министром иностранных дел в правительстве М.А. Сулькевича, поддержанного немецким военным командованием в годы Гражданской войны. В последующем Кырымер эмигрировал в Турцию и до конца своих дней не прекращал писать и говорить на тему «угнетения» крымских татар и других «порабощенных» народов в Советском Союзе⁶⁸.

https://www.tika.gov.tr/en/news/turkey_keeps_breaking_records_in_humanitarian_aid_and_development_assistance-49351 (accessed: 04.11.2021).

⁶⁵ An Oriental Studies Institute Was Established in Ukraine's Taurida National University // ТИКА. URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/an_oriental_studies_institute_was_established_in_ukraine%27s_taurida_national_university-48706 (accessed: 04.11.2021).

⁶⁶ ТИКА Supports the Education Infrastructure of Ukraine // ТИКА. URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/tika_supports_the_education_infrastructure_of_ukraine-61416 (accessed: 04.11.2021).

⁶⁷ Erenler Sofrası Reaches 1,500 Families in Ukraine // ТИКА. URL: https://www.tika.gov.tr/en/news/erenler_sofrasi_reaches_1_500_families_in_ukraine-62863 (accessed: 04.11.2021).

⁶⁸ В Киеве в Институте Юнуса Эмре вспоминали одного из идеологов национально-освободительного движения крымских татар Джафера Сейдамета //

Фонд просвещения Турции «Маариф» был основан в июне 2016 г. — за месяц до попытки военного переворота, предпринятой террористической организацией «Параллельное государство» Ф. Гюлена. Изначально ТМВ сосредоточил свои усилия на передаче под свой контроль образовательных структур, открытых сторонниками Ф. Гюлена. В 2021 г. Турция и Украина подписали соглашение об оказании поддержки в работе данной организации на территории Украины⁶⁹. В настоящий момент фонд является основным инструментом экспорта турецкого образования в иностранные государства.

Таким образом, Турция рассматривает крымских татар не только как тюркский фактор в отношениях с Украиной и Россией, но и как возможность оказывать значительное влияние на баланс сил в Черноморском регионе. Примечательно, что подобную риторику поддерживают и представители украинской политической элиты. К примеру, заместитель министра иностранных дел Украины Э. Джемпар (крымская татарка по происхождению) неоднократно заявляла об «исторических связях» между двумя государствами и отмечала, что «Украина — наследница турецкой культуры. Крымские татары — мостик между Украиной и Турцией»⁷⁰.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, действия Турции в отношении крымско-татарского народа можно

Ислам в Украине. 24.04.2019. URL: <https://islam.in.ua/ru/novosti-v-strane/v-kieve-v-institute-yunusa-emre-vspominali-odnogo-iz-ideologov-nacionalno> (дата обращения: 01.11.2021).

⁶⁹ Спільна декларація Дев'ятого засідання Стратегічної ради високого рівня між Україною та Турецькою Республікою // Президент України. Офіційне інтернет-представництво. 10.04.2021. URL: <https://www.president.gov.ua/news/spilna-deklaraciya-devyatogo-zasidannya-strategichnoyi-radi-67909> (дата обращения: 01.11.2021).

⁷⁰ Стало известно о присоединении Украины к тюркским странам // Украина.ру. 08.10.2021. URL: <https://ukraina.ru/news/20211008/1032426545.html> (дата обращения: 01.11.2021).

охарактеризовать как политику двойных стандартов. Данный тезис подтверждает национальная политика Турецкой Республики, которая в большей степени направлена на аккультурацию и ассимиляцию представителей других национальных групп, проживающих на территории Турции. Одновременно с этим на международной арене руководство Партии справедливости и развития позиционирует себя в качестве «защитника» всех мусульман мира, в том числе и крымских татар. Амбивалентный характер действий Анкары проявляется и в ее взаимодействии как с межджлисом крымско-татарского народа, так и с пророссийскими представителями крымских татар. Учитывая неоднородность и полярность политических предпочтений крымско-татарского этноса, Турция, скорее всего, предпринимает данные инициативы для сохранения влияния в крымско-татарской среде и усиления своих позиций как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровнях.

Во-вторых, Украина рассматривает крымско-татарский вопрос как один из наиболее значимых элементов в системе противодействия реинтеграции Крыма и г. Севастополь в состав Российской Федерации. При этом для дестабилизации ситуации в Крыму украинским руководством делается ставка на взаимодействие с межджлисом крымско-татарского народа. Однако политический союз украинской и крымско-татарской политических элит является ситуативным и, по всей видимости, недолговременным, поскольку одновременное существование двух националистических проектов возможно при условии наличия общего внешнего врага, которым в данном случае объявляется Россия.

В-третьих, характерной чертой турецко-украинского сотрудничества по крымско-

татарской проблематике является конструирование негативного образа России через дискредитацию ее действий в отношении крымских татар. Более того, Анкара и Киев формируют представления о некоей преемственности Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации в «нарушении» прав данного народа. При этом условный турецко-украинский союз позиционирует себя в качестве «защитника» крымских татар от «российской агрессии».

В-четвертых, крымско-татарская проблематика будет и в дальнейшем разыгрываться Турцией, Украиной и другими государствами и державами для ослабления позиций России в Черноморском регионе. В этих условиях политическое руководство РФ федерального и регионального уровней должно продолжать проводить системную работу по интеграции крымских татар в российское пространство с учетом понимания технологий внешнего деструктивного влияния. В этом механизме интеграции на первом этапе необходимо в логике «вызов — ответ» разработать и реализовать интеграционные технологии с долговременным политическим эффектом. Второй этап данных механизмов должен проистекать из логики ответных действий на деструктивное внешнее влияние и предполагать инициативную программу формирования новой общероссийской идентичности в условиях начавшегося пересмотра российским руководством итогов холодной войны. На обобщающем уровне этот механизм, который пока не получил концептуального и доктринального оформления в РФ, уже конкурирует с хорошо формализованными на концептуально-доктринальном уровне идеями тюркского (*Türk dünyası*) и западного мира (*the West*).

Поступила в редакцию / Received: 16.11.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 08.10.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Аватков В. А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 3. С. 219—225.
- Аватков В. А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. 2018. № 2. С. 11—25. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2018.2.26047>

- Ахмадеев К. Н. Турецкий фактор в крымско-татарском этнополитическом процессе // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 27—30.
- Баранов А. В. Геополитическая роль Крыма и Севастополя в Черноморско-Средиземноморском регионе (2014—2018 гг.) // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 10. С. 90—97.
- Белякова Н. С. Крым и российско-турецкие отношения // Россия и мусульманский мир. 2015. № 9. С. 37—46.
- Бредихин А. Крымскотатарский вопрос во внешней политике украинских властей (2014—2017 гг.) // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4 (37). С. 37—47.
- Гросфельд Е. В., Харабуга В. В. Деятельность Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 год) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2017. Т. 3 (69), № 2. С. 55—64.
- Демешко Н. Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: дис. ... канд. полит. наук. Симферополь : СевГУ, 2020.
- Демешко Н. Э. Украинские президенты и крымские татары: проблемы, обещания, итоги // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. № 1. С. 85—96.
- Ирхин А. А. США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз. Севастополь : Рибест, 2016.
- Ирхин А. А., Демешко Н. Э. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы. 2019. № 2 (18). С. 37—49. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/krymskij_aspekt_rossijsko-tureckih_otnoshenij_factory_magkoj_i_zhestkoj_sily_2019-08-28.htm (дата обращения: 02.11.2021).
- Коробов А. А., Сметанников С. С. Влияние Турции на региональные политические процессы Республики Крым: конструктивный анализ // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 4 (49). С. 24—33.
- Малиновська Н. Кримські траєкторії у публічній політиці на материковій частині України: конструкція наративу етнічної політики після 2014 року // Ідеологія і політика. 2019. № 1 (12). С. 41—59.
- Шевчук О. Г. Турецкий фактор этнополитической ситуации в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2007. Вып. 2. С. 131—135.
- Akılı E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2019. Vol. 21, no. 3. P. 135—151. <https://doi.org/10.25253/99.2018EV.05>
- Allworth E. The Tatars of Crimea: Return to the Homeland. Durham, London : Duke University Press, 1998.
- Aydın F. T. Crimean Tatars and Russia's Annexation of Crimea // Turkish Policy Quarterly. 2014. Vol. 13, no. 3. P. 81—92.
- Fisher A. W. Between Russians, Ottomans, and Turks: Crimea and Crimean Tatars. Piscataway : Gorgias Press, 2010.
- Fisher A. W. The Crimean Tatars. Stanford : Hoover Institution Press, 1978.
- Koçak M. Crimea and the Crimean Tatars after Annexation by Russia // Seta Perspective. 2014. No. 9. P. 1—6.
- Özçelik Z. The Russian Occupation of Crimea in 2014: The Second Sürgün (The Soviet Genocide) of the Crimean Tatars // Troyacademy. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 29—44. <https://doi.org/10.31454/usb.721939>
- Uehling G. L. Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return. New York : Palgrave Macmillan, 2004.
- Williams B. G. The Crimean Tatars: From Soviet Genocide to Putin's Conquest. New York : Oxford University Press, 2016.
- Williams B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden, Boston, Köln : Brill, 2001.
- Wilson A. The Crimean Tatar Question: A Prism for Changing Nationalisms and Rival Versions of Eurasianism // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2017. Vol. 3, no. 2. P. 1—45.

Сведения об авторах: Демешко Наталья Эдуардовна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; ORCID: 0000-0002-9620-2410; e-mail: natalidem93@mail.ru
Ирхин Александр Анатольевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политические науки» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; ORCID: 0000-0001-7895-550X; e-mail: alex.irhin@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-771-787

Научная статья / Research article

Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства

Г. Шумкоски

Независимый исследователь, Скопье, Македония

 goran.sumkoski@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются механизмы квазидобровольного и принудительного распространения неолиберальных моделей развития на глобальном уровне через целенаправленную деятельность и повестку международных организаций. В настоящее время легитимность как самого процесса продвижения глобального неолиберализма, так и его результатов выглядит противоречивой и широко оспаривается. Данный процесс сопровождался продолжительной эрозией государственного суверенитета, мандатов и полномочий национальных государств. Как результат — «вакуум» в их способности полноценно реализовывать доктрину суверенного государства. Однако сегодня в условиях перехода к многополярному миропорядку государства вновь заявляют о необходимости реализации суверенных подходов к собственному развитию, активно формируя альтернативные неолиберализму стратегии и оперативные планы развития. Проанализированы неолиберальные модели вмешательства в дела государств, а также те сферы, где произошло наибольшее ослабление государственных полномочий. Выдвигается тезис о необходимости формулирования государствами независимых национальных моделей развития, альтернативных насаждаемым неолиберальным программам. Это предполагает обеспечение широких идеологических и философских основ и понимания сути суверенного развития. Для разработки и реализации оперативных планов по возрождению функциональных возможностей национальных государств важно восстановить соответствующие знания и практические навыки, платформы и средства. Представляется, что именно это позволит национальным государствам сформулировать собственные стратегии развития в условиях динамично формирующейся многополярности. Сделан особый акцент на доктрину суверенного государства в сфере экономики. Однако подобный подход может и должен применяться в смежных сферах социального и политического развития.

Ключевые слова: суверенная государственная доктрина, неолиберализм, глобализм, суверенное экономическое развитие, международные организации

Для цитирования: Шумкоски Г. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 771—787. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-771-787>

© Шумкоски Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Global Dissipation of Neoliberal Models and the Sovereign State Doctrine

Goran Sumkoski

Independent Researcher, Skopje, Macedonia

goran.sumkoski@mail.ru

Abstract. The article examines the mechanisms of quasi-voluntary and coercive dissemination of neoliberal models of development at the global level through the targeted activities and agendas of international organizations. At present, the legitimacy of both the process of promoting global neoliberalism itself and its results appear contradictory and widely challenged. This process has been accompanied by a decades-long erosion of state sovereignty, mandates and powers of nation-states. The result has been a “vacuum” in their ability to fully implement the sovereign state doctrine. However, today, with a multipolar world order transit states are again claiming the need to implement sovereign approaches to their own development, actively forming strategies and operational development plans alternative to neoliberalism. The author extensively analyzes neoliberal models of intervention, as well as those spheres in which there has been the greatest weakening of state powers. The article puts forward the thesis of the necessity for states to formulate national independent models of development alternative to the neoliberal programs globally imposed. This involves providing a broad ideological and philosophical framework and understanding of sovereign development for restoring the nation-states ability to formulate sovereign state doctrine, vision, and strategy. In order to design and implement operational plans to revitalize the functional capacities of nation-states, it is important to restore relevant knowledge and practical skills, platforms and tools. It seems that this is what will allow nation-states to formulate their own development strategies in the context of dynamically emerging multipolarity. The article puts special emphasis on the doctrine of a sovereign state in the sphere of the economy. However, a similar approach can and should be applied in related spheres of social and political development.

Key words: sovereign state doctrine, neoliberalism, globalism, sovereign economic development, international organizations

For citation: Sumkoski, G. (2022). Global dissipation of neoliberal models and the sovereign state doctrine. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 771—787. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-771-787>

Введение

Современный этап глобализации выдвинул на первый план отношения между ключевыми акторами глобального управления: государствами, международными организациями и негосударственными акторами. В настоящее время единственным и неоспоримым источником легитимности является народ национального государства, который может наделять ею правительства через выборы и/или другие средства народного волеизъявления. Однако в последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к снижению роли национального государства. Его мандаты и полномочия передаются различным квазигосударственным органам, неправительственным организациям (НПО) и независимым агентствам. Параллельно растет влияние международных организаций, транснациональных корпораций и профессиональных сетей. Однако большинству из них не удастся концептуально обосновать

собственную легитимность, поэтому они часто воспринимаются гражданами национальных государств как нелегитимные.

До недавнего времени Вашингтонский консенсус признавался академическими кругами, правительствами и экспертами в качестве универсальной модели государственной политики, рекомендации которой предписывалось выполнять национальным государствам. Однако сегодня его ценность подвергается сомнению как в теории, так и на практике. В этих условиях возникают альтернативы Вашингтонскому консенсусу. Новая «многонациональная нормальность» глобального развития суверенных наций еще не сформирована до конца, хотя ее основные черты начинают вырисовываться. Очевидно, что «старые» институты управления глобальным развитием не смогут приспособиться к новой реальности и стать более инклюзивными, подотчетными, а значит, и легитимными с точки зрения принятия решений и должны

признать наличие разнообразных путей развития суверенных государств. Сегодня существуют независимые и конкурирующие версии региональных и глобальных подходов к развитию, которые учитывают потребности и предпочтения суверенных государств.

Глобальная неолиберальная повестка и национальные государства

Внедрение различных децентрализованных локальных, региональных и глобальных систем управления в контексте парадигмы неолиберального глобализма неизбежно ослабляло роль государств. Итог подобного «разгосударствления» — ослабление и даже лишение государств их полномочий и мандатов с постепенной передачей функций выборным международным или квазинациональным органам. Сегодня данный процесс проявляется в переходе от национальных к независимым центральным банкам, создании независимых регулирующих органов, НПО или третьего сектора, профессиональных сетей и т. д. Все это в конечном счете было направлено на оттеснение и ослабление государств, которые со времен Аристотеля и до сегодняшнего дня остаются единственным признанным источником легитимности. Это единственный уровень, где нации могут осуществлять подотчетное управление, законно самоорганизовываться и управлять собственными процессами.

При этом в области международного экономического развития развивающиеся страны вновь обращаются к реформам промышленной политики, допускающим большую роль государства. Эта практика встроена в более широкую теорию развития суверенного государства, которая объединяет все секторальные экономические, социальные и институциональные подходы к восстановлению роли институтов, как формальных, так и неформальных, и национальных государств в качестве преобладающей парадигмы развития XXI в.

В последние десятилетия были предприняты значительные усилия по включению государства и его институтов в модели экономического развития и роста и формулированию соответствующих политических рекомендаций. Они содержатся, главным образом,

в работах сторонников нового многополярного миропорядка, хотя присутствуют и в западных неолиберальных концептах, как, например, в новой структурной экономике (Lin, 2012) или концепте «связывающих ограничений» и «диагностики роста» (Hausmann, Pritchett & Rodrik, 2005). Однако и те и другие ориентируются на усовершенствование западных Бреттон-Вудских институтов. Попытки подобных реформ до сих пор оканчивались провалом. К примеру, неудачей закончилась реформа Всемирного банка, в основу которой была положена идея о «многообразии путей развития» (Stiglitz, 2001; 2002). Подобные реформы всячески тормозятся западными политическими элитами. Таким образом, новая доктрина суверенного государства устанавливает общие рамки для суверенных государств-наций, которые находятся в поиске собственного пути политического, социального и экономического развития в многополярном мире, основываясь на реалистической перспективе международных отношений.

Начиная с 1990-х гг. неолиберализм доминировал повсеместно, в том числе в сфере международных отношений, глобальной и государственной идеологии, политических и социальных институтах, экономике, науке и образовании. Неолиберальные принципы были инкорпорированы в подавляющее большинство национальных стратегий развития в качестве государственной идеологии. Результатом кризиса неолиберального мировоззрения стал «вакуум» не только в конкурирующих идеологиях, но и в видении, стратегиях, практических навыках и возможностях реализации доктрины суверенного государства. Это связано с неолиберальной идеологией и практикой, низводящей национальные государства до региональных, чисто исполнительных функций и лишаящей их важнейшей функции субъекта принятия политических решений. Подобный тип бессодержательного управления, который обеспечивался как раз за счет чисто исполнительных функций и воплощался в национальных системах образования, привел к потере суверенными национальными государствами способности формулировать, создавать и реализовывать видения, стратегии, планы и возможности для выполнения своих прямых функций в условиях многополярности.

Зарождающийся многополярный мир, основанный на положениях реализма, не нуждается в предписывающей идеологии на уровне национального государства за исключением фундаментальной — суверенной воли народа устанавливать и управлять собственными процессами и определять образ жизни в соответствии с предпочтительными для него нормами и ценностями. Нужна ли в таком случае вообще доктрина суверенного государства? Ответ очевиден — да. Образовавшаяся в итоге «пустота», в которой функции государства были сведены до уровня местных административных полномочий и реализации глобалистской повестки в интересах транснациональных корпораций, должна быть заполнена за счет восстановления утраченных возможностей национальных государств. Это, в свою очередь, требует переосмысления и более глубокого анализа истоков и целей национального государства сквозь призму разных исторических эпох — идей Аристотеля о государственном управлении и их реализации Александром Македонским, становления средневековых государств, поведения государств в XIX в. и начале XX в. Процесс восстановления функций национального государства предполагает выполнение задач «по вертикали», начиная с принятия собственной идеологии, стратегии и планов, а также укрепления способности и потенциала обеспечивать политическое, экономическое и социальное развитие своего суверена — народа.

Только одно фундаментальное изменение, вытекающее из теории и практики государственности и заложенное в доктрине суверенного государства, затронет все аспекты суверенного государства — его идеологию, институты, управление и администрацию, а также практические действия в экономической, политической и социальной сферах. Государство служит своему суверену — народу, а не каким-то «высшим» международным группам и глобальным интересам. Доктрина суверенного государства обеспечивает основу для развития справедливых национальных экономических систем, которые будут наилучшим образом отражать культуру, традиции, природный и человеческий потенциал страны. Не будучи идеологически и

политически директивной, подобная модель суверенного государства допускает строительство любой модели — от основанной на развитии госсектора до опирающейся на частный сектор, включая любые промежуточные вариации моделей смешанной экономики.

Для того чтобы более точно определить ключевые области, которые могут стать отправными точками для построения видения, стратегии и оперативных планов по восстановлению суверенного национального государства, необходимо проследить происхождение современного уровня «разгосударствления» в условиях гегемонии глобального неолиберализма.

Глобальный трансфер неолиберальных моделей и их распространение в развивающихся странах

В условиях глобализации современные попытки проецирования так называемых универсальных ценностей в менее развитые страны происходят в эпоху беспрецедентного технологического прогресса, который значительно упростил и ускорил международные коммуникации и перемещение людей. Распространение глобальных торговых, инвестиционных, производственных и сервисных цепочек добавленной стоимости за счет постоянного сближения таможенных, торговых и инвестиционных правил привело к более глубокой экономической интеграции. Это сделало мир «меньше» и превратило его в действительно «глобальную деревню». Подобный беспрецедентный технологический и коммуникационный прогресс в сочетании с тектоническими политическими изменениями последних десятилетий ознаменовался непрерывной эрозией национальных государств и ростом влияния международных и неправительственных организаций. В попытке отразить присущую неолиберальному глобальному управлению сложность Дж. Розенау (Rosenau, 1995) определяет его как «концепцию, включающую системы управления на всех уровнях человеческой деятельности — от семьи до международной организации, где достижение целей через осуществление контроля имеет трансграничные последствия» (Rosenau, 1995, p. 7). Конкуренция

и противоречивость способов преодоления этих трансграничных последствий выводят на передний план напряженность и противоречия в отношениях между ключевыми субъектами глобального управления, такими как государства, международные организации и негосударственные акторы.

Стремительность прогресса, с помощью которого удалось ускорить информационные, коммуникационные и транспортные процессы в сочетании с экономической и политической глобализацией и интернационализацией, обеспечила платформу для распространения идей и практик на глобальном уровне. Это привело к усилению межгосударственной взаимозависимости, распространению институтов и политических практик через трансфер, конвергенцию и адаптацию мер государственной политики (Gilardi & Wasserfallen, 2019; Trein, 2015). В то время как глобализация понимается как увеличение трансграничных экономических транзакций, которые преодолевают границы через снижение барьеров для торговли, инвестиций, экономического и политического обмена между обществами (Маньшин, Гафари, 2021; Drezner, 2001; Stallings, 2007), интернационализация обычно ассоциируется с усилением влияния транснациональных идей и акторов, действующих за пределами государственных границ, на национальные государства (Bernstein & Cashore, 2000).

Несмотря на внутренние дебаты и борьбу за власть, основные глобальные институты продвигают неолиберальные реформы как доминирующую модель преобразований на национальном уровне, «попадающую» в развивающиеся экономики через программы помощи и путем имитации (Minogue, 2002). Можно насчитать множество примеров квазидобровольного или откровенно принудительного принятия развивающимися странами политических практик и институтов. Такие страны, как Бангладеш, например, приняли платформу государственно-частного диалога BUILD, концепцию альтернативного разрешения споров, а также концепцию свободных экономических зон через программу Всемирного банка¹. Таджикистан создал

¹ Ibrahim A., Masrur Reaz M., Ansari Azhar S., Lutfullah M. Bangladesh. Business Initiative Leading

свободные экономические зоны при содействии международных институтов развития, таких как Программа развития ООН (ПРООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и др.² Международный валютный фонд (МВФ) и Налоговое управление Австралии предоставили Индонезии техническую помощь после принятия последней более строгой модели налогового законодательства³.

В подобных случаях мотивация добровольного принятия новых обязательств и взаимодействия с институтами не может быть объяснена исключительно внутренними рациональными попытками повысить эффективность государственной политики. Скорее, это часто мотивируется давлением, связанным с необходимостью соответствовать международным требованиям. Например, одобрение и продвижение таких новых негосударственных институтов, инструментов и средств международными организациями часто делает их распространение более плавным и приемлемым. Европейский союз (ЕС) является примером как горизонтальной диффузии мер государственной политики между отдельными государствами-членами, так и вертикальной — через гармонизацию законодательства под руководством Брюсселя и сопровождаемой рекомендациями международных организаций, которые привели к принятию новых нормативных инструментов во всех странах ЕС (Busch & Jörgens, 2004).

Аналогичный транснациональный путь был пройден Мексикой в рамках административной реформы и странами Юго-Восточной

Development (BUILD). Presented at the Public-Private Dialogue 2015 Workshop (Copenhagen, March 10—13, 2015) // Public-Private Dialogue. 2015. URL: <https://ppd.cipe.org/wp-content/uploads/2016/03/2015-Public-Private-Dialogue-in-Bangladesh1.pdf> (accessed: 15.09.2022).

² OSCE Annual Report 2011. Vienna : Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), 2011. P. 70—71. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/d/89356.pdf> (accessed: 15.09.2022).

³ Winter J., Edwards M., Triaswati N. Australia Indonesia Partnership for Economic Governance (AIPEG): Independent Progress Report // Department of Foreign Affairs and Trade. 2011. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/aipeg-ipr-nov-2011.pdf> (accessed: 15.09.2022).

Азии в сфере государственного управления. Распространение в конце XX в. налога на добавленную стоимость (НДС) также является примером трансфера мер государственной политики, основанных на политических реформах, впервые введенных в начале 1950-х гг. во Франции⁴.

Анализируя распространение и внедрение системы страхования транснациональной сетью организаций страхования жизни, пенсионных консультантов и Всемирного банка, М. Леймгрубер (Leimgruber, 2012) проследил происхождение нынешней системы страхования от швейцарской модели. К 1990-м гг. эта доктрина широко использовалась без ссылки на ее национальное швейцарское происхождение (Leimgruber, 2012, p. 38). Почти все развивающиеся страны в своих усилиях по привлечению инвестиций «добровольно» или «принудительно» копируют политические решения в области минерально-сырьевой политики (Cisse, 2008). Транснациональные сети международных НПО определяются как основные силы, способствующие распространению гендерного подхода при принятии мер государственной политики (True & Mintrom, 2001).

Глобальная политическая сеть, включающая экспертные группы, международные организации и платформы при участии многих заинтересованных сторон, сумела сформировать, концептуализировать, разработать и распространить нормы интегрированного управления водными ресурсами (Kramer & Pahl-Wostl, 2014). Политика Индии в области биоразнообразия была сформулирована под влиянием норм посредством действий «политических предпринимателей», действующих в рамках широкой группы интересов⁵.

Анализируя конвергенцию экологической политики в развитых странах в период с 1970 по 2000 г., К. Хольцингер, К. Книлл

и Т. Зоммерер (Holzinger, Knill & Sommerer, 2008) обнаружили между странами впечатляющую степень конвергенции, вызванную международной гармонизацией и транснациональной коммуникацией. М. Потоски и А. Пракаш (Potoski & Prakash, 2005) утверждают, что принятие добровольной системы экологического регулирования ISO 14001 происходит в тех странах, на экспортных рынках которых принимаются меры по введению обязательных экологических стандартов.

Аналогичным образом общий набор реформ образовательной политики, проводимых во многих странах мира, приобрел статус «глобальной образовательной политики» (Verger, Novelli & Kosar Altinyelken, 2012, p. 3). Даже самые глубокие институциональные механизмы, такие как конституции, обычно воспринимаемые как имеющие внутринациональное происхождение, сформированные внутренними интересами и отражающие взгляды и ценности наций, также складываются в результате трансграничного влияния в процессе диффузии мер государственной политики (Goderis & Versteeg, 2013).

Роль международных организаций в продвижении неолиберальных моделей

Страны и общественные организации, принадлежащие к многоуровневой системе управления, подвержены влиянию и ограничениям, которые проистекают из сложных взаимоотношений между различными государственными, частными и гражданскими субъектами на глобальном и национальном уровнях (Evans, 2004). Это постоянное взаимодействие в сочетании с ростом взаимной зависимости от политической, экономической, технической и финансовой поддержки обусловили потребность в проведении реформ. Они не всегда исходят от внутренних потребностей или давления, а чаще от внешних факторов и сил, оперирующих на разных уровнях глобального управления.

Влияние и воздействие транснациональных субъектов — международных институтов развития, аналитических центров и политических сетей на национальную политику и каналы, по которым эти транснациональные субъекты влияют на формирование политики

⁴ Eccleston R. Whose Idea Was It Anyway? The Dynamics of International Policy Transfer and the Case of Consumption Tax Reform // University of Tasmania. 2006. URL: https://eprints.utas.edu.au/8138/1/APSA_2006_Eccleston_final.pdf (accessed: 15.09.2022).

⁵ Ganguly S. A Constructivist Analysis Linking Norm Diffusion to Policy Networks // German Development Institute. 2010. URL: https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/handle/fub188/18589/Ganguly-A_constructivist_analysis_linking_norm_diffusion-269.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 15.09.2022).

в конкретных странах, является предметом широкого исследовательского интереса (Дегтерев, 2013; Deacon, 2007; *Global Institutions and Development...*, 2004; Jacoby, 2008; Kelley, 2004; Merrien, 2001; Stone, 2004; Vachudova, 2005; Weyland, 2005). Например, доноры, в том числе двусторонние организации (такие как Агентство США по международному развитию (USAID), Министерство международного развития Великобритании (DfID), Германское общество международного сотрудничества (GIZ), Министерство международного сотрудничества Канады (CIDA)), а также международные институты развития (Всемирный банк, МВФ, Азиатский банк развития (АБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР)), призваны оказывать содействие в институциональном строительстве, передаче политических практик и распространении знаний путем идейного вдохновения, финансирования, оказания технической и экспертной помощи, а также укрепления институционального и административного потенциала (Court, Hovland & Young, 2005; Hennink & Stephenson, 2005; Jones et al., 2008; Jones & Young, 2007).

Международные институты развития, такие как Всемирный банк, МВФ, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), способствуют институциональным и политическим преобразованиям и передаче знаний путем создания необходимого поддерживающего потенциала. Эта цель реализуется посредством предоставления технической и финансовой поддержки, трансфера политических институтов, консультирования по политическим вопросам, обучения и передачи знаний развивающимся странам. Эти транснациональные субъекты оказывают влияние на национальную политику путем создания и распространения политических идей, предоставления аналитических ресурсов и публикаций, создания норм и обоснования политических изменений, а также через регулярные контакты с политиками, работу со СМИ и проведение семинаров и конференций⁶.

⁶ Béland D., Orenstein M. How Do Transnational Policy Actors Matter? // Université de Montréal. 2009. URL: http://cccg.umontreal.ca/RC19/PDF/Beland-D_Rc192009.pdf (accessed: 15.09.2022). См. также:

Почти во всех сферах жизни общества правительства получают поддержку и консультационные услуги со стороны наднациональных структур, которые занимаются производством и распространением идей и норм и передают их на уровень национальных государств. Например, в области трудовых отношений — это Всемирный банк, ОЭСР, Международная организация труда (МОТ); в сфере здравоохранения — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ); по вопросам защиты окружающей среды — Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), а также крупнейшие международные конференции (например, Саммиты Земли). Источником легитимности таких транснациональных акторов выступают их собственные мандаты (как в случае с ВОЗ, которой поручено разрабатывать глобальные нормы общественного здравоохранения), либо, как у многих НПО, результаты их деятельности (Uhlin, 2010).

Международные организации и другие транснациональные сети широко задействованы в наращивании потенциала развивающихся стран в контексте глобального институционального и политического трансфера. Концепция и практика укрепления государственного потенциала (*capacity-building*) стартовала в 1950-е гг. с идеи институционального строительства, в 1970—1980-е гг. развивалась в русле концепции человеческих ресурсов, а с 2000-х гг. фокус сместился уже более конкретно на задачи по развитию потенциала государства и сети знаний (Blagescu & Young, 2006; Дементьев, Устюжанина, 2016; Sumkoski, 2017). Попытки добиться улучшения качества государственного управления в развивающихся странах обеспечивались за счет внедрения нелиберальной модели нового государственного управления (*new public management*), принятой в развитых странах. Распространение этих изменений на глобальном уровне, проистекающих из фундаментального изменения государственных мандатов, в частности перехода от попыток управлять всей экономикой с помощью командно-административной иерархической системы к предоставлению услуг и созданию

(Abelson, 2002; Stone, 2004; *Think Tanks and Civil Societies...*, 2000).

условий для роста (Sumkoski, 2017; Moran, 2011), поддерживается широким кругом глобальных, региональных и местных акторов в лице международных организаций, транснациональных политических сетей, аналитических центров и т. д.

Политические идеи, в основе которых лежит ныне господствующая политико-экономическая неолиберальная идеология, активно внедряются в более широкие рамки механизмов свободного рынка, такие как свободный выбор и конкуренция, либерализация и приватизация. В интерпретации теории международных режимов столь широко распространенный сдвиг стал возможен благодаря конвергенции мер государственной политики и политических институтов в результате одновременного выполнения странами своих международных обязательств.

Вместе с тем распространение новых инструментов регулирования часто происходит в отсутствие международных соглашений. В этой логике используется другое объяснение — правительства добровольно адаптируют свою политику к тому, что уже практикуется в других странах (Margulis, 2021). Глобальное распространение новой модели государственного регулирования и связанных с ней институтов, а также создание независимых агентств-регуляторов в значительной степени объясняется распространением политических практик через идеологическое лидерство новой парадигмы регулирования, которая всячески поддерживается транснациональными акторами.

Международные организации развития активно участвуют в продвижении и внедрении неолиберальных моделей управления через три взаимосвязанных и скоординированных действия — институциональное строительство, трансфер мер государственной политики, обучение и изменение модели мышления чиновников государственной администрации. Программы обучения по развитию частного сектора Бангладеш (*Private Sector Development, PSD*) подтверждают эти глобальные данные в более детальном виде. Программы обучения и тренинги проводились параллельно с начальным институциональным строительством и трансфером мер государственной политики и политических

институтов. Среди этих мер — создание платформы для диалога между частным и государственным секторами, а также проведение конкретных политических и регулятивных реформ (Sumkoski, 2017).

Реализация трансфера институтов может быть как экзогенной, так и эндогенной. Экзогенные институты, добровольные или принудительные, создаются, внедряются или навязываются сверху (Boettke, Coyne & Leeson, 2008) другими формальными или неформальными властями, такими как МВФ, Всемирный банк, Агентство США по международному развитию. Успешная адаптация политических институтов в большей степени связана с тем, как возникают и принимаются политические институты — в результате прямого насаждения или же заимствования, а не с их происхождением (Berkowitz, Pistor & Richard, 2003). Однако продвижение институтов схожего типа («монокультуривирование» институтов) и институтов, которые якобы обладают изначальным преимуществом перед другими, не всегда приводит к желаемым результатам, что становится ясно на фоне появления в КНР и других странах альтернативных и, по-видимому, успешных примеров развития гибридных институтов. Как утверждает Т. Домьян (Domjahn, 2013), развивающимся странам будет чрезвычайно трудно воспроизвести, например, корейскую модель развития, просто копируя государственную политику и формальные институты, так как ключевую роль в экономическом развитии Республики Корея сыграли неформальные институты, сформированные конфуцианством. Эмпирические исследования связи экономических индикаторов и институциональных реформ в переходных посткоммунистических странах не выявили четкой корреляции между конкретными институциональными реформами, продвигаемыми международными организациями, и экономическим ростом (Dunning & Pop-Eleches, 2004).

Под трансфером мер государственной политики понимается наделение созданных институтов непосредственным содержанием, а также процесс применения знаний о том, как меры государственной политики, политические институты и идеи, созданные в одной среде, могут быть использованы для их

развития в другой среде (Dolowitz & Marsh, 1996; Reinicke et al., 2000; Duan, Nie & Coakes, 2010). Подобный трансфер политики может представлять собой прямое заимствование мер государственной политики, законодательства и регулирующих инструментов либо осуществляться в виде имитации/эмуляции, синтеза/гибридизации, идейного вдохновения (Dolowitz & Marsh, 1996). Д. Стоун особо подчеркивает роль международных и транснациональных акторов в этих процессах (Stone, 2004).

Трансфер политических практик может быть достигнут в результате политической диффузии, под которой применительно к международному развитию понимается распространение инновационных политических инструментов. Подобная политическая диффузия обусловлена интенсивными информационными потоками в международных организациях, в результате чего инновации в политике с течением времени добровольно принимаются все большим числом стран (Rogers, 2003). Важно, что диффузию инициируют не формальные обязательства, а процессы социального обучения, копирования или подражания (Jørgens, 2004; Dolowitz & Marsh, 1996; Lazer, 2001; Busch & Jørgens, 2004).

Конвергенция мер государственной политики предполагает углубление их сходства в результате глобализации (Knill, 2005), поскольку барьеры на пути перемещения товаров, услуг и людей устраняются в контексте глобализации (Stallings, 2007) путем внедрения новых и конвергентных политических практик в существующие структуры. Сторонники конвергенции политики указывают, что глобализация и порождаемое ею давление перемен позволяют объяснить причины использования идентичных политических мер в большинстве стран, которые решают одни и те же экономические проблемы из-за торговой и инвестиционной конкуренции. Однако вышеперечисленные исследования показывают, что сходство и глобальная конвергенция политик достигается за счет принуждения, имитации/подражания, развития межэлитных сетевых связей, политической гармонизации или навязывания политических практик. Ранее М. Калер предсказывал дальнейшее

ограничение деятельности национальных правительств с помощью так называемой «золотой смирительной рубашки» экономической взаимозависимости (Kahler, 2009).

Легитимность неолиберальных моделей, продвигаемых международными организациями

В предыдущие десятилетия широкое распространение по всему миру получили рыночные реформы в русле рекомендаций Бреттон-Вудских институтов. Однако сегодня мы наблюдаем рост популярности моделей развития с более весомой ролью государства и смешанных моделей, что отражает стремление развивающихся стран к поиску подходящих им форматов. Передача власти от государства независимым регулирующим органам угрожает конституционалистскому подходу, поскольку не предполагает передачу полномочий или ответственности за результаты. В существующих демократических процессах подотчетности именно правительство до сих пор несет перед гражданами ответственность, которая реализуется через электоральные процедуры. Однако утрата национальным государством полномочий и децентрализация (Scott, 2010) привели к фундаментальным изменениям, поставившим под сомнение центральную роль национального государства в управлении ключевыми процессами и ресурсами внутри страны.

Был ли найден альтернативный источник легитимности в рамках глобального неолиберализма? Те, кто убежден в неминемости дальнейшего размывания государственного суверенитета, признают «дефицит демократии» на всех уровнях глобального управления. При этом утверждается, что легитимность может быть достигнута за счет надлежащего управления, эффективности, обеспечения прозрачности и инклюзивности процедур и подотчетности наднациональных органов и организаций. В этом случае легитимность будет приравниваться к результативности решения задач и эффективности функционирования институтов глобального управления (Clark, 2003). Данный процесс стал известен как переход «от легитимности происхождения к легитимности осуществле-

ния» (d'Aspremont & de Brabandere, 2011). Международные организации черпают свою легитимность из полномочий, предоставленных им государствами-членами. Кроме того, так называемая легитимность, основанная на ценностях, может трансформироваться в поведенческую легитимность через повышение уровня соответствия стандартам организации (Levi, Sacks & Tyler, 2009).

Важно заметить, что эти подходы отодвигают на второй план краеугольные принципы неолиберального порядка — демократию, выборы, прозрачность и подотчетность, поскольку, завладев всеми рычагами мировой власти, гегемония глобального неолиберализма более не нуждается в таких утомительных мелочах. Однако эффективность и результативность сами по себе не могут быть единственными критериями легитимности при разработке новых механизмов управления, поскольку легитимность, проистекающая из участия и вовлеченности, одинаково важна как со стратегической, так и с политической точек зрения (Reinicke et al., 2000).

Легитимность имеет как нормативное (право на власть), так и социологическое измерение (принятие власти в зависимости от электората, обеспечивающего легитимность). Соответственно, она не может быть навязана или заменена (Buchanan & Keohane, 2005; Maggetti, 2009; 2010; Risse, 2006). Это имеет ключевое значение для доктрины суверенного государства, поскольку она основана на легитимности, источником которой для национального государства выступает его народ. Власть, основанная на юридически-рациональной легитимности, остается незыблемым условием верховенства права.

В доктрине суверенного государства подчеркивается необходимость включения процедурной справедливости в институты, политику и правоприменительную практику, которые должны восприниматься участниками как справедливые. Важно также отметить, что эмпирические исследования подтверждают тезис о том, что процедурная справедливость, достигаемая в результате реализации подотчетных и прозрачных подходов с широким участием, более важна, чем справедливость результатов (Tyler, 1990; Sumkoski,

2016). Кроме того, легитимность в большей степени обеспечивается справедливостью политических процедур или распределения благ, а не позитивными результатами осуществления политических процедур и решений. Поведение других людей влияет на индивидуальное согласие через характер и степень социального влияния, оказываемого в обществе, которое, в свою очередь, зависит от восприятия обществом институциональной легитимности (Sutinen & Kupera, 1999; Young, 1979).

Таким образом, именно легитимность имеет первостепенное значение для управления как на государственном уровне, так и на уровне новых глобальных многополярных институтов. Это позволяет обеспечить согласие ведомых государств с принимаемыми решениями и, что более важно, создать благоприятную среду для соблюдения правил посредством добровольного исполнения принимаемых решений и снижения операционных издержек. Тем самым удается добиться не только легитимности и принятия подобных систем, но и большей эффективности и легкости управления ими.

Доктрина суверенного государства и ее практическая реализация

Анализируя причины распространения и насаждения неолиберализма, важно обозначить сферы вмешательства, слабые места сформировавшейся системы государственного управления и то, как доктрина суверенного государства может помочь в решении образовавшихся проблем путем поддержки национальных государств и восстановления их способности управлять процессами внутри них. Очевидно, что нынешняя критика глобальной неолиберальной системы привела к подрыву ее моральных и идеологических основ, обнажив коренные причины ее несостоятельности и скорого падения.

В этих условиях именно на доктрину суверенного государства возлагаются надежды в поиске ответов на два насущных экзистенциальных вопроса — «что делать» и «как действовать»? В данном случае исторический пример фокусирования коммунистических стран на критике капитализма без должного

внимания к повестке строительства самого коммунизма во многом объясняет неспособность успешно и всесторонне реализовать коммунистическую идею на практике, а также служит наглядной демонстрацией необходимого алгоритма действий для реализации доктрины суверенного государства.

Следовательно, доктрина суверенного государства выходит за рамки критики глобальной неолиберальной модели и направлена на устранение возникшего в результате ослабления национальных государств «вакуума», который необходимо восполнить в кратчайшие сроки. Доктрина суверенного государства не просто выступает против нынешнего «ложного» глобализма, который обеспечивает рост благосостояния меньшинства за счет большинства. Ее задача — поддерживать истинный глобализм свободных суверенных народов и наций со справедливой глобальной экономической, социальной и политической системой на государственном уровне, в которой никто не останется без внимания и которая основана на законах природы, человечества и Бога⁷. Именно эта доктрина выдвигается в качестве альтернативного видения будущего через собственные суверенные научные и образовательные платформы, собственную сеть альтернативных средств массовой информации, достоверные политические, социальные и экономические модели и их популяризацию через образовательные платформы, а также противодействие нынешней гегемонии через местные организации (Sumkoski, 2016).

Доктрина суверенного государства не предполагает возвращения к доглобальному периоду. Такое возвращение нереалистично и в принципе невозможно из-за беспрецедентного технологического и информационного прогресса. Это не более чем ностальгия по «старым добрым временам». Кроме того, доктрина суверенного государства выходит за рамки ложной и уже по сути развалившейся системы

деления на «левых» и «правых», тем более в силу их слияния по итогам акта Блэра — Клинтона в рамках предложенного концепта «третьего пути». Сегодня подобное разделение создает скорее иллюзию выбора и демократии (Barrientos & Powell, 2004).

Сама доктрина суверенного государства стала ответом на нападки глобального неолиберализма на важнейший компонент как «правой» идеологии — нацию, традиции и мораль, так и «левой» идеологии — справедливость и равенство. Следует признать, что с точки зрения защиты традиций, наций и свобод доктрина суверенного государства выглядит более «правой» по сравнению с прежней, но в обеспечении социальной справедливости и достойной жизни общества ей присущ еще более «левый» характер по сравнению с нынешними «левыми» позициями. Утраченная легитимность глобального гегемона может быть восстановлена только лишь с самого базового уровня — семьи, общины, далее — государства и нации, переходя в перспективе к глобальному сообществу, построенному на законности национальных государств, определяемой общими ценностями, культурой, языком и идентичностью.

На государственном уровне доктрина суверенного государства может принимать самые разнообразные политические формы — от королевства до республики, от демократии до теократии, от консервативных и либертарианских до социалистических, коммунистических, теократических политических ориентаций. При этом каждая нация организует себя и свой собственный образ жизни, придерживаясь общечеловеческих, естественных и нравственных объединяющих принципов строительства экономически и социально справедливого общества, в котором никто не останется без внимания. В символизме и семантике контргегемонизма в угнетенных нациях доминирует суверенитет, который возвышается над прежней борьбой «левых» и «правых», поскольку в него включены идеологические цели обоих политических движений и он отражает потребности и желания людей вернуть свои самоорганизующиеся силы в рамках национального государства.

⁷ Sumkoski G. Counterhegemony — The Need for Operationalizing the Ideology into Strategy, Plans, Vision of the Beautiful Free Prosperous Shining Town on the Hill // Geopolitika.ru. June 8, 2021. URL: <https://www.geopolitika.ru/en/article/counterhegemony-need-operationalizing-ideology-strategy-plans-vision-beautiful-free> (accessed: 15.09.2022).

Внедрение доктрины суверенного государства на уровне национальных государств должно сопровождаться продвижением многополярного миропорядка, в котором будет задан вектор необходимых реформ, в том числе в части восстановления или замены ныне утратившей силы ООН (Foreign Policies of the CIS States..., 2019; Kurylev et al., 2018). Именно доктрина суверенного государства призвана сформулировать ответы на острейшие вопросы современной повестки: в каком ключе предстоит урегулировать споры между соседями? Что заменит или дополнит Всемирный банк и МВФ? Будет ли перестроена контролируемая Западом эксплуататорская система фиатной валюты и удастся ли заменить ее на справедливую систему обмена? Как будут работать экономические связи между суверенными странами, которые прежде не участвовали в активной взаимной торговле и инвестициях?

Доктрина суверенного государства и теория международных отношений

Ответы на поставленные вопросы — это именно то, чего национальные государства ожидают от многополярного миропорядка⁸. Классические реалистские и критические теории международных отношений содержат некоторые идеи относительно обеспечения подотчетности и легитимности с точки зрения принятия решений в рамках многополярности. Очевидно, что национальные государства уже уступали часть своего суверенитета в XIX в. Однако дальнейшие действия в этом духе возможны только в случае, если государства и населяющие их нации и народы убедятся в наличии подотчетного и легитимного миропорядка, который способен продвигать как общечеловеческие ценности, так и сохранять разнообразие.

А.Г. Дугин указывает, что в своем фундаментальном измерении многополярность

⁸ Sumkoski G. Counterhegemony — The Need for Operationalizing the Ideology into Strategy, Plans, Vision of the Beautiful Free Prosperous Shining Town on the Hill // Geopolitika.ru. June 8, 2021. URL: <https://www.geopolitika.ru/en/article/counterhegemony-need-operationalizing-ideology-strategy-plans-vision-beautiful-free> (accessed: 15.09.2022).

означает свободный полилог обществ, народов и культур. «Но прежде, чем появится этот полилог, необходимо определить общие правила. Таким образом, теория международных отношений предполагает открытость терминов, понятий, теорий, множество действующих лиц, а также сложность и многозначность выражений. Объединяет все вышеперечисленное в контексте легитимности теория многополярного мира (ТММ), которая представляет собой теорию международных отношений, по существу отвергающую гегемонию на ее собственных основаниях и призывающую к созданию широкого контргегемонистского союза свободных обществ, людей и культур, которые будут организовывать миропорядок, принимаемый как справедливый созданными его участниками, тем самым придавая ему легитимность»⁹.

Теоретизация доктрины суверенного государства наравне с ее операционализацией на местах и объединением сил на глобальном уровне является крайне важной. Это позволит сформировать отношения, сознание, поведение и политику людей и государств в контексте построения справедливых и устойчивых механизмов многополярного мироустройства. В качестве объединяющих принципов выступают традиционные нравственные ценности, привлекательность которых в сравнении с нынешними — безбожными, роботизированными, пустыми и лишенными всякой свободы, разнообразия, человечности, традиций и морали — кажется неоспоримой.

Необходимость формирования взаимовыгодного многополярного миропорядка очевидна и бесспорна. У государств просто нет иного выбора, кроме как участвовать в его построении. Однако любая модель мироустройства, которая придет на смену гегемонии неолиберализма, будет возможна только в случае, если граждане, нации и государства увидят в ней подотчетную, легитимную, многостороннюю систему, способную продвигать как традиционные общечеловеческие ценности, так и многообразие наций, культур, традиций и образов жизни народов мира.

⁹ Dugin A. Counter-Hegemony in the Theory of the Multipolar World // Geopolitika.ru. May 10, 2016. URL: <https://www.geopolitika.ru/en/article/counter-hegemony-theory-multipolar-world> (accessed: 15.09.2022).

Доктрина суверенного государства в части экономического развития предлагает набор инструментов для разработки и реализации институциональных, стратегических и политических рамок функционирования правительств суверенных государств. С ее помощью можно провести сравнительный анализ всех моделей, чтобы правительства сумели выбрать наиболее подходящую, закрепив ее в своих долгосрочных концепциях экономического развития. Принятые к настоящему времени в большинстве стран национальные планы развития и стратегические документы в экономической, социальной, образовательной, медицинской и других областях лишены какого-либо значимого суверенного политического содержания и редко согласовываются с народом. Как правило, их разработкой занимались технократические элиты, которые руководствовались документами Всемирного банка, МВФ, АБР, ЕБРР, Африканского банка развития (АфБР) и других институтов. Показательно, что эти документы подразумевают исключительно исполнительно-административную работу и по большому счету не способствуют росту благосостояния народа.

Итак, в сфере политики развития необходима смена парадигмы, переориентация с интересов глобалистских транснациональных корпораций на интересы обществ. Подобное изменение, безусловно, повлечет увеличение нагрузки на государства, которым придется разрабатывать, планировать и претворять в жизнь более сложные и требовательные программы развития.

Концепция суверенного экономического развития имеет наиважнейшее значение, но для возрождения национального государства такие же глубокие изменения должны произойти и во всех других областях политического и социального развития. Более того, достижение суверенного экономического развития должно быть сопряжено с политическим и социальным развитием. Нынешнее разделение этих областей и, тем более, дальнейшее дробление внутри каждой из них приводит к тому, что субъекты, принимающие решения, не обладают полнотой картины. Подобная практика дробления была свойственна глобальной неолиберальной

программе, что в конечном итоге позволяло проводить глобалистскую политику без широкого сопротивления. Суверенная экономическая доктрина требует активизации и использования всего национального интеллектуального, человеческого и институционального потенциала и ресурсов, которые должны быть направлены на создание жизнеспособной и справедливой суверенной экономической доктрины. К каким последствиям приведет внедрение этой доктрины?

Во-первых, речь идет о глубоком идеологическом изменении в отношении суверена — народа национального государства, что означает изменение структуры стимулов между всеми экономическими, политическими и социальными факторами, которые должны быть закреплены в основополагающих актах, таких как конституция. Нынешняя структура стимулов, присущая современной неолиберальной экономике, не сбалансирована и смещена в сторону интересов акторов, выступающих локальными исполнителями глобальной неолиберальной повестки дня, что наносит ущерб национальной экономике, ее производительности, отвлекает природные и человеческие ресурсы на непроизводительную деятельность, которая не создает добавленную стоимость и не способствует росту благосостояния населения.

Во-вторых, предусматривается обновление науки и образования, в частности экономической науки, в соответствии с доктриной суверенного государства. Для реализации доктрины суверенного развития необходимо обеспечить достоверную базу знаний и внедрять результаты обновленной науки как внутри страны, так и за ее пределами — через журналы, аналитические центры, международные академические сети и, что важнее, — на разных языках. Суверенная наука будет конкурировать с современной англоязычной наукой, выхолощенной внедрением неолиберальной повестки и продвигающей ее. Из-за доминирования неолиберальных подходов потребуются создание собственной параллельной системы аккредитации образовательных платформ, сети образовательных и обучающих площадок, например учебных центров, в дополнение к существующим школам и университетам.

В-третьих, формирование глубокого национального видения суверенного экономического развития на уровне стратегических документов будет поддерживаться политическими, руководящими и административными структурами посредством консультаций, распространения информации и участия. Это станет основой для разработки оперативных планов и программ развития, в которых будут прописаны целевые индикаторы, система мониторинга, раннего предупреждения, исправления и корректировки, а главное, — оценка результатов. Именно эти документы будут оказывать влияние на развитие всех секторов государства и общества, будут поддерживаться другими отраслевыми концепциями и стратегиями развития, например, в политической и социальной сфере.

В-четвертых, речь идет об институциональных изменениях и развитии людских ресурсов для государственного управления, административных структур, судебной системы, центрального и коммерческого банковского дела, системы образования, государственных финансов. Потребуется также корректировка системы экономических стимулов для поддержки и реализации стратегии справедливого суверенного экономического развития.

Наконец, в-пятых, необходима система мер поддержки всех субъектов экономической деятельности, от индивидуальных предпринимателей до крупных национальных корпораций, путем предоставления доступа к финансам, ноу-хау, физической, материальной и социальной инфраструктуре, инновациям, технологическим достижениям, рынкам, торговле и экспорту, инвестициям, брендингу продуктов и проч.

Исходя из данного видения и стратегии, реализация суверенной экономической доктрины должна включать следующие составные части суверенного национального развития: институциональное развитие, управление и администрирование; внедрение и построение справедливой экономической системы; поощрение частных и государственных инвестиций; проведение отраслевой экономической политики и поддержка уникальных отраслевых преимуществ; продвижение международного экономического сотрудничества;

развитие суверенных финансовых потоков в целях развития; развитие инфраструктуры; развитие навыков, ноу-хау и знаний, человеческих ресурсов; совершенствование производственных и сервисных мощностей путем развития технологий и инноваций; развитие микро-, малых и средних предприятий; местное и региональное экономическое развитие; оптимизация и реструктуризация государственных и частных компаний, а также реинжиниринг бизнес-процессов; развитие добывающих производств и защита окружающей среды; поощрение торговли и экспорта, маркетинг и брендинг национальной экономики; регулирование и дерегулирование в целях экономического развития; цифровизация, электронное управление, блокчейн, искусственный интеллект.

Таким образом, доктрина суверенного экономического развития, в основе которой лежит доктрина суверенного государства, заполняет образовавшийся за десятилетия реализация неолиберальных моделей вакуум «разгосударствления». Это достигается за счет: а) обеспечения широких идеологических и философских основ и понимания сути суверенной экономики, что дает возможность сформулировать собственную суверенную экономическую доктрину, и б) развития практических навыков, знаний, платформ, рычагов и инструментов реализации положений экономической теории, которые позволят создать условия для процветания национальных экономик в общих интересах. Аналогичный подход необходим и при разработке соответствующих суверенных доктрин политического и социального развития.

Заключение

Неспособность неолиберальной модели развития обеспечить устойчивое развитие национальных государств порождает необходимость поиска альтернативы с учетом потребностей суверенного развития национальных государств в многополярном мире. Основой для восстановления национального государства и формулирования доктрины суверенного государства становится анализ механизмов и областей, в которых реализация

неолиберальных моделей привела к ослаблению функциональных возможностей государства. Четкое понимание этих причин открывает возможности для восстановления состоятельности и потенциала государств в разработке и реализации доктрины, стратегий и оперативных планов по восстановлению национальных государств. Создание эффективных национальных образовательных, научных, аналитических платформ и соответ-

ствующих международных сетей будет способствовать продвижению доктрины суверенного государства и поможет национальным государствам обмениваться информацией, опытом, знаниями в разработке идеологии, стратегических и оперативных планов развития. Именно над этим государствам предстоит работать в зарождающемся многополярном мире.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 12.10.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Дегтерев Д. А.* Содействие международному развитию. Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. Москва : Ленанд, 2013.
- Дементьев В. Е., Устюжанина Е. В.* Проблема власти с точки зрения институционального подхода // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8, № 3. С. 91—101. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.091-101>
- Маньшин Р. В., Гафари А. Л.* Инвестиционное сотрудничество России и Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29, № 3. С. 490—501. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-490-501>
- Abelson D. E.* Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Montreal : McGill-Queen's University Press, 2002.
- Barrientos A., Powell M.* The Route Map of the Third Way // *The Third Way and Beyond: Criticisms, Futures, Alternatives* / ed. by S. Hale, W. Leggett, L. Martell. Manchester : Manchester University Press, 2004. P. 9—27.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.-F.* Economic Development, Legality, and the Transplant Effect // *European Economic Review*. 2003. Vol. 47, no. 1. P. 165—195. [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(01\)00196-9](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(01)00196-9)
- Bernstein S., Cashore B.* Globalization, Four Paths of Internationalization and Domestic Policy Change: The Case of Ecoforestry in British Columbia, Canada // *Canadian Journal of Political Science*. 2000. Vol. 3, no. 1. P. 67—99. <https://doi.org/10.1017/S0008423900000044>
- Blagescu M., Young J.* Capacity Development for Policy Advocacy: Current Thinking and Approaches Among Agencies Supporting Civil Society Organisations // *Overseas Development Institute Working Paper*. 2006. No. 260. P. 1—50. URL: <https://www.gichd.org/fileadmin/GICHD-resources/rec-documents/Capacity-Development-for-Policy-Advocacy.pdf> (accessed: 15.09.2022).
- Boettke P. J., Coyne C. J., Leeson P. T.* Institutional Stickiness and the New Development Economics // *American Journal of Economics and Sociology*. 2008. Vol. 67, no. 2. P. 331—358. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2008.00573.x>
- Buchanan A., Keohane O. R.* The Legitimacy of Global Governance Institutions // *Ethics & International Affairs*. 2005. Vol. 20, no. 4. P. 405—437. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2006.00043.x>
- Busch P. O., Jörgens H.* The International Sources of Policy Convergence: Explaining the Spread of Environmental Policy Innovations // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 12, no. 5. P. 860—884. <https://doi.org/10.1080/13501760500161514>
- Cisse O.* Mineral Policy in Developing Countries: Copy and Paste? // *CEPMLP Annual Review*. 2008. No. 12. P. 1—15. URL: <https://www.dundee.ac.uk/download/17271/media> (accessed: 15.09.2022).
- Clark I.* Legitimacy in a Global Order // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29, no. S1. P. 75—95. <https://doi.org/10.1017/S0260210503005904>
- Court J., Hovland I., Young J.* Bridging Research and Policy: Evidence and the Change Process. Rugby : ITDG Publishing, 2005.
- D'Aspremont E., De Brabandere A.* The Complementary Faces of Legitimacy in International Law: The Legitimacy of Origin and the Legitimacy of Exercise // *Fordham International Law Journal*. 2011. Vol. 34, no. 2. P. 190—235.
- Deacon B.* *Global Social Policy & Governance*. London : Sage, 2007. <https://dx.doi.org/10.4135/9781446212219>
- Dolowitz D., Marsh D.* Who Learns What From Whom? A Review of the Policy Transfer Literature // *Political Studies*. 1996. Vol. 44, no. 2. P. 343—357. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00334.x>

- Domjahn T.* What (if Anything) Can Developing Countries Learn from South Korea? // *Asian Culture and History*. 2013. Vol. 5, no. 2. P. 16—24. <https://doi.org/10.5539/ach.v5n2p16>
- Drezner D. W.* Globalization and Policy Convergence // *International Studies Review*. 2001. Vol. 3, no. 1. P. 53—78. <https://doi.org/10.1111/1521-9488.00225>
- Duan Y., Nie W., Coakes E.* Identifying Key Factors Affecting Transnational Knowledge Transfer // *Information & Management*. 2010. Vol. 47, no. 7—8. P. 356—363. <https://doi.org/10.1016/j.im.2010.08.003>
- Dunning T., Pop-Eleches G.* From Transplants to Hybrids: Exploring Institutional Pathways to Growth // *Studies in Comparative International Development*. 2004. Vol. 38, no. 4. P. 3—29. <https://doi.org/10.1007/BF02686326>
- Evans P.* Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and Potentials of Deliberation // *Studies in Comparative International Development*. 2004. Vol. 38, no. 4. P. 30—53. <https://doi.org/10.1007/BF02686327>
- Foreign Policies of the CIS States: A Comprehensive Reference / ed. by D. Degterev, K. Kurylev. Boulder : Lynne Rienner, 2019. <https://doi.org/10.1515/9781626378087>
- Gilardi F., Wasserfallen F.* The Politics of Policy Diffusion // *European Journal of Political Research*. 2019. Vol. 58, no. 4. P. 1245—1256. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12326>
- Global Institutions and Development: Framing the World? / ed. by M. Boas, D. McNeill. London : Routledge, 2004.
- Goderis B., Versteeg M.* Transnational Constitutionalism: A Conceptual Framework // *Social and Political Foundations of Constitutions* / ed. by D. J. Galligan, M. Versteeg. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 103—133. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139507509.007>
- Hausmann R., Pritchett L., Rodrik D.* Growth Accelerations // *Journal of Economic Growth*. 2005. Vol. 10, no. 4. P. 303—329. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>
- Hennink M., Stephenson R.* Using Research to Inform Health Policy: Barriers and Strategies in Developing Countries // *Journal of Health Communication*. 2005. Vol. 10, no. 2. P. 163—180. <https://doi.org/10.1080/10810730590915128>
- Holzinger K., Knill C., Sommerer T.* Environmental Policy Convergence: The Impact of International Harmonization, Transnational Communication, and Regulatory Competition // *International Organization*. 2008. Vol. 62, no. 4. P. 553—587. <https://doi.org/10.1017/S002081830808020X>
- Jacoby W.* Minority Traditions and Post-Communist Politics: How Do IGOs Matter? // *Transnational Actors in Central and East European Transitions* / ed. by M. A. Orenstein, S. Bloom, N. Lindstrom. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2008. P. 56—76. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7zwb44>
- Jones N., Jones H., Steer L., Datta A.* Improving Impact Evaluation Production and Use // *Overseas Development Institute Working Paper*. 2008. No. 300. P. 1—78. URL: <https://cdn.odi.org/media/documents/4158.pdf> (accessed: 15.09.2022).
- Jones N., Young J.* Setting the Scene: Situating DFID's Research Funding Policy and Practice in an International Comparative Perspective. London : Overseas Development Institute, 2007.
- Jørgens H.* Governance by Diffusion: Implementing Global Norms through Cross-National Imitation and Learning // *Governance for Sustainable Development: The Challenge of Adapting Form to Function* / ed. by W. M. Lafferty. Cheltenham : Edward Elgar, 2004. P. 246—283. <https://doi.org/10.4337/9781845421700.00017>
- Kahler M.* Global Governance Redefined // *Challenges of Globalization: Immigration, Social Welfare, Global Governance* / ed. by A. Sobel. London : Routledge, 2009. P. 174—198.
- Kelley J.* Ethnic Politics in Europe: The Power of Norms and Incentives. Princeton : Princeton University Press, 2004.
- Knill C.* Introduction: Cross-National Policy Convergence: Concepts, Approaches and Explanatory Factors // *Journal of European Public Policy*. 2005. Vol. 12, no. 5. P. 764—774. <https://doi.org/10.1080/13501760500161332>
- Kramer A., Pahl-Wostl C.* The Global Policy Network Behind Integrated Water Resources Management: Is It an Effective Norm Diffuser? // *Ecology and Society Research*. 2014. Vol. 19, no. 4. P. 1—12.
- Kurylev K., Degterev D., Smolik N., Stanis D.* A Quantitative Analysis of Geopolitical Pluralism in the Post-Soviet Space // *International Organisations Research Journal*. 2018. Vol. 13, no. 1. P. 134—156. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>
- Lazer D.* Regulatory Interdependence and International Governance // *Journal of European Public Policy*. 2001. Vol. 8, no. 3. P. 474—492. <https://doi.org/10.1080/13501760110056077>
- Leimgruber M.* The Historical Roots of a Diffusion Process: The Three-Pillar Doctrine and European Pension Debates (1972—1994) // *Global Social Policy*. 2012. Vol. 12, no. 1. P. 24—44. <https://doi.org/10.1177/1468018111431668>
- Levi M., Sacks A., Tyler T.* Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 53, no. 3. P. 354—375. <https://doi.org/10.1177/0002764209338797>
- Lin J. Y.* New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development Policy. Washington, D.C. : World Bank, 2012.
- Maggetti M.* Legitimacy and Accountability of Independent Regulatory Agencies: A Critical Review // *Living Reviews in Democracy*. 2010. Vol. 2. P. 1—10.

- Maggetti M.* The Role of Independent Regulatory Agencies in Policy-Making: A Comparative Analysis // *Journal of European Public Policy*. 2009. Vol. 16, no. 3. P. 450—470. <https://doi.org/10.1080/13501760802662854>
- Margulis M. E.* Intervention by International Organizations in Regime Complexes // *The Review of International Organizations*. 2021. Vol. 16, no. 4. P. 871—902 <https://doi.org/10.1007/s11558-020-09403-z>
- Merrien F. X.* The World Bank's New Social Policies: Pensions // *International Social Science Journal*. 2001. Vol. 53, no. 170. P. 537—550. <https://doi.org/10.1111/1468-2451.00343>
- Minogue M.* Governance-based Analysis of Regulation // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2002. Vol. 73, no. 4. P. 649—666. <https://doi.org/10.1111/1467-8292.00209>
- Moran T. H.* Foreign Direct Investment and Development: Launching a Second Generation of Policy Research: Avoiding the Mistakes of the First, Re-Evaluating Policies for Developed and Developing Countries. Washington, D.C. : Peterson Institute for International Economics, 2011.
- Potoski M., Prakash A.* Green Clubs and Voluntary Governance: ISO 14001 and Firms' Regulatory Compliance // *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49, no. 2. P. 235—248. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2005.00120.x>
- Reinicke W. H., Deng F., Witte J. M., Benner T. et al.* Critical Choices: The United Nations, Networks, and the Future of Global Governance. Ottawa : International Development Research Centre, 2000.
- Risse T.* Transnational Governance and Legitimacy // *Governance and Democracy: Comparing National, European and International Experiences* / ed. by A. Benz, Y. Papadopoulos. London : Routledge, 2006. P. 179—199.
- Rogers E. M.* Diffusion of Innovations. 5th edition. New York : Free Press, 2003.
- Rosenau J.* Governance in the Twenty-first Century // *Global Governance*. 1995. Vol. 1, no. 1. P. 13—43.
- Scott C.* Regulatory Governance and the Challenge of Constitutionalism // *The Regulatory State: Constitutional Implications* / ed. by D. Oliver, T. Prosser, R. Rawlings. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 15—33. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199593170.003.0002>
- Stallings B.* The Globalization of Capital Flows: Who Benefits? // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2007. Vol. 610, no. 1. P. 201—216. <https://doi.org/10.1177/0002716206297918>
- Stiglitz J.* Globalization and Its Discontents. New York : Norton & Company, 2002.
- Stiglitz J.* Redefining the Role of the State: Joseph Stiglitz on Building a “post-Washington Consensus”. An Interview with introduction by Brian Snowdon // *World Economics*. 2001. Vol. 2, no. 3. P. 45—86.
- Stone D.* Transfer Agents and Global Networks in the ‘Transnationalization’ of Policy // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 11, no. 3. P. 545—566. <https://doi.org/10.1080/13501760410001694291>
- Sumkoski G.* Building Reform Capacity // *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance* / ed. by A. Farazmand. Cham : Springer, 2017. P. 1—6. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_3306-2
- Sumkoski G.* Towards Socio-Economic Theory and Practice of Regulation. Evidence from OECD Countries and Bangladesh // *Cogent Social Sciences*. 2016. Vol. 2, no. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/23311886.2016.1254840>
- Sutinen J. G., Kuperan L.* A Socio-Economic Theory of Regulatory Compliance // *International Journal of Social Economics*. 1999. Vol. 26, no. 1/2/3. P. 174—193. <https://doi.org/10.1108/03068299910229569>
- Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Action / ed. by R. Weaver. London : Sage, 2000.
- Trein P.* Literature Report: A Review of Policy Learning in Five Strands of Political Science Research // *INSPIRES Working Paper Series*. 2015. No. 26. P. 1—22. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2707344 (accessed: 15.09.2022).
- True J., Mintrom M.* Transnational Networks and Policy Diffusion: The Case of Gender Mainstreaming // *International Studies Quarterly*. 2001. Vol. 45, no. 1. P. 27—57. <https://doi.org/10.1111/0020-8833.00181>
- Tyler T. R.* Why People Obey the Law. New Haven : Yale University Press, 1990.
- Uhlin A.* Democratic Legitimacy Of Transnational Actors: Mapping Out the Conceptual Terrain // *Legitimacy Beyond the State?* / ed. by E. Erman, A. Uhlin. London : Palgrave Macmillan, 2010. P. 16—37. https://doi.org/10.1057/9780230283251_2
- Vachudova M. A.* Europe Undivided: Democracy, Leverage, & Integration after Communism. Oxford : Oxford University Press, 2005. <https://doi.org/10.1093/0199241198.001.0001>
- Verger A., Novelli M., Kosar Altinyelken H.* Global Education Policy and International Development: An Introductory Framework // *Global Education Policy and International Development: New Agendas, Issues and Policies* / ed. by A. Verger, M. Novelli, H. Kosar Altinyelken. London : Bloomsbury, 2012. P. 3—32.
- Weyland K.* Theories of Policy Diffusion Lessons from Latin American Pension Reform // *World Politics*. 2005. Vol. 57, no. 2. P. 262—295. <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0019>
- Young O. R.* Compliance and Public Authority. New York : RFF Press, 1979.

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-788-801

Научная статья / Research article

Долговая устойчивость стран Латинской Америки в постковидной экономике

А.В. Кузнецов , С.А. Морозов Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
kuznetsov0572@mail.ru

Аннотация. Ежегодное увеличение объемов государственного долга стран Латинской Америки является источником последовательного усиления кризисного потенциала в регионе. Пандемия COVID-19 привела к обострению политической нестабильности и углублению социально-экономических дисбалансов в регионе. Хроническая зависимость стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) от долгового финансирования увеличивает уязвимость региона перед внешними шоками и значительно усложняет проведение государственной политики для достижения Целей устойчивого развития ООН. Цель исследования заключается в раскрытии природы и обосновании прогрессирующего характера долговых рисков, присущих латиноамериканским странам в постковидной экономике, а также в предложении мер по их преодолению в современных реалиях. Обобщены взгляды ведущих российских и зарубежных специалистов на долговую устойчивость государств ЛАКБ. На основе статистических данных международных организаций, региональных институтов развития, а также аналитических материалов проанализированы подходы к решению долговой проблемы в странах Латинской Америки. Принимая во внимание долговую динамику прошлых лет, привлечение новых заемных средств с высокой вероятностью негативно отразится на региональной долговой устойчивости в перспективе. Это усиливает опасения в международных инвестиционных кругах относительно платежеспособности Латиноамериканского региона в будущем. Положение латиноамериканских стран усугубляется неопределенностью возобновления положительной экономической динамики в среднесрочном периоде, утраченной в связи с волатильностью мировых цен на сырьевые товары. Углублению региональной рецессии в постковидный период могут способствовать нерешенные проблемы политического и социально-экономического характера, неоднозначные перспективы восстановления экономики и выхода региона на траекторию устойчивого развития, а также слабая предсказуемость будущих экономических шоков. Рассматриваются возможные перспективы региональной экономической стабилизации стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в том числе за счет использования новых механизмов заемного финансирования для удовлетворения текущих финансовых потребностей и минимизации рисков финансовой уязвимости.

Ключевые слова: Латинская Америка, государственный долг, долговая устойчивость, государственные финансы, внешние шоки, международные финансовые организации

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Для цитирования: Кузнецов А. В., Морозов С. А. Долговая устойчивость стран Латинской Америки в постковидной экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 788—801. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-788-801>

© Кузнецов А.В., Морозов С.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Debt Sustainability of Latin American Countries in the post-COVID Economy

Aleksei V. Kuznetsov , Sergei A. Morozov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
kuznetsov0572@mail.ru

Abstract. Annually growing public debt of Latin American countries is a source of a consistent increase in regional crisis potential. The COVID-19 pandemic has exacerbated political instability and deepened socio-economic imbalances in the region. The chronic dependence on debt financing increases the region's vulnerability to external shocks and makes it much more challenging to implement public policies to achieve the UN Sustainable Development Goals. The purpose of the article is to reveal the increasing nature of the debt risks inherent in the Latin American countries, and to propose measures to overcome them. The authors summarize the views of leading Russian and foreign experts on the debt sustainability of the region. Based on the statistical data of international organizations, regional development institutions, as well as analytical materials published by Bloomberg, Fitch, White & Case or Deloitte, the authors analyze the approaches to solving the Latin American debt problem. However, considering recent debt dynamics, new public borrowings may cause a deterioration of the regional debt sustainability in the future. This issue reinforces the uncertainty in international investment circles regarding the future solvency of the Latin American region. The situation in the Latin American countries is exacerbated by the uncertainty whether positive rates of economic growth resume in the medium term that have been lost due to volatile global commodity prices. The study examines the prospects for regional economic stabilization in Latin America and the Caribbean, including through the use of new debt financing mechanisms to meet current financial needs and minimize the risks of financial vulnerability.

Key words: Latin America, public debt, debt sustainability, public finance, external shocks, international financial organizations

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of the research carried out at the expense of the budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Kuznetsov, A. V., & Morozov, S. A. (2022). Debt sustainability of Latin American countries in the post-COVID economy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 788—801. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-788-801>

Введение

Проблема обеспечения экономической и финансовой стабильности государств в постковидный период экономического развития сегодня является одной из наиболее актуальных тем международной повестки. На этом фоне особую значимость приобретают вопросы устойчивости ряда экономически уязвимых и пострадавших от пандемии стран, экономики которых не могут продолжительно функционировать без привлечения заемных финансовых ресурсов. Особое внимание международных регуляторов к таким странам обусловлено тем, что обслуживание их государственного долга, достигающего чрезмерных объемов, может приобрести неконтролируемый характер, что является основным фактором повышения региональной кризисности.

В этой связи обеспокоенность как инвестиционного, так и академического сообществ вызывают развивающиеся экономики стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), исторически выступающие в качестве крупных заемщиков финансовых ресурсов на международном долговом рынке. Следует подчеркнуть, что, несмотря на то что именно в Латиноамериканском регионе в 1980-х гг. начался международный долговой кризис, впоследствии практически ни одному другому региону мира не удалось избежать последствий чрезвычайного роста внешней долговой нагрузки в процессе удовлетворения экстренных финансовых потребностей.

На современном этапе для преодоления негативных последствий пандемии большинство стран мира увеличивали объемы задолженности за счет ресурсов международного

долгового рынка. В результате, по данным Международного валютного фонда (МВФ), в 2020 г. размер государственного долга достиг рекордной величины, сравнявшись с величиной мирового ВВП¹. Таким образом, беспрецедентные объемы осуществляемых государственных заимствований, необходимые для финансирования антикризисной политики, фактически стали закономерностью для всех экономик мира, независимо от уровня их развития. Однако далеко не все страны смогли провести эффективную реализацию программ макроэкономической стабилизации в необходимом объеме. Большинству развитых стран и ряду развивающихся стран во время пандемии в 2020 г. удалось удержать процентные ставки на низком уровне и обеспечить стабильное функционирование внутренних экономик. Другие же страны, среди которых государства ЛАКБ, столкнулись с проблемами структурного характера, в частности, наличие высокого уровня государственной задолженности воспрепятствовало осуществлению новых государственных внешних заимствований на приемлемых условиях. В результате размер привлеченных долговых финансовых ресурсов для борьбы с пандемией был значительно ниже сопоставимого размера ресурсов, полученного развитыми странами, что соответствующим образом отразилось на размере понесенного ущерба. Данное положение вещей указывает на необходимость проведения оценки долговых рисков стран ЛАКБ, в том числе с точки зрения влияния на мировую экономику в постковидных условиях.

Предпосылки нарушения долговой устойчивости в Латиноамериканском регионе

Мировая практика антикризисного управления общественными финансами предполагает увеличение объема государственных заимствований (в случае недостаточного объема резервов) с целью недопущения существенной дестабилизации экономики

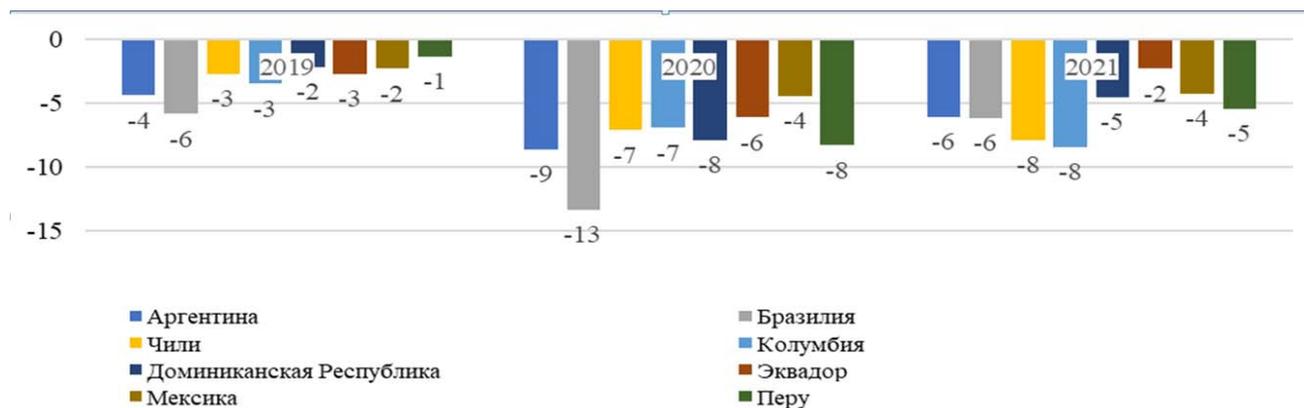
¹ Fiscal Monitor (October 2022) // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM> (accessed: 20.10.2022).

в условиях значительного сокращения государственных доходов и инвестиций. Однако применение данной практики в странах ЛАКБ в современных условиях сигнализирует о существенных рисках, связанных с их будущей платежеспособностью.

Прежде всего, следует отметить, что развитие стран Латиноамериканского региона происходит в экономически неблагоприятных условиях в течение уже достаточно продолжительного периода времени. Еще до начала пандемии COVID-19 экономика региона была сильно зависима от чрезвычайно волатильных мировых цен на сырьевые ресурсы. Одновременно на экономики стран ЛАКБ негативное воздействие оказывали такие внешние факторы, как стагнация мировой торговли (Окампо, 2015, с. 6), сокращение международного финансирования, падение темпов экономического роста как внутри региона, так и в одном из ключевых торговых партнеров и инвесторов — Китайской Народной Республике (Зверева, 2019, с. 173; Яковлев, 2016, с. 121).

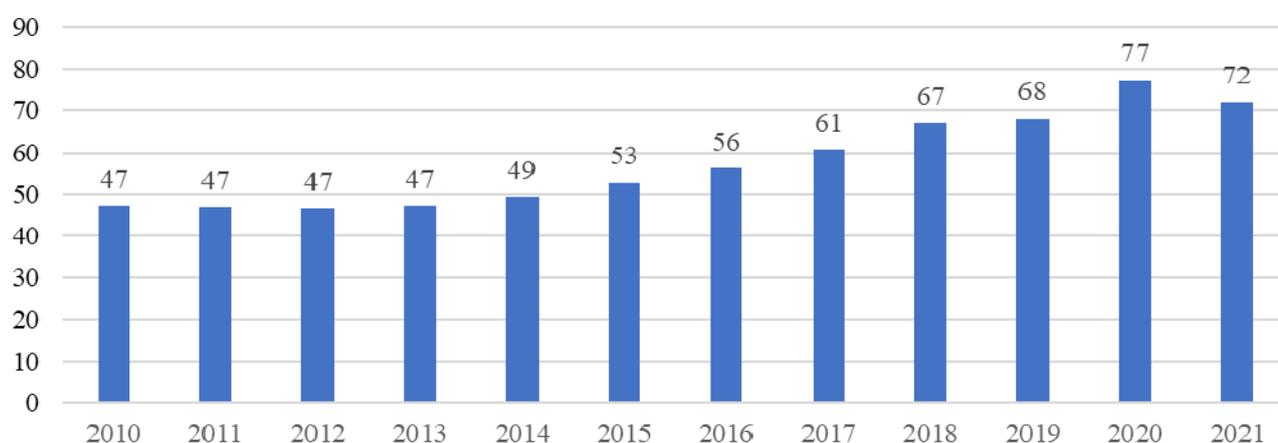
Среди внутренних дестабилизирующих факторов следует отметить ограниченные возможности существующих институциональных механизмов по обеспечению должной дисциплины государственных расходов, неисполнение и (или) ослабление утвержденных фискальных правил, рост инфляции, злоупотребления командно-административными методами, непрекращающиеся скандалы среди ветвей власти и рост социальной напряженности (Кузнецов, Морозов, 2020, с. 162). С учетом внешних и внутренних дисбалансов развития страны ЛАКБ являются регионом, наиболее пострадавшим в результате пандемии. Отмечается, что причины такого разрушительного эффекта связаны в первую очередь с наличием перманентных структурных социально-экономических дисбалансов (Bárcena, 2021, p. 62), весь комплекс которых в полной мере проявился во время пандемии COVID-19 (Яковлева, Яковлев, 2020, с. 82).

Так, правительства стран ЛАКБ столкнулись с одновременной необходимостью реформирования систем здравоохранения, экстренной разработки антикризисных мер,

Рис. 1. Бюджетный баланс ряда стран ЛАК в 2019—2021 гг., % от ВВП

Источник: Fiscal Monitor (October 2022) // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM> (accessed: 20.10.2022).

Рис. 2. Отношение государственного долга к ВВП в ЛАКБ в 2010—2021 гг., % от ВВП

Источник: World Economic Outlook (April 2022) // IMF. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO> (accessed: 20.06.2022).

направленных на стимулирование и поддержку национальных экономик, а также рефинансирования уже имеющихся государственных долговых обязательств и обслуживания новых в условиях ограниченных бюджетных ресурсов (Cardenas et al., 2021, p. 1). Возросшая потребность латиноамериканских правительств в дополнительном финансировании антикризисных мер в условиях сокращения государственных доходов, карантинных мер, парализовавших работу реального сектора экономики, резкого падения совокупного спроса и покупательской способности населения, роста безработицы и социальных беспорядков (Arellano, Bai & Michalache, 2021, p. 3), имела результатом беспрецедентное увеличение дефицита бюджетов стран ЛАКБ в 2020—2021 гг. (рис. 1). Эти обстоятельства вынудили правительства этих стран осуществлять

государственные заимствования на международных рынках капитала в гораздо больших объемах, чем прежде².

Это, в свою очередь, привело к интенсификации процесса наращивания государственной задолженности в Латиноамериканском регионе (рис. 2).

Резкое падение производства в сочетании с необходимостью увеличения выплат в целях борьбы с пандемией привело к тому, что латиноамериканские страны накопили и продолжают наращивать и без того внушительный объем государственного долга, который может поставить под угрозу перспективы

² Latin America's Heavy Debt Load Could Spark More Unrest in 2022 // Bloomberg. December 17, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-17/latin-america-s-heavy-debt-issuance-seen-risking-future-unrest> (accessed: 11.03.2022).

их устойчивого развития (Mirabal Cano & García Encinas, 2021, p. 4; Sturzenegger, 2020, p. 7). По данным агентства Bloomberg, в 2020 г. в Латиноамериканском регионе состоялось шесть дефолтов по суверенным облигациям — по государственным долговым обязательствам Эквадора, Аргентины, Белиза и еще трижды по государственным долговым обязательствам Суринама. Экономике Мексики, Бразилии, Сальвадора, Венесуэлы также подвержены риску неплатежеспособности³. Кроме того, были реструктурированы государственные облигации латиноамериканских стран в совокупном размере более 80 млрд долл. США⁴.

Увеличение темпов роста долговых обязательств, учитывая текущую тенденцию наращивания странами ЛАКБ объемов заимствований, является значительным макроэкономическим риском дальнейшего ухудшения региональной долговой устойчивости (Herrero, 2021, p. 15). Как отмечает американское рейтинговое агентство Fitch Ratings, скачок в объемах заимствований лишь усилил подверженность экономики региона шокам. При этом агентство прогнозирует дальнейшее увеличение совокупного государственного долга стран ЛАКБ⁵. Однако, по данным МВФ, в 2021 г. показатель государственного долга стран ЛАКБ по отношению к объему их ВВП уменьшился на 5 % (см. рис. 2). Как отмечают эксперты Deloitte и Fitch Ratings, ввиду как внутренних дисбалансов, так и последствий международной геополитической напряженности, перспективы экономического восстановления в Латиноамериканском регионе остаются неопределенными⁶.

³ Latin America Focus: Fall 2021 // White & Case. October 25, 2021. URL: <https://www.whitecase.com/publications/insight/latin-america-focus/sovereign-debt> (accessed: 25.03.2022).

⁴ Six Sovereign Defaults in 13 Months Roil Latin American Markets // Bloomberg. May 12, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-12/six-defaults-in-13-months-upend-latin-america-s-bond-market> (accessed: 25.03.2022).

⁵ Fiscal Challenges to Persist in Latin America in 2022 // Fitch Ratings. December 7, 2021. URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fiscal-challenges-to-persist-in-latin-america-in-2022-07-12-2021> (accessed: 15.03.2022).

⁶ См.: Latin America Economic Outlook, June 2022 // Deloitte. June 23, 2022. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/americas/latin-america-economic>

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть реакцию международных и региональных институтов развития на проблему долговой устойчивости Латиноамериканского региона, особенно с учетом возможного повторения глобального финансового кризиса.

Роль международных и региональных институтов развития в решении долговой проблемы стран ЛАКБ

Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 наглядно проиллюстрировали важность наличия дополнительного источника финансирования в условиях сокращения государственных доходов. Способность стран оперативно мобилизовать как внутренние, так и внешние финансовые ресурсы (в том числе заемные) без существенных последствий для их экономик позволила обеспечить своевременный ответ на вызовы пандемии.

Тем не менее в современных условиях ряд стран ЛАКБ находятся в уязвимом финансовом положении и все чаще сталкиваются с ограничениями при осуществлении новых государственных заимствований, в том числе путем размещения государственных ценных бумаг на благоприятных условиях. Поэтому страны региона более активно обращаются за поддержкой к международным и региональным институтам развития, готовым предоставить дополнительную ликвидность. При этом условия финансирования и вид долгового инструмента определяются многосторонними институтами для каждой страны-заемщика индивидуально с учетом необходимости преодоления образовавшихся структурных дисбалансов, препятствующих экономическому росту.

Активное сотрудничество стран ЛАКБ с международными и региональными финансовыми организациями в условиях пандемии было призвано сгладить проблему чрезмерной государственной задолженности за счет

---

outlook.html (accessed: 15.07.2022); Latin American Sovereign Ratings Stabilizing below Pre-Pandemic Levels // Fitch Ratings. January 12, 2022. URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/latin-american-sovereign-ratings-stabilizing-below-pre-pandemic-levels-13-01-2022> (accessed: 15.07.2022).

достижения устойчивого экономического роста и инвестиций. Однако, как отмечается в специальном отчете Экономической комиссии ООН по странам ЛАКБ (CEPAL), международное многостороннее финансирование в Латиноамериканском регионе было весьма ограниченным⁷. Далеко не все страны ЛАКБ смогли удовлетворить свои потребности за счет льготных средств международных финансовых организаций (МФО), несмотря на тяжелейшие последствия пандемии. Проблемы финансирования со стороны ключевых МФО были связаны с тем, что Международный валютный фонд и Всемирный банк направляли ресурсы преимущественно в страны с низким уровнем дохода и уровнем дохода населения ниже среднего. Так, по данным отчета CEPAL, в 2020 г. Всемирный банк через Международную ассоциацию развития (МАР) направил в эти страны 75 % доступного финансирования⁸. Только 7 стран Латиноамериканского региона — Гондурас, Боливия, Доминика, Гренада, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия и Гаити — получили финансирование через Международную ассоциацию развития в размере 908 млн долл. США на льготных условиях. Остальные латиноамериканские страны получали финансирование на рыночных условиях. Таким образом, в результате пандемии объем государственных долговых обязательств стран ЛАКБ перед Всемирным банком увеличился с 6,1 млрд долл. США в 2019 г. до 10,2 млрд долл. США в 2021 г.⁹

Следует отметить, что в соответствии со сводом правил, известным как Вашингтонский консенсус, программы стабилизации Всемирного банка и МВФ, помимо высокой стоимости обслуживания, нередко сопровождаются дополнительными требованиями к проводимой государством социально-экономической и финансовой политике. Среди таких требований наиболее популярным является сокращение бюджетных расходов.

⁷ An Innovative Financing for Development Agenda for the Recovery in Latin America and the Caribbean // CEPAL. December 3, 2021. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47490/3/S2100627_en.pdf (accessed: 13.06.2022).

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

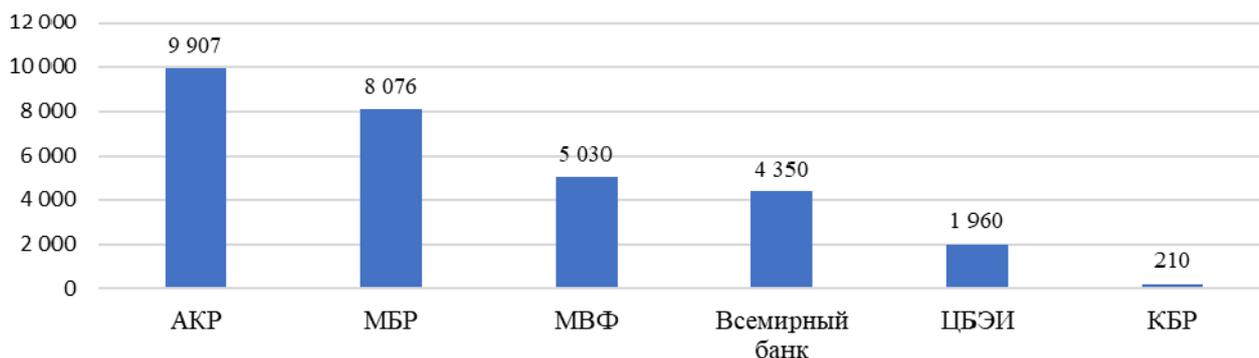
Ввиду закономерного неблагоприятного социально-экономического эффекта обусловленность кредитования по линии Бреттон-Вудских институтов проведением определенных политических мероприятий неоднократно подвергалась критике и вызывала социальное недовольство и протесты в регионе (Хейфец, Правдюк, 2020, с. 62—64).

При этом основной и наиболее оперативный приток заемных денежных средств в регион был осуществлен по линии непосредственно региональных институтов развития, среди которых Межамериканский банк развития (МБР), Андская корпорация развития (АКР), Центральноамериканский банк экономической интеграции (ЦБЭИ), Карибский банк развития (КБР). В 2020 г. АКР стал наиболее значимым источником внешнего финансирования региона, обеспечив его в размере 9,9 млрд долл. США в целях борьбы с пандемией. МБР, в свою очередь, обеспечил финансирование в размере 8 млрд долл. США, ЦБЭИ — 2 млрд долл. США и КБР — 0,2 млрд долл. США (рис. 3).

Получаемая странами ЛАКБ финансовая поддержка от международных и региональных финансовых организаций преимущественно использовалась для финансирования чрезвычайных программ в области здравоохранения¹⁰. Следует, однако, отметить, что подобные формы кредитования обусловлены ожиданием восстановления устойчивых темпов экономического роста. В случае отсутствия положительных экономических результатов кредитная поддержка со стороны МФО отразится на росте как объемов государственных долговых обязательств стран региона, так и стоимости обслуживания принятых обязательств. В дополнение к исторически накопленным государственным долгам это может еще больше обострить сформированные очаги нарушения долговой устойчивости в долгосрочной перспективе.

Учитывая непростую долговую ситуацию, в которой оказались многие страны в условиях пандемии, Всемирный банк и МВФ

¹⁰ Development Bank Financing in the Context of the COVID-19 Crisis in Latin America and the Caribbean // CEPAL. 2022. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47882/1/S2100766_en.pdf (accessed: 01.07.2022).

Рис. 3. Совокупный объем средств, выделенный международными и региональными банками развития на борьбу с COVID-19 за 2020—2021 гг. в странах ЛАКБ, млн долл. США

Источник: Development Bank Financing in the Context of the COVID-19 Crisis in Latin America and the Caribbean // CEPAL. 2022. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47882/1/S2100766_en.pdf (accessed: 01.07.2022).

в 2020 г. призвали «Большую двадцатку» (G20) временно предоставить ряду государств возможность приостановить платежи по их государственным долговым обязательствам до декабря 2021 г. Эта инициатива, получившая название «Инициатива по приостановке обслуживания государственного долга» (*Debt Service Suspension Initiative, DSSI*), распространялась только на наименее экономически развитых заемщиков, определенных ООН¹¹. Среди стран ЛАКБ право принять участие в данной инициативе получили только 8 стран (Гаити, Гондурас, Никарагуа, Доминика, Гренада, Гайана, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины), из которых только 4 согласились с условиями инициативы (Гренада, Гайана, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины)¹².

Настоящая инициатива является наиболее масштабным проектом МФО в ответ на проблемы с чрезмерной задолженностью ряда стран в условиях пандемии¹³. Однако она дает лишь временную отсрочку по платежам и не предполагает долгосрочного решения про-

блем чрезмерной задолженности и долговой устойчивости. После того как действие инициативы завершится, ее участники должны будут выплатить капитализированную отсроченную основную сумму долга и проценты по нему в течение 5 лет после окончания однолетнего льготного периода. Отсрочка рассчитана на то, что у стран — участниц инициативы появятся фискальные возможности не только противостоять среднесрочным и долгосрочным последствиям пандемии, но и обеспечить долговую устойчивость.

Однако на глобальном уровне не существует мер или инициатив, способных обеспечить развивающимся странам возможность роста темпами, которые позволили бы гарантировать устойчивость их государственной задолженности в столь короткие сроки. Так, в декабре 2021 г., несмотря на ухудшение экономических условий в ряде стран — участниц инициативы, они возобновили платежи по своим государственным долговым обязательствам. Принимая во внимание тот факт, что частные кредиторы преимущественно не поддержали эту инициативу, добиться улучшения фискальных возможностей у стран-участниц не получилось, в связи с чем инициатива оказалась преимущественно неэффективной¹⁴.

¹¹ Virtual Meeting of the G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Riyadh, Saudi Arabia, April 15, 2020 // G20 Research Group. 2020. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-finance-0415.html#a2> (accessed: 18.06.2022).

¹² Debt Service Suspension Initiative // The World Bank. March 10, 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/debt/brief/covid-19-debt-service-suspension-initiative> (accessed: 18.06.2022).

¹³ Debt Service Suspension and COVID-19 // The World Bank. July 28, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2020/05/11/debt-relief-and-covid-19-coronavirus> (accessed: 19.06.2022).

¹⁴ Ineffective G20 Debt Service Suspension Initiative Ends as World Faces Worst Debt Crisis in Decades // Brettonwoods Project. April 6, 2022. URL: <https://www.brettonwoodsproject.org/2022/04/ineffective-debt-service-suspension-initiative-ends-as-world-faces-worst-debt-crisis-in-decades/> (accessed: 01.07.2022).

В этой связи более действенным инструментом урегулирования чрезмерной задолженности латиноамериканских стран мог бы стать Фонд ликвидности (также *Fund to Alleviate COVID-19 Economics*, FACE), проект которого был предложен правительством Коста-Рики в декабре 2020 г. в рамках специального заседания Генеральной Ассамблеи ООН¹⁵. Фонд предназначен для смягчения последствий пандемии за счет перераспределения ликвидности из развитых стран в развивающиеся. Среди основных характеристик Фонда следует выделить следующие:

- объем средств в размере 516 млрд долл. США (это соответствует 3 % ВВП развивающихся стран или 0,7 % ВВП развитых стран);

- направленность деятельности на предоставление льготных кредитов на срок до 50 лет;

- свобода заемщиков от фискальных, монетарных или иных структурных условий (кроме требований к надлежащему управлению полученным финансированием);

- соответствие деятельности Фонда Целям устойчивого развития ООН¹⁶.

Безусловно, предложение о предоставлении льготного кредитования без структурных условий, с одной стороны, представляется наиболее эффективным. Однако, с другой стороны, попытка создать Фонд, аналогичный механизму экстренного финансирования МВФ, без ограничивающих условий за счет средств развитых стран может оказаться труднореализуемой инициативой ввиду низкой заинтересованности последних в предоставлении такого рода безвозмездного долгосрочного финансирования.

Таким образом, получение экстренной кредитной поддержки по линии международных и региональных институтов развития яв-

ляется значимым, а для целого ряда стран — единственным доступным механизмом борьбы с последствиями пандемии COVID-19. Одновременно, в случае ухудшения условий на макро- и микроуровне в кратко- или среднесрочном периоде в результате действия обстоятельств непреодолимой силы или наличия внутренних нерешенных структурных дисбалансов в экономиках стран ЛАКБ, финансовая поддержка, оказываемая институтами развития на рыночных условиях, по итогу лишь запускает очередной цикл государственных долгов. Вместе с существующим размером государственной задолженности ряда стран ЛАКБ это создает дополнительную нагрузку на их бюджетные системы, повышая долговые риски.

Решения, определяющие вектор развития региона

В октябре 2019 г. в своем отчете о тенденциях и перспективах роста стран ЛАКБ МВФ акцентировал внимание на неопределенности и слабой предсказуемости развития Латиноамериканского региона в будущем¹⁷. В аналогичном отчете в октябре 2021 г. МВФ подтвердил ранее сделанные неутешительные оценки¹⁸. Основанием для пессимистических прогнозов по-прежнему являются внешние факторы, связанные с низкими темпами экономического роста, нестабильностью цен на сырьевые товары и неустойчивостью потоков капитала. Как и ранее, препятствием для экономического роста выступает политическая неопределенность в некоторых крупных странах ЛАКБ, что служит причиной распространения беспорядков, в то время как пандемия обострила опасность регионального социально-экономического коллапса (Звонова, 2020, с. 9). С учетом вышесказанного, а также принимая во внимание неизбежную вероятность возникновения новых внутренних

¹⁵ At UN, Costa Rica Defends International Fund to Alleviate Economic Blow of Pandemic // *The Tico Times*. September 23, 2020. URL: <https://ticotimes.net/2020/09/23/at-un-costa-rica-defends-international-fund-to-alleviate-the-economic-blow-of-pandemic> (accessed: 01.07.2022).

¹⁶ Costa Rica Presents a Proposal for a COVID-19 Economic Relief Fund // CEPAL. September 25, 2020. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/costa-rica-presents-proposal-covid-19-economic-relief-fund> (accessed: 05.07.2022).

¹⁷ Regional Economic Outlook: Stunted by Uncertainty // IMF. October, 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/WH/Issues/2019/10/22/wreo1019> (accessed: 15.03.2022).

¹⁸ Werner A., Ivanova A., Komatsuzaki T. Outlook for Latin America and the Caribbean: A Long and Winding Road to Recovery // IMF Blog. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/02/08/blog-latin-america-and-caribbeans-winding-road-to-recovery> (accessed: 13.03.2022).

и внешних дестабилизирующих факторов, дальнейшее увеличение государственных долгов без проведения необходимых структурных изменений может лишь усугубить рецессию в регионе.

Таким образом, перспективы дальнейшего развития региона напрямую зависят от характера принимаемых текущих правительственных решений. В этой связи главный экономист Всемирного банка К. Рейнхарт предлагает развивающимся странам увеличивать размер задолженности в целях борьбы с последствиями пандемии коронавируса, но при этом предупреждает, что позже эти страны пострадают от беспрецедентной волны долговых кризисов и реструктуризации долга. «Сначала вы беспокоитесь о войне, а затем выясняете, как за нее заплатить», — говорит К. Рейнхарт, подразумевая, что последствия пандемии могут быть значительно серьезнее последствий долгового кризиса¹⁹. Между тем следует учитывать, что последствия долгового кризиса могут быть не менее катастрофическими: от тотального уровня бедности и беспорядков до гражданских конфликтов с еще большим числом пострадавших.

Следовательно, правительства стран ЛАКБ сейчас поставлены перед крайне сложным выбором: либо проводить политику оптимизации и перераспределения бюджетных расходов для недопущения ухудшения долговой устойчивости, либо реализовывать мягкую фискальную политику, целью которой является стимулирование экономической активности и поддержка наиболее пострадавших отраслей экономики. Важно подчеркнуть, что политика стимулирования экономики обходится развивающимся странам значительно дороже, чем развитым. Требования инвесторов к минимальной доходности по государственным ценным бумагам развивающихся стран значительно выше, чем по бумагам развитых стран (Bizuneh & Geremew, 2021). Также следует отметить и валютные риски, связанные с потерей стоимости национальной валюты по отношению к иностран-

ной, в которой деноминированы долговые обязательства, что особенно проявляется в разнохарактерных кризисных условиях. Все вышеперечисленные факторы проявляются в удорожании стоимости обслуживания государственного долга.

Тем не менее, вероятнее всего, латиноамериканские страны продолжат наращивать государственные заимствования. Так, страны ЛАКБ могут стать крупнейшими эмитентами государственных долговых обязательств среди развивающихся стран. Ожидается, что Чили, Бразилия, Колумбия, Мексика и Перу в 2022 г. продолжат активно удовлетворять свои потребности в финансировании за счет заемных источников для решения в том числе и вопросов общегосударственного характера (Villavicencio, 2021).

Сохранение тенденции на наращивание государственного долга для целей стимулирования экономического роста в текущих условиях повышает риски долгового кризиса. В связи с ухудшением балансов государственных бюджетов, обострением социально-экономической ситуации и отсутствием в регионе явных признаков резкого экономического подъема в 2022 г.²⁰ ожидается, что страны-заемщики произведут существенные фискальные корректировки в целях минимизации долговых рисков. Во-первых, речь идет о переосмыслении приоритетов расходования бюджетных средств в условиях, когда их значительная часть сосредоточена вокруг финансирования систем здравоохранения. Во-вторых, возникает необходимость увеличения государственных доходов за счет налоговых реформ, например посредством повышения налоговых сборов на вредные для здоровья товары²¹.

²⁰ Latin America and the Caribbean's Growth Will Slow to 2.1% in 2022 amid Significant Asymmetries between Developed and Emerging Countries // CEPAL. January 12, 2022. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/latin-america-and-caribbeans-growth-will-slow-21-2022-amid-significant-asymmetries> (accessed: 20.03.2022).

²¹ Urgent Reforms Needed to Boost Growth and Prevent Another Lost Decade in Latin America and the Caribbean // The World Bank. October 5, 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/10/05/urgent-reforms-needed-to-boost-growth-and-prevent>

¹⁹ Borrow to Fight Economic Impact of Pandemic, Says World Bank's Chief Economist // Financial Times. October 8, 2020. URL: <https://www.ft.com/content/0582e495-765a-46a1-98f9-ac48e80a139c> (accessed: 20.03.2022).

Важно отметить, что государственные инициативы, связанные с увеличением налоговой нагрузки, наталкиваются на гражданское недовольство и протесты (Кузнецов, Морозов, 2020, с. 164—165), что усложняет проведение государственной политики. Повышение налогов является главным и наиболее эффективным защитным фискальным механизмом правительств Латиноамериканского региона для предупреждения долгового кризиса. Однако отсутствие у них возможности задействовать данный механизм вынуждает обращаться к долговому рынку облигационных займов и межправительственных кредитов или к программам институтов развития как механизмам обеспечения стабилизации национальных экономик. Представляется, что данный механизм не имеет альтернативы. Обращение правительств к международному долговому рынку позволяет им оказывать финансовую поддержку пострадавшей национальной экономике без увеличения налоговых ставок, введения новых налогов или сокращения налоговых льгот, а самое главное — без существенной оптимизации расходов. Однако, как показывает мировая практика, такая политика приводит кризисные экономики к еще большему экономическому спаду²².

Таким образом, передача растущего государственного долгового бремени от одного правительства к другому может происходить достаточно длительное время. Однако такой процесс не может длиться бесконечно. В итоге рано или поздно правительство в условиях нового кризиса сталкивается с ужесточением рыночных условий и в силу политических и (или) экономических причин оказывается отрезанным от внешнего финансирования. Последствия от сформированного финансового пузыря, состоящего из накапливаемых десятилетиями государственных долговых обязательств, могут быть катастрофическими как для отдельной страны, так и для мировой экономики в целом.

Вместе с тем сам факт дефолта не является столь же катастрофичным, как

возможность остаться без дополнительного финансирования вследствие различных экономических или политических санкций или в условиях новой, ранее не предсказанной эпидемиологической угрозы. Каким бы серьезным ни был дефолт, со временем всегда появляются новые инвесторы, которые, избавившись от различных предрассудков, за оправданный размер премии будут готовы принять участие в новом цикле долгового финансирования. При этом необходимо осознавать, что сегодня внешние государственные заимствования больше не могут считаться универсальным антикризисным инструментом при наличии существенной долговой нагрузки. В этой связи странам ЛАКБ рекомендуется провести работу по поиску альтернативных путей управления экономикой, подразумевающих минимальное и безопасное использование внешнего заемного капитала. Для обеспечения дальнейшего стабильного развития необходимо отдать приоритет внутренним структурным реформам, не перекладывая проблему растущего долгового бремени на будущие поколения.

Необходимость реформ и предложения

Безусловно, увеличение объемов суверенного долга является предметом регулярных споров, имеющих как сторонников, так и оппонентов. Приверженцы концепции увеличения долговой нагрузки считают возможным осуществление за счет заемных источников мероприятий как по стимулированию экономики, так и по сглаживанию потрясений. Так, например, во время кризиса COVID-19 суверенный долг смог стать инструментом минимизации социально-экономических последствий пандемии (Morales & Wanderley, 2020). Кроме того, он может способствовать оживлению экономики за счет государственных инвестиций и расходов и обеспечить содействие инклюзивному и устойчивому росту (Zavaleta Gonzalez, 2020).

Однако экономическая история большинства стран Латиноамериканского региона свидетельствует об обратном: государственная задолженность стран ЛАКБ исторически преимущественно ограничивала, а не стимулировала возможности развития, еще больше

another-lost-decade-in-latin-america-and-the-caribbean (accessed: 16.03.2022).

²² Существует и третий вариант — фискальные резервы, но в ряде случаев или они истощены, или отсутствует рентабельность их использования.

увеличивая их зависимость от зарубежных стран²³. В силу этого следует признать, что государственные заимствования не могут считаться универсальным инструментом решения всех социально-экономических дисбалансов, в том числе из-за своего накопительного и обременительного характера, который в стремительно ухудшающихся экономических условиях может еще больше дестабилизировать национальные экономики. Нахождение ряда латиноамериканских государств в условиях отсутствия явных перспектив быстрого экономического восстановления обуславливает важность проведения мер, направленных на предупреждение долговых рисков.

На данный момент продолжающаяся пандемия COVID-19 является одним из наиболее деструктивных факторов, обременяющих процесс текущего регионального восстановления. С большой долей вероятности ожидается появление новых штаммов COVID-19, но такого масштаба, как в 2020—2021 гг., пандемия уже не достигнет (Murray, 2022, p. 419).

В контексте регионального восстановления в условиях сохраняющейся тяжелой эпидемиологической обстановки особую значимость приобретают вопросы, связанные с формированием и исполнением бюджетов в странах ЛАКБ. Сценарное прогнозирование управления налогово-бюджетной политикой может обеспечить существенное улучшение качества и точности принимаемых решений в стремительно меняющихся условиях. Так, на основании только трех прогнозных вариантов (пессимистический, базовый и оптимистический), учитывающих различные микро- и макроусловия, можно повысить оперативность реагирования бюджетной системы на потребности национальных экономик.

Важность механизма сценарного прогнозирования можно продемонстрировать на примере начального этапа пандемии: столкнувшись с вызовом, требующим нестандартных мер, страны ЛАКБ, как и многие другие страны, не были готовы оперативно обеспечить

оптимизацию и перераспределение бюджетных средств в пользу более приоритетных областей, что отразилось на первичных антикризисных пакетах, размеры которых оказались существенно ниже ожидаемых (Esteves, 2020). Напротив, оперативные действия со стороны правительств стран ЛАКБ позволили бы наиболее эффективно в кратчайшие сроки сформировать такую государственную налогово-бюджетную программу, которая отвечала бы вызовам пандемии на ее начальном этапе.

Не менее важная роль отводится непосредственно мерам налогово-бюджетной политики. Продолжительная поддержка политики бюджетной экспансии в контексте недопущения ухудшения финансовой устойчивости возможна только при условии наличия достаточных фискальных резервов. Это указывает на необходимость формирования и поддержания нормативных бюджетных правил, за счет которых формируются и пополняются фискальные стабилизационные фонды. Среди таких правил, действующих в странах ЛАКБ, можно отметить правило Чили, в основе которого лежит динамика цен на медь (Ffrench-Davis, 2010, p. 6), или, например, бюджетное правило Венесуэлы, ориентированное на динамику цен на нефть²⁴.

Следует отметить, что такие бюджетные правила напрямую зависят от рыночной конъюнктуры, что в условиях низких цен на биржевые товары не способствует пополнению стабилизационных фондов. На фоне рассмотренных выше двух правил особенно выделяется правило Перу, где в качестве переменных выступают доходы от приватизации, роялти за эксплуатацию невозобновляемых природных ресурсов и авансовые поступления от государственных концессий (Berganza, 2012; Blanco et al., 2020). С точки

²³ La Deuda Pública en Constante Incremento: Reporte de la Deuda Externa e Interna // Fundación Jubileo. 2020. URL: <https://jubileobolivia.org.bo/publicaciones/Revistas-Especializadas/La-Deuda-Publica-en-constante-incremento> (accessed: 16.03.2022).

²⁴ См.: Puente J. M., Daza A., Rios G., Rodriguez A. The Political Economy of the Budget Process: The Case of Venezuela // IADB. November, 2006. URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/The-Political-Economy-of-the-Budget-Process-The-Case-of-Venezuela.pdf> (accessed: 15.06.2022); Rodríguez P., Morales J. R., Monaldi F. J. Direct Distribution of Oil Revenues in Venezuela: A Viable Alternative? // Center for Global Development. September 13, 2012. URL: <https://www.cgdev.org/publication/direct-distribution-oil-revenues-venezuela-viable-alternative-working-paper-306> (accessed: 16.06.2022).

зрения финансовой стабильности бюджетное правило Перу более устойчиво по сравнению с правилами Венесуэлы и Чили, которые напрямую зависимы от рыночных условий.

Независимо от источников формирования таких фискальных буферов их важность обусловлена непосредственно возможностью их реализации латиноамериканскими странами в качестве фискального стабилизатора без применения мер, связанных с повышением ставок налогов, оптимизацией государственных расходов, а также обращением к дополнительным государственным заимствованиям. Наличие такого искусственного стабилизационного буфера ликвидности также формирует более благоприятные условия для осуществления государственных заимствований на международном долговом рынке (Blanco et al., 2020). В настоящее время это приобретает особую актуальность, поскольку отказаться от осуществления государственных заимствований в ближайшей перспективе не представляется возможным²⁵. В связи с этим нужны специальные механизмы и инструменты заемного финансирования, которые не приводили бы к существенному ухудшению состояния государственных финансов в регионе.

Одним из таких финансовых инструментов, направленных на обеспечение большей мобильности при осуществлении государственных заимствований, могут стать закрытые выпуски государственных ценных бумаг, предназначенные для специальной категории частных и устойчивых с финансовой точки зрения корпораций-резидентов. Ключевая особенность этого инструмента заключается в принудительном характере отчуждения в пользу государства части получаемой корпорациями сверхприбыли на возмездной основе.

Предполагаемыми характеристиками таких ценных бумаг являются недолгосрочный период обращения, отсутствие вторичного рынка и купонный доход ниже рыночного. Как элемент антикризисного управления общественными финансами настоящий механизм является компромиссом между государством,

получающим дополнительную заемную ликвидность на благоприятных условиях, и корпорациями, не заинтересованными в росте налоговых ставок.

Одновременно в качестве дополнительного механизма предупреждения снижения долговой нагрузки на центральные бюджеты предлагается реализовать соглашение, построенное на базе государственно-частного партнерства (ГЧП). Так, в соответствии со сформированным соглашением частной корпорации-резиденту поручается осуществить целевой заем для финансирования конкретной государственной программы, которая принесет выгоду и корпорации-эмитенту. В рамках такого механизма источником ликвидности становится корпоративный долг, финансирование которого направлено в том числе и на государственные цели.

Учитывая, что такой долг является корпоративным и государство не гарантирует его, согласно международной методологии Статистики долга государственного сектора (*Public Sector Debt Statistics*)²⁶ и Статистики государственных финансов (*Government Finance Statistics*)²⁷, обязательства по такому долгу не учитываются на балансе государства в случае, если корпорация-эмитент не является государственной. Государство же обеспечивает исключительные налоговые и (или) таможенные льготы, за счет которых осуществляется обслуживание и погашение долгового обязательства эмитента. Таким образом, предлагается искусственно снизить объем государственного долга за счет увеличения роли частного сектора в экономике. С одной стороны, такая схема снижает долговую нагрузку на центральные бюджеты на сумму принятого долга и процентов, а с другой — предоставляет корпорациям возможность увеличить собственные доходы.

Важно отметить, что исключительные льготы, предоставляемые частному сектору, должны отвечать требованиям рыночного компромисса. Так, беспроцентный импорт

²⁶ Public Sector Debt Statistics: Guide for Compilers and Users. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2011. P. 319. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/book/9781484349762/9781484349762.xml> (accessed: 16.06.2022).

²⁷ Government Finance Statistics: Manual 2014. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2014. P. 207—217. URL: <https://www.imf.org/external/Pubs/FT/GFS/Manual/2014/gfsfinal.pdf> (accessed: 16.06.2022).

²⁵ Latin America's Heavy Debt Load Could Spark More Unrest in 2022 // Bloomberg. December 17, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-17/latin-america-s-heavy-debt-issuance-seen-risking-future-unrest?leadSource=uverify%20wall> (accessed: 11.03.2022).

может существенно повлиять на рыночную конкуренцию. Не менее важным фактором является и то, что освобождение государства от долгового обязательства подразумевает потерю налоговых и (или) таможенных доходов на сумму предоставленных льгот частному сектору.

Рассмотренные выше финансовые механизмы и инструменты обуславливают компромиссный характер структурных изменений, направленных на достижение большей региональной долговой устойчивости преимущественно за счет увеличения роли частного капитала в управлении национальными экономиками.

Заключение

В 2020 г. мир столкнулся с вызовами, требующими нестандартных ответов. В латиноамериканских странах пандемия вызвала не только человеческие жертвы и кризис в области здравоохранения, но и глубокий структурный кризис, связанный с нерешенными социально-экономическими и политическими противоречиями в регионе, что негативно отразилось на состоянии государственных финансов.

Неэффективность проводимой с 2014 г. финансово-экономической политики в результате кризиса, вызванного пандемией, привела к обострению проблем платежеспособности и долговой устойчивости Латиноамериканского региона, что выразилось в череде дефолтов и росте объемов операций по реструктуризации государственной задолженности.

Отсутствие долгосрочных гарантий платежеспособности ряда стран ЛАКБ широко обсуждается в средствах массовой информации, а также среди специалистов крупнейших международных финансовых организаций и рейтинговых агентств. Подобный информационный фон побуждает международных инвесторов и кредиторов либо к сокращению инвестиционных и кредитных потоков, направляемых в регион, либо к увеличению

запрашиваемой премии за риск, что в итоге способствует ухудшению долговой устойчивости в регионе. Рост внимания международной общественности к этим вопросам напрямую влияет на объемы и условия дальнейшего кредитования.

В связи с вышеизложенным представляется возможным минимизировать долговые риски стран ЛАКБ за счет реализации следующих мер.

Во-первых, принимая во внимание факт текущей неопределенности дальнейшего экономического развития, при формировании и исполнении центральных бюджетов целесообразно исходить из сценарного планирования, что существенно повысит оперативность принятия решений в стремительно меняющихся условиях.

Во-вторых, следует изучить практические возможности повышения доступности заемного финансирования для правительств стран ЛАКБ за счет использования новых финансовых инструментов и механизмов. Предлагаемые в данном исследовании меры по совершенствованию фискальной политики, а также финансовые инструменты и механизмы смогут способствовать достижению более сбалансированной и устойчивой долговой политики, сочетающей в себе как необходимость осуществления государственных заимствований на приемлемых условиях, так и снижение долгового риска для страны-эмитента.

Учитывая кумулятивный характер политических и социально-экономических противоречий и дисбалансов в Латиноамериканском регионе, урегулирование проблемы чрезмерного долгового бремени стран ЛАКБ имеет приоритетную важность с точки зрения недопущения формирования новых локальных очагов долгового кризиса в условиях усиления геополитической напряженности в мире и вероятности повторения глобального финансового кризиса.

Поступила в редакцию / Received: 03.01.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 05.09.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Зверева В. С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 171—183. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-2-171-183>

- Звонова Е. А. Трансформация мировой экономики и пандемия // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 4. С. 6—19.
- Кузнецов А. В., Морозов С. А. Долговой рынок стран Латинской Америки: источники рисков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 6. С. 161—180. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-6-9>
- Окампо Х. А. Неопределенные времена // Finance & Development. 2015. Т. 52, № 3. С. 6—11.
- Хейфец В. Л., Правдюк Д. А. Деятельность МВФ в Латинской Америке в XXI веке: поиск новой парадигмы взаимоотношений // Латинская Америка. 2020. № 10. С. 54—67. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011331-3>
- Яковлев П. П. Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма» // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 8. С. 117—130.
- Яковлева Н. М., Яковлев П. П. Латинская Америка: дорога к коронакризису // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 5. С. 73—93. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-5>
- Arellano C., Bai Y., Mihalache G. P. Deadly Debt Crises: COVID-19 in Emerging Markets // NBER Working Paper. 2021. No. 27275. P. 1—46. <https://doi.org/10.3386/w27275>
- Bárcena A. Efectos Socioeconómicos de la COVID-19 en América Latina y el Caribe y Perspectivas de Recuperación // Pensamiento Iberoamericano. 2021. No. 10. P. 61—87.
- Berganza J. C. Fiscal Rules in Latin America: A Survey // Banco De España. Documentos Ocasionales. 2012. No. 1208. P. 1—41. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/322621204.pdf> (accessed: 30.09.2022).
- Bizuneh M., Geremew M. Assessing the Impact of COVID-19 Pandemic on Emerging Market Economies' (EMEs) Sovereign Bond Risk Premium and Fiscal Solvency // Eastern Economic Journal. 2021. Vol. 47, no. 4. P. 519—545. <https://doi.org/10.1057/s41302-021-00201-y>
- Blanco F., Saavedra P., Koehler-Geib F., Skrok E. Fiscal Rules and Economic Size in Latin America and the Caribbean. Washington, D.C. : Latin American Development Forum, World Bank, 2020.
- Cardenas M., Ricci L. A., Roldos J., Werner A. M. Fiscal Policy Challenges for Latin America During the Next Stages of the Pandemic: The Need for a Fiscal Pact // IMF Working Paper. 2021. No. 077. P. 1—40. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/03/17/Fiscal-Policy-Challenges-for-Latin-America-during-the-Next-Stages-of-the-Pandemic-The-Need-50263> (accessed: 30.09.2022).
- Esteves P. Latin America's Uncoordinated Response in Tackling COVID-19 // SAIIA Policy Insights. 2020. No. 97. P. 1—17. URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2020/12/Policy-Insights-97-Estevés.pdf> (accessed: 30.09.2022).
- Ffrench-Davis R. Latin America: The Structural Fiscal Balance Policy in Chile: A Move Toward Counter-Cyclical Macroeconomics // Journal of Globalization and Development. 2010. Vol. 1, no. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.2202/1948-1837.1051>
- Herrero A. G. Why Are Latin American Crises Deeper Than Those in Emerging Asia, Including That of COVID-19? // ADBI Working Papers. 2021. No. 1221. P. 1—21. URL: <https://www.adb.org/publications/why-latin-american-crises-deeper-than-those-emerging-asia-covid-19> (accessed: 30.09.2022).
- Mirabal Cano L. P., García Encinas L. F. ¿Repensar la Deuda Pública en Bolivia? // Serie Ideas y Reflexiones. 2021. No. 1. P. 1—9. URL: https://iisec.ucb.edu.bo/assets_iisec/publicacion/03052021_HSS_Mirabal_Garcia.pdf (accessed: 30.09.2022).
- Morales J. A., Wanderley F. Reactivación Económica // Bolivia Debate: Un Future Sustentable. La Paz : Bolivia Debate, 2020. P. 4—10.
- Murray C. J. L. COVID-19 Will Continue But the End of the Pandemic Is Near // The Lancet. 2022. Vol. 399, no. 10323. P. 417—419. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(22\)00100-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(22)00100-3)
- Sturzenegger F. ¿Necesitamos Repensar la Política de Deuda en Latinoamérica? // PNUD América Latina y el Caribe. 2020. No. 23. P. 1—32. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/latinamerica/undp-rblac-CD19-PDS-Number23-Deuda-ES.pdf> (accessed: 30.09.2022).
- Villavicencio G. Subordinate Financialization and Debt Securitization in Latin America: The Experiences of Argentina, Mexico and Brazil // El Trimestre Económico. 2021. Vol. 88, no. 349. P. 181—200. <https://doi.org/10.20430/ete.v88i349.966>
- Zavaleta Gonzalez J. Public Debt Accumulation and Fiscal Policy in Latin America // Investigación Económica. 2020. Vol. 79, no. 314. P. 3—27. <https://doi.org/10.22201/fe.01851667p.2020.314.76704>

Сведения об авторах: Кузнецов Алексей Владимирович — доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; ORCID: 0000-0003-3669-0667; e-mail: kuznetsov0572@mail.ru
Морозов Сергей Александрович — аспирант департамента мировых финансов факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; ORCID: 0000-0003-0644-3307; e-mail: tisefohero@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-802-804

Рецензия на книгу:

Hicks D. *The Brutish Museums: The Benin Bronzes, Colonial Violence and Cultural Restitution*. London : Pluto Press, 2020. 336 p.

Н.Е. Хохолькова¹, Е.В. Блинова²

¹ Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

² Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

khokholkova@gmail.com

Для цитирования: Хохолькова Н. Е., Блинова Е. В. Рецензия на книгу : Hicks D. *The Brutish Museums: The Benin Bronzes, Colonial Violence and Cultural Restitution*. London : Pluto Press, 2020. 336 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 802—804. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-802-804>

Book review:

Hicks, D. (2020). *The Brutish Museums: The Benin Bronzes, Colonial Violence and Cultural Restitution*. London: Pluto Press, 336 p.

Nadezhda E. Khokholkova¹, Elizaveta V. Blinova²

¹ Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

² P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

khokholkova@gmail.com

For citation: Khokholkova, N. E., & Blinova, E. V. (2022). Book review: Hicks, D. (2020). *The Brutish museums: The Benin bronzes, colonial violence and cultural restitution*. London: Pluto Press, 336 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 802—804. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-802-804>

Музеи, классические и современные, продолжают играть существенную роль в формировании культурных и исторических нарративов. В условиях постколониального поворота интенсифицировались процессы переосмысления организации, содержания и этики музейных пространств. Проблемы интерпретации колониального наследия, вопросы репараций и реституций волнуют как бывших

колонизированных, стремящихся достигнуть исторической справедливости, так и бывших колонизаторов, готовых признать историческую вину. «Пора всем музеям стать постколониальными» — призыв, сформулированный руководителем организации *Culture&* Эрлом Френсисом, был опубликован в 2018 г. на сайте Ассоциации музеев. В дискуссиях о судьбах «колониальных трофеев» и будущем

© Хохолькова Н.Е., Блинова Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

коллекций участвуют не только музейные сотрудники, но и чиновники, журналисты, пользователи социальных сетей и, конечно, ученые, чей труд среди прочего состоит и в том, чтобы обеспечить ту или иную сторону верифицированными аргументами.

19 февраля 2022 г. на страницах *The Guardian* была опубликована статья о возвращении двух бронзовых бенинских статуэток, захваченных и вывезенных из Бенина во время карательной экспедиции 1897 г. британскими войсками¹. «Это национальный праздник, объединяющий всех нас, это поистине историческое событие», — отметила на церемонии передачи артефактов профессор искусствования Университета Лагоса Пезу Лайивола².

Около 90 % национальных предметов искусства королевства Бенин находятся за его пределами, в музеях Франции и Великобритании, в частных коллекциях. На протяжении многих десятилетий, с 1960 г., когда Нигерия обрела независимость, вопрос реституции бенинского наследия является насущным. Ученые и исследователи, писатели и публицисты, общественные деятели выступают с требованием возврата награбленных и незаконно вывезенных в колониальную эпоху культурных артефактов из колоний в метрополию.

Проблема культурной реституции — возврата захваченного и вывезенного в ходе военных действий имущества — нашла отражение в книге профессора современной археологии Оксфордского университета, куратора Музея Питт-Риверса (Оксфордский университет), члена колледжа св. Креста (Оксфорд) Дена Хикса «Жестокосердие музеев: бенинская бронза, колониальное насилие и культурная реституция» (Hicks, 2020). Дизайн

обложки нарочито стилизован под логотип Британского музея. Позиция автора проявилась в особом акценте в виде одной буквы в написании названия крупнейшего хранилища ценностей. Вместо привычного *The British Museums* читатели увидели *The British Museums*.

Книга написана аргументированно и жестко, автор в своих тезисах и выводах демонстрирует безапелляционность своей позиции. Д. Хикс утверждает, что музеи не просто создают нарративы; они сами представляют собой пространства знания и способны формировать общественное мнение — «точку зрения» (Hicks, 2020, p. 18), отличную от той, что тиражировалась веками. В музеях, по мнению автора, не должно быть места «проекциям белых». В качестве возможного метода кураторской работы он предлагает «некрографию»³ (Hicks, 2020, pp. 25—36), подразумевающую поиск и вскрытие фактов о колониальных коллекциях, своего рода криминалистическую экспертизу.

По структуре монография включает введение и послесловие автора, фотографии культурного наследия Нигерии, четыре приложения с подробными списками бывшего, настоящего и предполагаемого местонахождения бенинских бронз, основной текст, состоящий из 18 глав.

Каждая из глав — законченный философский, исторический, социально-антропологический, культурный очерк, написанный на широком фактологическом материале, имеющий характерную авторскую стилистику, научную терминологию. В главах рассказывается об истории Бенина, карательной экспедиции британских войск в 1897 г., «малых» войнах англичан, колониальном превосходстве и насилии, затрагиваются вопросы культурно-антропологической перцепции «белых» и «черных». Автор касается проблемы малых этнологических и «универсальных» музеев в контексте «современного» колониализма и реституции, — каждый последующий фрагмент вплетается в единый

¹ Two of Nigeria's Looted Benin Bronzes Returned to Traditional Palace // *The Guardian*. February 19, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/19/nigerias-looted-benin-bronzes-returned-to-traditional-palace> (accessed: 13.04.2022).

² Owolabi T. Nigeria's Looted Benin Bronzes Returned, More Than a Century Later // *Reuters*. February 20, 2022. <https://www.reuters.com/world/africa/nigerias-looted-benin-bronzes-returned-more-than-a-century-later-2022-02-19/> (accessed: 20.02.2022).

³ Вдохновившись работами философа Ачилла Мбембе, в частности «Некрополитикой» (2003 г.), Д. Хикс изобрел собственный неологизм.

контекст монографии, что делает ее последовательной и структурированной, многогранной и многохарактерной.

Основная идея Д. Хикса — признание права каждой нации на независимость, историческую исключительность, уникальность развития, свойственную именно ей. Автор считает, что суверенитет, который африканские народы получили в ходе «пробуждения» Африки, позволяет отказаться от навязанного столетиями колониального паттерна существования и де-юре дает обоснование для реституции. Возвращение реликвий позволит вспомнить забытое величие, возродить историческую память. Отказ выдачи вероломно украденных артефактов сам по себе является таким же проявлением колониальной агрессии, как работорговля.

Д. Хикс рассказывает о том, когда в залах Британских музеев «под стеклом» посетители видят наследие разных народов, они восхищаются, проникаясь их традициями и культурой. Ни на одном описании выставленных артефактов нет информации, каким путем они попали в стены музеев. Хранителей мировых ценностей «греет» мысль о наличии большого числа реликвий со всех уголков света в их музеях, делая их властителями искусств. На практике в экспозициях, особенно в небольших музеях, выставлен не весь объем «британской добычи», в том числе вывезенной из Бенина, многое (не поставленное на учет!) продолжает лежать в запасниках, покрываясь столетней пылью. Подчас хранители

элементарно не представляют всю глубину и полноту исторической ценности культурных сокровищ, которые отражают, хранят в себе, как казалось, утерянный мир. Бенинские статуэтки, скульптуры, маски, барельефы постигла такая же участь.

Проведя анализ британских локальных войн конца XIX — начала XX в., в том числе военного трактата «Маленькие войны: стратегии и практика» генерал-майора британской армии сэра Чарлза Колдуэлла (1859—1928), исследователь пришел к выводу об одной тотальной войне против африканских народов, которую он назвал «Нулевой Мировой войной». Война, которая уничтожила традиции и историю африканских народов, попраля сакральность их существования.

Заявления автора смелы и неординарны, они провоцируют читателя на действия. Его книга — открытый манифест, обращенный к властям и общественности, это ружье, которое стреляет точно в цель. Публикация монографии вызвала эмоциональный всплеск, интеллектуальный шок в научной и медиасреде, в умах обывателей. «Такие книги хранят культуру», — просто, без преувеличения и пафоса высказался о монографии британский писатель Бен Окри. Кажется, лишь таким способом можно услышать, по меткому замечанию адвоката, писательницы и телеведущей Афуа Хирш, «видимое меньшинство», а также разбудить и поставить перед фактом действия британские *The British Museums*.

Поступила в редакцию / Received: 07.09.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список / References

Hicks, D. (2020). *The British museums: The Benin bronzes, colonial violence and cultural restitution*. London: Pluto Press.

Сведения об авторах: Хохолькова Надежда Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН; ORCID: 0000-0002-5165-1925; e-mail: khokholkova@gmail.com

Блинова Елизавета Викторовна — соискатель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; e-mail: lizitkova@yandex.ru

About the authors: Khokholkova Nadezhda Evgenyevna — PhD (Historical Science), Senior Research Fellow, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-5165-1925; e-mail: khokholkova@gmail.com

Blinova Elizaveta Viktorovna — Applicant, World History Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University; e-mail: lizitkova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-805-808

Рецензия на книгу:
**China in Africa. Between Imperialism and Partnership
in Humanitarian Development / ed. by S. O. Abidde, T. A. Ayoola.
Lanham, Boulder, New York, London : Lexington Books, 2021. 397 p.**

Т.Л. Дейч

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 tdeich@yandex.ru

Для цитирования: Дейч Т. Л. Рецензия на книгу : China in Africa. Between Imperialism and Partnership in Humanitarian Development / ed. by S. O. Abidde, T. A. Ayoola. Lanham, Boulder, New York, London : Lexington Books, 2021. 397 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 805—808. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-805-808>

Book review:
**Abidde, S. O., & Ayoola, T. A. (Eds.). (2021). China in Africa.
Between Imperialism and Partnership in Humanitarian Development.
Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 397 p.**

Tatiana L. Deych

Institute for African Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 tdeich@yandex.ru

For citation: Deych, T. L. (2022). Book review: Abidde, S. O., & Ayoola, T. A. (Eds.). (2021). China in Africa. Between imperialism and partnership in humanitarian development. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 397 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 805—808. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-805-808>

Китай добился серьезных успехов в Африке, превратившись в доминирующую державу на континенте. Он имеет политические, экономические и культурные соглашения почти со всеми африканскими странами и реализует свою глобальную инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), к которой привлеч уже 49 африканских государств. Интерес к успехам Китая на континенте проявляют ученые, журналисты, политики. Очередным свидетельством стала вышедшая в 2021 г. в Лондоне книга «Китай в Африке. Между империализмом и партнерством в гуманитарном

развитии»; ее издатели — Сабелла О. Абидде (Sabella O. Abidde), PhD, профессор политических наук Департамента истории и политических наук Государственного университета Алабамы, и Токунбо Адереми Айола (Tokunbo A. Ayoola), PhD (история и политика), Департамент изучения истории и дипломатии Якорного университета (Лагос, Нигерия).

Констатируя, что Китай стал главным игроком в Африке, во введении издатели отмечают противоречивость оценок африканской политики Пекина. Идут дебаты между «сино-оптимистами», оценивающими деятельность

© Дейч Т.Л., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Китая в Африке как содействующую росту ее стран, и «сино-пессимистами», считающими отношения Китая с Африкой неравными, поскольку основную выгоду от бартерных сделок, где на кону — африканские ресурсы, получает Китай. При этом выражается надежда, что дебаты не потеряют смысл, прежде чем станет ясно, что несет Африке активность Китая: добро или зло. Способствует ли растущее влияние Пекина в Африке росту и развитию африканских стран? Ответ на этот вопрос — главная задача книги. Чтобы получить его, предлагается ответить и на другие вопросы: почему Китай пришел в Африку, какова его мотивация? Ответы предлагается искать в 15 главах (по 5 в каждой из трех частей) разных авторов, в том числе издателей — Сабеллы О. Абидде и Токунбо А. Айолы, являющихся также авторами заключения.

Часть I «Первые контакты и связи» содержит исторический экскурс китайско-африканских отношений. Ее открывает глава 1 Алесии Д. Хоффман «Поездки Чжоу Эньлая в Африку. Кейс-стади Египта», посвященная историческим визитам на континент в 1963—1965 гг. премьер-министра Госсовета КНР Чжоу Эньлая (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 3—24), свидетельствующим, что, как пишет А.Д. Хоффман, партнерство с «периферийными африканскими странами» стало частью начатого КПК процесса нормализации отношений с внешним миром.

В главе 2 «Каркас китайско-африканских отношений: китайская перспектива» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 25—44) Вей Е анализирует основополагающие документы африканской политики Пекина: «5 принципов мирного сосуществования», «8 принципов технико-экономического сотрудничества», «Политика Китая в Африке» (2006 и 2015 гг.), а также Форум «Китай — Африка» (ФОКАК), с созданием которого в 2000 г. «китайско-африканские отношения вошли в эру стратегического партнерства нового типа».

В главе 3 «Джеми Монсон и историография китайско-африканских отношений. В фокусе железная дорога Танзания — Замбия (ТАЗАРА)» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 45—67). В центре внимания автора — книга Джеми Монсона, посвященная проекту ТАЗАРА,

который назван антиколониальным, анти-неоколониальным, символом сотрудничества Юг — Юг, «дорогой свободы» для простых африканцев (Abidde & Ayoola, 2021, p. 67).

Лоуренс Мхандара в главе 4 «Переустановленные системы альянса. К альтернативе китайского невмешательства в африканскую политику» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 69—87) предлагает свое видение китайской политики «руки прочь» (*hands-off*) по отношению к Африке. По его мнению, китайская вовлеченность в Африку не мотивирована ни сугубо империалистическими, ни чисто гуманитарными целями, а определяется расчетами — найти стратегический контрбаланс отношениям, в частности с США, дабы сдерживать их глобальное влияние и помешать овладеть Африкой.

Последняя глава первой части посвящена китайской инициативе «Один пояс, один путь», в которую вовлечены африканские страны (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 89—111). Кудакваши Чирамби исследует успехи Китая в создании «сообщества единой судьбы» и концепции «видимой силы», «невидимой силы», «скрытой силы», с помощью которых Пекин манипулирует африканскими странами. Однако сооружение объектов в рамках инициативы ОПОП загоняет страны Африки в долговую ловушку.

Часть II («Новый империализм или новый мировой порядок») открывает глава 6 Сабеллы О. Абидде с говорящим названием «Китай в Африке: пятая волна завоеваний и грабежа» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 115—137). По мнению автора, Африка, перенесшая четыре волны грабежей и угнетения с 1950-х гг., сейчас переживает пятую. Вывод ученого о том, что китайско-африканские отношения приведут к захвату континента и грабежу его ресурсов, базируется на трех аргументах: мотивация китайцев, слабость, фрагментация государств и обществ Африки, слабое, коррумпированное руководство ее стран. Таким образом, автор выступает как «сино-пессимист» и ярый критик африканской политики Китая.

Автор главы 7 «Меняющиеся китайско-африканские отношения: колониализм или партнерство?» (Abidde & Ayoola, 2021,

pp. 139—157) Симбо Олорунфемиде отмечает, что укрепление отношений между Китаем и Африкой вызывает растущий интерес в мире. При этом он пытается быть объективным, утверждая, что китайские намерения в Африке, возможно, «неполностью альтруистические, но и неполностью „эксплуататорские“» (Abidde & Ayoola, 2021, p. 152).

В главе 8 «Начало нового мирового порядка или новая форма колониализма» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 159—184) Прайе С. Торуга, рассматривая стратегию Китая как направленную на установление нового мирового порядка, пишет, что мир превращается из западного в афро-азиатский с Китаем в центре (Abidde & Ayoola, 2021, p. 187), и с этим заявлением трудно поспорить.

Авторы главы 9 «Китайское культурное сближение. Использование „мягкой силы“ как форма построения альянсов в Африке» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 185—213) Алесия Хоффман и Регина Моорер считают «камнем преткновения» политики Пекина в Африке «мягкую силу», высоко оценивая китайские образовательные программы для африканцев (Abidde & Ayoola, 2021, p. 206).

В главе 10 «Политика и управление. Китайский подход „руки прочь“ к политике в Африке» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 215—230) Чарльз Мутаса рассматривает ключевой принцип внешней политики Китая — невмешательство в дела других стран на основе кейс-стади его отношений с Ганой и Руандой. На вопрос, является ли политика Китая новой формой колониализма или она предоставляет Африке уникальную возможность успешного развития, автор ответа не дает.

Часть III «Китайские региональные опоры» открывает глава 11 «Сообщения о Драконе: тематическое изучение антикитайских настроений в новостях на тему „Китай в Африке“» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 233—261). Авторы Сурадждун Оладосу Мудасиру и Абдул-Гафар Тоби Ошоди фокусируются на «театре новостей», акцентируя внимание на антикитайских настроениях в СМИ. Освещаются 6 тем антикитайских сообщений в африканских медиа. В ряде случаев новости о китайском присутствии подаются с комментариями,

где Китай представлен империалистом, загрязнителем атмосферы, коррупционером (Abidde & Ayoola, 2021, p. 248).

Позитивную оценку сотрудничеству Китая со странами Африки дает автор главы 12 («Китайские проекты экономического развития в Зимбабве») (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 263—282) Чарити Маньеруке, считающий, что для Зимбабве, пережившего спад с 2000 г. из-за западных санкций и беспрецедентного уровня коррупции, Китай стал партнером и инвестором.

Элиша Дан и Аугустина Авунудиогла в главе 13 «Марш Красного Дракона. Географические опоры китайского присутствия в Африке» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 283—303) рассматривают китайское присутствие в Африке: торгово-экономические, социальные, культурные, военные связи, дипломатию. Авторы призывают африканские страны учесть свой колониальный и неоколониальный опыт и избегать ошибок и просчетов в отношениях с Китаем, которые при грамотном построении могут быть взаимно выгодными для обеих сторон (Abidde & Ayoola, 2021, p. 327).

Эммануэль Матамбо в главе 14 «Китай: новые мудрецы Африки с Востока? Восприятие Китая и китайцев африканскими негосударственными и государственными акторами» (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 305—330) на примере китайско-замбийских отношений сравнивает чувства африканцев к Китаю и китайцам на уровне взаимоотношений государств и простых граждан. В первом случае эти отношения представляются как равноправные, поскольку правительство Замбии заинтересовано в Китае как в выгодном партнере, тогда как у негосударственных акторов Замбии налично рост антикитайских настроений. Это побуждает автора сделать вывод: для них Китай — едва ли мудрый партнер с Востока (Abidde & Ayoola, 2021, p. 324).

Последняя глава рецензируемой монографии посвящена китайским инвестициям в Африку (Abidde & Ayoola, 2021, pp. 331—344). Джордж Айити сетует, что результатом китайских инвестиций в обмен на сырье становятся высокие цены на

инфраструктуру, невыполненные обязательства, политический пиар. Критическую оценку политики Китая завершает неожиданный вывод: ее положительный эффект состоит в том, что она заставляет другие страны включаться в «новую схватку» за Африку (Abidde & Ayoola, 2021, p. 340).

Книгу завершает заключение «Китайцы и континент, который сделали хрупким его лидеры», включающее разделы «США и Европа в Африке», «Африка: ее лидеры и ее будущее», «Китайская активность: упреки африканских лидеров», «Китай: кто следующий после Африки?». Заключение начинается на оптимистической ноте: Африка не может и не должна закрывать свои двери, ей необходимо, напротив, вовлекать Китай и его предприятия в сотрудничество, но нужно быть мудрой и исходить из своих национальных интересов. Однако далее следует поток обвинений в адрес китайцев, грабящих землю и ресурсы, вовлекающих страны Африки в долговую ловушку, сотрудничающих с коррумпированными правительствами.

В заключении также содержится критика африканских лидеров, втянутых в этнический, религиозный антагонизм и бессмысленные конфликты: «От Туниса до ЮАР, от Нигерии до Джибути, от Мавритании до Танзании реальность континента такова: нехватка экономической власти, технологических ноу-хау, политической воли» (Abidde & Ayoola, 2021, p. 349). Отвечая на вопрос, чего ждать Африке от Китая, издатели выступают как ярые «синопессимисты»: «То, что сотрудничество с Африкой взаимовыгодно — ложь; Китай интересуется грабеж африканских земель и ресурсов. Он намерен заменить США как господствующая держава. Китай пришел, чтобы остаться. Что будет дальше, зависит от африканцев, особенно от их лидеров» (Abidde & Ayoola, 2021, p. 349).

Подводя итог, следует привести более оптимистичную фразу, которой те же издатели завершают свое введение к книге: Китаю нужна Африка, и Африке нужен Китай, однако это партнерство должно быть равноправным (Abidde & Ayoola, 2021, p. xxv).

Поступила в редакцию / Received: 29.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список / References

Abidde, S. O., & Ayoola, T. A. (Eds.). (2021). *China in Africa. Between imperialism and partnership in humanitarian development*. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.

Сведения об авторе: Дейч Татьяна Лазаревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН; ORCID: 0000-0001-6745-9586; e-mail: tdeich@yandex.ru

About the author: Deych Tatiana Lazarevna — PhD in History, Dr. of Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-6745-9586; e-mail: tdeich@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-809-811

Рецензия на книгу:**The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. NY, London : Routledge, 2022. 263 p.****В.А. Кузьмин**

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

 kuzmin16@yandex.ru

Для цитирования: Кузьмин В. А. Рецензия на книгу : The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. NY, London : Routledge, 2022. 263 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 809—811. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-809-811>

Book review:**Marochkin, S., & Bezborodov, Yu. (Eds.). (2022).
The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons.
NY, London: Routledge, 263 p.****Vadim A. Kuzmin**

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

 kuzmin16@yandex.ru

For citation: Kuzmin, V. A. (2022). Book review: Marochkin, S., & Bezborodov, Yu. (Eds.). (2022). The Shanghai Cooperation Organization: Exploring new horizons. NY, London: Routledge, 263 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 809—811. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-809-811>

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) существует уже более 20 лет, она давно стала важным актором международных отношений как на региональном, так и на глобальном уровне. ШОС, образованная в 2001 г. в составе 6 государств (Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан), в 2017 г. расширилась за счет вступления Индии и Пакистана, а в 2022 г. — Ирана. Существует также группа государств, обладающих статусом «страны-наблюдателя» при ШОС: Азербайджан, Армения, Афганистан, Камбоджа, Монголия, Непал, Иран и Беларусь, от которой уже получена заявка на вступление в Организацию. Статус «партнера по диалогу» с ШОС имеют Турция и Шри-Ланка. Кроме того, существует целый ряд

стран Азии и Африки, «выстроившихся в очередь» на вступление в ШОС или организационное оформление сотрудничества с этой организацией. Среди таковых можно назвать Бангладеш, Бахрейн, Вьетнам, Египет, Израиль, Ирак, Катар, Мальдивы, Мьянму, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию, Сирию. Хотят повысить свой статус в ШОС Армения, Азербайджан, Непал и Камбоджа.

Деятельность ШОС с самого начала привлекла внимание многих исследователей, занимающихся вопросами международного сотрудничества и взаимодействия. О различных аспектах деятельности ШОС написаны сотни статей, книг, диссертаций, постоянно появляются новые исследования. К их числу

© Кузьмин В.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

следует отнести вышедшую в 2022 г. в международном издательстве Routledge коллективную монографию *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons* (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022). Авторами этой объемной работы стали ученые (коллектив из 32 человек), представляющие ведущие университеты и научные центры шести стран — членов ШОС: Индии, Казахстана, Китая, Киргизии, России и Узбекистана.

Как отмечают авторы в самом начале своего исследования, они «намеренно отодвинули в сторону вопросы „высокой“ политики и геополитики, поскольку им посвящено достаточно книг и статей» (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022, p. 4). В своей работе исследователи стремились изучить процесс развития евразийского пространства через региональное сотрудничество на примере ШОС.

Определяя основные исследовательские задачи, авторы рецензируемой работы пишут: «В дополнение к вопросам безопасности и обороны, которые являются ключевыми и первостепенными для ШОС, мы уделяем особое внимание экономическим, гуманитарным, правовым, торговым, трудовым, миграционным и экологическим проблемам в деятельности организации» (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022, p. 4). Внимательное прочтение книги позволяет констатировать, что поставленные задачи в целом успешно решены.

В монографии представлен глубокий анализ различных сторон деятельности ШОС, подведен своеобразный итог деятельности этой организации за прошедшее двадцатилетие. Авторами подробно освещены многие проблемные вопросы, которые эта организация ставит или участвует в их решении. Исследование опирается на солидный и репрезентативный круг различных по характеру источников и научной литературы на разных языках.

Структурно книга состоит из трех равновеликих частей, подразделяющихся на главы. В первой части рассмотрены исторические и юридические аспекты создания и институционального развития ШОС, международно-правовые основы взаимодействия государств — членов ШОС, их сотрудничество в области безопасности и противодействия экстремизму.

Во второй части внимание авторов уделено сравнительному анализу и возможностям

конвергенции западных и азиатских правовых ценностей в рамках ШОС, текущей ситуации и особенностям развития в сфере гуманитарного сотрудничества, подробно рассмотрены возможности и перспективы сближения трудового законодательства государств — членов организации, вопросы регулирования трудовой миграции, исследованы международно-правовые формы взаимодействия ШОС с Евразийским экономическим союзом, в который входят три члена ШОС (Россия, Казахстан, Киргизия), а также Беларусь и Армения, обладающие статусом «страны-наблюдателя» в ШОС.

Третья часть монографии посвящена проблемам и перспективам развития ШОС в «эпоху турбулентности», освещению вопросов экономического взаимодействия, правовых механизмов энергетического сотрудничества в рамках ШОС, транспортно-логистических аспектов и проблем охраны окружающей среды. В одной из глав («От акцента на безопасность к развитию экономического и стратегического партнерства») авторами поставлен вопрос о необходимости расширения «мандата ШОС», в частности, за счет углубления взаимодействия с Индией (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022, p. 197—213).

Завершают этот объемный труд некоторые соображения авторов об эффективности и перспективах дальнейшего развития ШОС. Отмечается, что в своей книге ученые «критически взглянули на ШОС изнутри и попытались выявить и представить неиспользованный и неразвитый потенциал, который был бы важен в нынешние времена» (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022, p. 229).

Следует особо отметить, что полезную информативную роль играют представленные в монографии карты, графики, таблицы с различными статистическими данными.

Высоко оценивая содержание рецензируемой монографии в целом, следует высказать и некоторые замечания. Проведенный контент-анализ показывает, что авторы рецензируемой работы часто и много раз использовали в своем исследовании такие понятия, как «конкуренция» (*competition*), «противоречия» (*contradictions*), «конфликт» (*conflict*), «проблемы» (*problems*), в частности, последнее упоминается в монографии 87 раз. В то же время такое понятие, как «решение» (*solution*),

встречается в тексте всей книги только 9 раз, что свидетельствует о том, что пока в деятельности ШОС больше проблем, чем их эффективных решений.

По-видимому, неслучайно ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, эксперт Российского совета по международным делам, профессор Высшей школы экономики Е.А. Канаев в одной из новых книг отметил, что «в ШОС не реализован ни один экономический проект» (Российское цивилизационное наследие..., 2021, с. 26). Он указывает, что «ШОС к началу — середине 2010-х гг. исчерпала повестку и потенциал своего развития, а прием в ее состав Индии и Пакистана, дополненный фактором Афганистана, едва ли будут подталкивать организацию к активизации внешнего вектора своей политики» (Российское цивилизационное наследие..., 2021, с. 22). К сожалению, в рецензируемой монографии не нашлось места для научной полемики, выражения согласия или несогласия авторов с оценками и мнениями, подобными вышеуказанным.

В книге иногда упоминаются некоторые страны, желающие присоединиться к ШОС в качестве «наблюдателей» (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022, p. 35), однако авторы никак не объясняют причины или мотивы стремления таких разных государств, как, например, Сирия и Израиль, Саудовская Аравия или Вьетнам, Украина или Мальдивы,

укрепить свои связи с ШОС как международной организацией. В целом анализ эффективности таких конструкций в ШОС, как «государства-наблюдатели» и «партнеры по диалогу», фактически отсутствует. Почти ничего не сказано о таком международном объединении, как БРИКС, в котором представлены пять крупнейших государств с трех континентов Земли, при этом три участника БРИКС (Россия, Китай, Индия) являются и ведущими членами ШОС.

Встречаются и некоторые курьезные ошибки. Например, на с. 33 говорится, что в марте 2016 г. Непал получил в ШОС статус «партнера по диалогу». Сообщается, что Непал планировал в дальнейшем получить статус «наблюдателя» и затем стать членом ШОС. При этом авторы называют страну «королевством» (*the Kingdom*), хотя с 2008 г. после свержения монархии Непал, согласно его конституции, является «федеративной демократической республикой».

Впрочем, высказанные замечания никак не умаляют значения научных результатов, полученных авторами рецензируемой монографии. Все содержание этой книги, обоснованность авторских выводов свидетельствуют о глубокой аналитической работе, проделанной коллективом ученых. Вышедшая монография, несомненно, привлечет внимание международного научного сообщества, она будет иметь значение для всех исследователей, занимающихся проблематикой ШОС и вопросами регионального международного сотрудничества.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Российское цивилизационное наследие: русские топонимы в южной части Тихого океана* / отв. ред. Е. М. Астафьева, С. Е. Пале. Москва : Институт востоковедения РАН, 2021.
- The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons* / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. NY, London : Routledge, 2022.

References

- Astafyeva, E. M., & Pale, S. E. (Eds.). (2021). *Russian civilizational heritage: Russian toponyms in the South Pacific*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Marochkin, S., & Bezborodov, Yu. (Eds.). (2022). *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring new horizons*. NY, London: Routledge.

Сведения об авторе: Кузьмин Вадим Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета; ORCID: 0000-0002-8935-3085; e-mail: kuzmin16@yandex.ru

About the author: Kuzmin Vadim Alexandrovich — PhD, Dr. of Sc. (World History), Professor, Department of Oriental Studies, Ural Federal University; ORCID: 0000-0002-8935-3085; e-mail: kuzmin16@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-812-814

Рецензия на книгу:
**Pieper M. The Making of Eurasia. Competition and Cooperation Between
China's Belt and Road Initiative and Russia.
London, New York : I. B. Tauris, 2022. 168 p.**

Н.Н. Исмагулов

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

 nurzhan.isma@gmail.com

Для цитирования: *Исмагулов Н. Н.* Рецензия на книгу : Pieper M. The Making of Eurasia. Competition and Cooperation Between China's Belt and Road Initiative and Russia. London, New York : I. B. Tauris, 2022. 168 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 812—814. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-812-814>

Book review:
**Pieper, M. (2022). The Making of Eurasia.
Competition and Cooperation Between China's Belt and Road Initiative
and Russia. London, New York: I. B. Tauris, 168 p.**

Nurzhan N. Ismagulov

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

 nurzhan.isma@gmail.com

For citation: Ismagulov, N. N. (2022). Book review: Pieper, M. (2022). The making of Eurasia. Competition and cooperation between China's Belt and Road Initiative and Russia. London, New York: I. B. Tauris, 168 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 812—814. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-812-814>

Среди книг, посвященных Центральной Азии и изданных в последнее время в связи с инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП) и растущим интересом к данному региону, книга Морица Пайпера занимает особое место. Автор, преподаватель Университета Солфорда (ЮК) и исследователь Центрально-Азиатского региона, уже в начале книги отказывается от парадигмы, принятой во многих западных работах, а именно — от восприятия стран региона как периферии, пространства «между», на котором разыгрывают свои

комбинации Россия и Китай: «Представлять себе Центральную Азию исключительно как шахматную доску, за которой соперничают гиганты, означает игнорировать роль, которую могут играть региональные акторы в формировании финального результата новых геополитических проектов» (Pieper, 2022, p. 3). Методологически М. Пайпер в своей книге развивает исследовательский подход «децентрализованных практик», считая, что «власть создается в связи с практиками постоянных взаимодействий между акторами, находящимися на

© Исмагулов Н.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

местах (локально)», подчеркивает относительный характер властных ситуаций (Pieper, 2022, p. 4).

В труде исследуется взаимодействие между Китаем, Россией и другими евразийскими субъектами в создании новой Евразии. Главы книги охватывают вопросы публичной дипломатии, экономические и политические инициативы, связанные с «созданием Евразии», и объединены общей исследовательской целью: автор предлагает рассматривать развитие региона не только через призму сотрудничества России и КНР с Казахстаном, Монголией и Узбекистаном, но также и между этими государствами. Данные страны были выбраны автором в связи с их значимостью в политике соседства и региональной дипломатии КНР и Российской Федерации.

М. Пайпер рассматривает каждую из этих стран как отдельный кейс, опираясь на ряд институциональных, политико-экономических и географических факторов. Казахстан — крупнейшая страна в мире, не имеющая выхода к морю, расположенная в самом сердце Евразии, согласно М. Пайперу, является стержнем Центральной Азии. Казахстан выступает одновременно в качестве члена Евразийского экономического союза и важнейшего партнера Экономического пояса Шелкового пути Китая. Он служит микрокосмом возможностей и вызовов для новых взаимодействий между евразийскими субъектами (Pieper, 2022).

Монголия представляется автору интересным примером социалистической страны, которая при этом не являлась частью СССР. В культурном отношении Монголия — это уникальный гибрид национальных традиций, а в геополитическом — пространство, где ощутимо «русское влияние с севера страны и китайское — с юга» (Pieper, 2022). М. Пайпер отмечает, что Монголия воспользовалась инициативой ОПОП и даже заняла в проекте проактивную позицию, предлагая «степной путь», поскольку видела в ОПОП транспортную инфраструктуру, способную соединить Монголию как с потенциальными удаленными партнерами, так и с соседними странами региона.

Узбекистан назван М. Пайпером «пряжкой» на поясе китайской инициативы. Автор

книги имеет в виду прежде всего уникальное географическое положение страны, соседствующей со многими государствами (Pieper, 2022). Новые политико-экономические реалии, созданные в Узбекистане, взявшем, по мнению ученого, курс на проведение открытой, прагматичной и конструктивной внешней политики, обеспечивают проактивное участие страны в ОПОП. Однако, как отмечает автор, одной из важнейших задач Узбекистана, если он стремится сыграть свою роль в новой региональной архитектуре, является необходимость наладить добрососедские отношения со странами региона.

Таким образом, работа исследует не только то, как «грандиозные» представления Китая и России о региональном порядке влияют на политическую деятельность «промежуточных» стран, но и то, как последние влияют на межрегиональный порядок и участвуют в его формировании. Это несомненное достоинство книги, так как данный аспект слишком часто исключается из анализа китайско-российского взаимодействия в Евразии.

Применяя аналитическую оптику «децентрализации», М. Пайпер уделяет в книге значительное место не только широкомасштабному исследованию торгово-экономических отношений государств региона, но и исследует их через участие акторов различных политических доменов в каждом из них. В том числе ученый отмечает противодействие и растущее недовольство влиянием Китая в странах региона среди разных социальных страт. В частности, автор указывает, что льготные кредиты, торговые соглашения и односторонние инвестиционные решения, заключаемые с Китаем, непрозрачны.

Дипломатические решения обременены дополнительными условиями, и, хотя китайская дипломатия затушевывает растущий интерес Китая к вопросам в безопасности регионе, вопросы экономического влияния все активнее связывают в Китае с вопросами безопасности в регионе (Pieper, 2022, p. 53). Все это, отмечает М. Пайпер, приводит к возрастанию беспокойства в некоторых частях общества. Автор приводит в пример протесты в Казахстане в 2016 г. по поводу законопроекта

о земельной реформе. Необходимо отметить, что местным исследователям давно заметна тенденция на усиление протестных настроений казахстанцев в отношении политики Китая. Люди не хотят усиления влияния Китая на своей территории. Хорошо известна ситуация с Таджикистаном и передача китайцам крупного серебряного месторождения в Памирских горах. Вопросы передачи земли китайцам во временное или постоянное пользование вызывают недовольства в казахстанском обществе. Происходят столкновения между местными и китайскими рабочими. Эти тенденции отметил и М. Пайпер, который подчеркнул, что для улучшения имиджа КНР компаниям из Поднебесной следует больше взаимодействовать с локальными сообществами и принимать программы социальной ответственности (Pieper, 2022, p. 48—50).

Несомненным достоинством рецензируемого научного труда является добросовестный и детальный подход автора к сбору материала. Ученый провел экспертные интервью с членами научного сообщества, представителями бизнеса и госслужащими в регионе, а также активистами негосударственного сектора, вел

исследовательскую работу в каждой из стран, изучил культурные аспекты внутрирегиональных взаимодействий, изучил материалы СМИ.

В своей монографии М. Пайперу удалось доказать, что, в отличие от доминирующего пока представления о периферийности и «междурасположенности» Центральной Азии, новый геополитический порядок формируется при активном участии и определившейся позиции стран региона, а не определяется только осью Россия — Китай. Подобно тому, как древние Шелковые пути были сетью торговых посредников с пересекающимися маршрутами путешествий, интересами и внешними покровителями, становление Евразии сегодня может быть тщательно проанализировано только в том случае, если мы попытаемся понять влияние промежуточных государств на мировую политику, взаимодействия между предложенной извне интеграционной динамикой и региональной совместной ответственностью за эти процессы (Pieper, 2022, p. 2).

Данная книга будет полезна студентам, преподавателям, исследователям международных отношений и всем, кто интересуется мировой политикой в Евразийском регионе.

Поступила в редакцию / Received: 02.06.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список / References

Pieper, M. (2022). *The Making of Eurasia. Competition and Cooperation between China's Belt and Road Initiative and Russia*. London, New York: I. B. Tauris.

Сведения об авторе: Исмагулов Нуржан Нурланкелдиулы — докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби; ORCID: 0000-0003-3354-2394; e-mail: nurzhan.isma@gmail.com

About the author: Ismagulov Nurzhan Nurlankeldiuly — PhD Student, Al-Farabi Kazakh National University; ORCID: 0000-0003-3354-2394; e-mail: nurzhan.isma@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-815-819

Рецензия на книгу:**Kayashima N., Kuroda K., Kitamura Y. Japan's International Cooperation in Education: History and Prospects. Springer Singapore, 2022. 365 p.****Л.А. Мелконян**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 melkonyan-la@rudn.ru

Для цитирования: Мелконян Л. А. Рецензия на книгу : Kayashima N., Kuroda K., Kitamura Y. Japan's International Cooperation in Education: History and Prospects. Springer Singapore, 2022. 365 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 815—819. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-815-819>

Book review:**Kayashima, N., Kuroda, K., & Kitamura, Y. (2022). Japan's International Cooperation in Education: History and Prospects. Springer Singapore, 365 p.****Lusine A. Melkonyan**

People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 melkonyan-la@rudn.ru

For citation: Melkonyan, L. A. (2022). Book review: Kayashima, N., Kuroda, K., & Kitamura, Y. (2022). Japan's international cooperation in education: History and prospects. Springer Singapore, 365 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 815—819. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-815-819>

Международное сотрудничество Японии в области образования насчитывает практически 70-летнюю историю, начиная с 1950-х гг. Японская политика в данной области развивалась по разным направлениям — от базового до высшего образования, от технического и профессионального образования до профессиональной подготовки, в которых принимал участие целый ряд специалистов, вовлеченных в соответствующие области деятельности и специализации.

В этой связи интерес вызывает работа экспертов Исследовательского института мира и развития Огата при Японском агентстве международного сотрудничества (*JICA Ogata Research Institute for Peace and Development*)¹, Высшей школы азиатско-тихоокеанских исследований при японском Университете Васэда (*Graduate School of Asia-Pacific Studies, Waseda University, Tokyo*)² и Высшей школы образования при Токийском университете (*Graduate School of Education, The University of Tokyo, Tokyo*)³ под редакцией Нобуко

¹ Our Vision and Basic Policy // JICA Ogata Research Institute for Peace and Development. URL: <https://www.jica.go.jp/jica-ri/about/policy.html> (accessed: 20.07.2022).

² Graduate School of Asia-Pacific Studies // Waseda University. URL: <https://www.waseda.jp/fire/gsaps/en> (accessed: 10.07.2022).

³ Graduate School of Education // The University of Tokyo. URL: https://www.u-tokyo.ac.jp/en/academics/grad_education.html (accessed: 10.07.2022).

© Мелконян Л.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Каяшима, Казуо Курода и Юто Китамуры «Международное сотрудничество Японии в сфере образования: история и перспективы» (Kayashima, Kuroda & Kitamura, 2022).

Прежде чем перейти к обзору данной монографии, увидевшей свет в апреле 2022 г., следует сказать несколько слов о ее авторах. Нобуко Каяшима (*Nobuko Kayashima*) является старшим вице-президентом Японского агентства международного сотрудничества (JICA) и занимается планированием и реализацией программ JICA по международному сотрудничеству в области образования. Помимо сотрудничества в области образования ее исследовательские интересы включают также интернационализацию высшего образования и участие университетов в официальной помощи развитию (ОПР, ODA) (Kayashima, 2019; 2020; Kayashima & Morgan, 2019).

Казуо Курода (*Kazuo Kuroda*) — профессор Высшей школы азиатско-тихоокеанских исследований Университета Васэда. Он также является приглашенным научным сотрудником в Исследовательском институте JICA и советником Азиатско-Тихоокеанского культурного центра при ЮНЕСКО. Является специалистом в таких областях, как социология образования и развития и образования в области международного развития (Kuroda et al., 2012; Kuroda, Kamikubo & Passarelli, 2009).

Юто Китамура (*Yuto Kitamura*) — доцент (адъюнкт-профессор) Высшей школы образования Токийского университета. Работал в ЮНЕСКО в Париже, преподавал в Нагойском и Софийском университетах. Ю. Китамура специализируется в областях сравнительного образования и образовательной политики развивающихся стран Юго-Восточной Азии (Kitamura & Brehm, 2020; 2022) и др.

Центральными предметами исследования рецензируемой монографии являются основные индикаторы, новые формы и направления международного сотрудничества в сфере образования в эпоху глобального управления. Практическая ценность труда заключается в том, что в число авторов входят не только теоретики-исследователи, но и практикующие специалисты, сотрудники и представители

Японского агентства международного сотрудничества, различных ведущих японских вузов и неправительственных организаций (НПО).

После окончания Второй мировой войны международное сотрудничество в целях развития претерпело значительные изменения, приведшие к трансформации основной парадигмы, движущей сотрудничеством в целях развития. Новая парадигма нашла свое воплощение в Целях устойчивого развития (ЦУР) ООН и ознаменовала начало новой эры глобального управления в международном развитии. В условиях меняющегося глобального ландшафта сотрудничество Японии в области развития также находится под пристальным вниманием исследований в этой области.

Книга состоит из 15 глав, описывающих три основных направления международного сотрудничества Японии в области образования: базовое образование, техническое и среднее профессиональное образование и обучение (*Technical and Vocational Education and Training*, TVET, рус. ТСПОО), высшее образование с применением комплексного подхода, подчеркивающего взаимозависимость этих подсекторов. Также рассматриваются роль и достижения различных участников и программ международного сотрудничества Японии — международных организаций, НПО, Волонтеров международного сотрудничества Японии (JOCV) и японской ОПР.

В первой главе «*Международное сотрудничество Японии в области образования: обзор*» представлен обзор международного сотрудничества Японии в области образования за последние 65 лет и проанализированы факторы и причины изменения его форматов, а также успехи и проблемы в сотрудничестве.

Вторая глава «*Политика Японии в области международного сотрудничества в сфере образования до 1990 г.: противоречия и колебания в отношении вмешательств в базовое образование*» иллюстрирует противоречия и изменения в международном сотрудничестве Японии в области образования с начальных этапов ее истории. В 1954 г. Япония инициировала скромную

стипендиальную программу для иностранцев, в основном ориентированную на студентов из развивающихся стран. В 1960-е гг., поддерживаемая инициированный ЮНЕСКО План Карачи, японские педагоги больше заинтересовались помощью азиатским странам, а Совет по внешнеэкономическому сотрудничеству правительства Японии выступил за новую политику укрепления программ технического сотрудничества, в том числе в сфере образования. Рассмотрены программы международного сотрудничества в области образования, осуществляемые Японским агентством международного сотрудничества и Министерством иностранных дел и сосредоточенные в основном на областях высшего образования и средней профессиональной подготовки, за период до проведения Всемирной конференции по образованию для всех в 1990 г.

В третьей главе «*Эволюция политики Японии в области международного сотрудничества в сфере образования после 1990 г.: между дискурсом международного развития и внутренними факторами*» представлены характеристики политики Японии в области международного сотрудничества в области образования в период и после 1990-х гг., когда она развивалась под одновременным влиянием международных тенденций и внутренних факторов. После 1990 г. дискурс международного развития сместился с «экономического развития» на развитие, сфокусированное на человека, общество и окружающую среду (*human-, society, and environment-focused*), и объем помощи Японии стал самым большим в мире. В 2000 г. ООН принял Цели развития тысячелетия. В этом контексте была сформулирована политика международного сотрудничества Японии в области образования, начиная с базового образования. Политика международного сотрудничества в области образования, подготовленная в 2010 и 2015 гг., охватывает всю сферу образования и направлена на удовлетворение запросов как внутри страны, так и за рубежом на основе японского опыта и достижений.

В четвертой главе «*Международное сотрудничество Японии в области строительства школ: эволюция в условиях изменения внутренней и внешней политики*»

исследуются особенности и исторические тенденции помощи Японии в строительстве начальных и средних школ с акцентом на меняющемся ландшафте внешней и внутренней политики.

В пятой главе «*Улучшение методов работы учителей в классе для качественного преподавания и обучения: подходы Японии*» освещаются японские программы и проекты по совершенствованию методов работы учителей в классе, особенно в области математики и естественных наук в начальной и средней школах за период 1966—2015 гг.

В шестой главе «*Развитие потенциала в управлении образованием и совершенствование школьного управления: подходы Японии*» раскрываются роль и цели технического сотрудничества Японии в области управления образованием в поиске эффективных способов максимального использования уникальных достижений и преимуществ Японии на основе «восходящего» и практического подходов.

В седьмой главе «*Государственная помощь Японии в ТСПОО для развития промышленных человеческих ресурсов: изменение моделей проектного сотрудничества ЛСА*» основное внимание уделяется официальной помощи в целях развития правительства Японии в области технического и профессионального образования и обучения в развивающихся странах. В частности, изучается помощь, оказываемая ЛСА как организацией, отвечающей за техническое сотрудничество в области TVET.

В восьмой главе «*Сотрудничество под руководством частного сектора в развитии промышленных человеческих ресурсов: пример Ассоциации зарубежного технического сотрудничества и устойчивого партнерства (AOTS)*» рассматривается роль Ассоциации зарубежного технического сотрудничества и устойчивого партнерства (AOTS), осуществившей учебные проекты в рамках государственно-частного партнерства в целях удовлетворения потребностей в развитии человеческих ресурсов частных предприятий, инвестирующих за рубежом. Проводится сравнительный анализ AOTS и ЛСА. Так, ЛСА реализовала проекты ОПР с точки зрения

дипломатии и международного сотрудничества. AOTS, напротив, поддерживает частный сектор в контексте инвестиций и продвижения торговли. Если на поддержку ЛСА влияли внутренние и международные социально-экономические и политические факторы, то AOTS уделяла первостепенное внимание потребностям частного бизнеса и поддерживала постепенную экспансию японских компаний за границу путем подготовки и предоставления столь необходимой квалифицированной рабочей силы в развивающихся странах.

В девятой главе «ОПР Японии для развития высших учебных заведений в развивающихся странах: поддержка ведущих университетов в развитии человеческих ресурсов, создании и распространении знаний» исследуются особенности и исторические тенденции образовательного сотрудничества Японии в целях развития высших учебных заведений. Японская ОПР оказала техническую и финансовую помощь более чем 500 высшим учебным заведениям в развивающихся странах. Здесь также рассмотрено участие японских университетов в помощи высшему образованию и его влияние на их интернационализацию.

Десятая глава книги «Стипендиальные программы ОПР Японии для иностранных студентов: поддержка интеллектуального вклада Японии в международное сообщество», продолжая тему предыдущего раздела, описывает японскую программу стипендий в рамках ОПР для иностранных студентов. Программа в целом делится на стипендиальную программу правительства Японии и стипендиальную программу ЛСА.

Последующие главы книги построены вокруг исследования роли различных программ и участников, акторов международного образовательного сотрудничества. В них представлен ретроспективный обзор и анализ финансовой помощи Японии в области образования, направляемой через международные организации, в основном ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и многосторонние финансовые учреждения. Большая часть японской ОПР за рассмотренный период была предоставлена

через международные организации, достигнув примерно 40 % от общего бюджета ОПР Японии. В указанных главах дается обзор истории японских НПО в международном сотрудничестве в области образования. Обсуждаются исторические тенденции, теоретическая основа и значение займов ОПР Японии. Здесь также рассмотрена роль организации JOCV.

В заключительной части представлен всесторонний анализ факторов, определяющих международное сотрудничество Японии в области образования на протяжении ее 65-летней истории, таких как взаимодействие и сотрудничество с международным сообществом, влияние исторического опыта, философия *hitozukuri* (развитие человеческих ресурсов через образовательный процесс), институциональная структура осуществления международного сотрудничества и помощи, подходы к безопасности, миру и устойчивому развитию, стремление формирования сообщества экспертов и заинтересованных сторон для накопления опыта в области международного сотрудничества в области образования.

Подводя итог нашей рецензии, следует отметить, что данная монография является первым комплексным, междисциплинарным исследованием, в котором всесторонне задокументирована история японского сотрудничества в целях развития в сфере образования с 1950-х до середины 2010-х гг., подробно рассмотрены его эволюция и характеристики на основе обширного фактологического и аналитического материала.

В каждой главе проведен исторический и эмпирический анализ с использованием программных документов и проектных данных, позволяющих изучить новые формы сотрудничества в сфере образования. Такой всеобъемлющий и междисциплинарный анализ имеет ключевое значение для специалистов и исследователей в области международного сотрудничества в целях развития, а также политики Японии в области образования в эпоху глобального управления.

Поступила в редакцию / Received: 14.08.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список / References

- Kayashima, N. (2019). *Kōtō kyōiku no kokusai ka to Nippon no daigaku no ODA sankā [Internationalization of Higher Education and ODA Participation of Japanese Universities]*. Tokyo: Tamagawa University Press. (In Japanese).
- Kayashima, N. (2020). *Jizoku kanōna kaihatsu mokuhyō no jidai niokeru Nippon no kokusai kyōiku kyōryoku [Japan's International Education Cooperation in the Era of SDGs]*. Institute for Peace Policy. (In Japanese).
- Kayashima, N., & Morgan, P. (2019). *Realizing education for all in the digital age: Think 20 (T20)*. ADB Institute.
- Kayashima, N., Kuroda, K., & Kitamura, Y. (2022). *Japan's international cooperation in education: History and prospects*. Springer Singapore.
- Kitamura, Y., & Brehm, W. (2020). *Public policy innovation for human capital development*. Tokyo: Asian Productivity Organization.
- Kitamura, Y., & Brehm, W. (2022). *Memory in the Mekong: Regional identity, schools, and politics in Southeast Asia*. New York: Teachers College Press.
- Kuroda, K., Kamikubo, M., & Passarelli, D. (2009). *Formulating an international higher education framework for regional cooperation and integration in Asia*. Waseda Graduate Institute for Asian Regional Integration.
- Kuroda, K., Yuki, T., Hong, Y., & Kang, K. (2012). Cross-border collaborative degree programs in East Asia: Expectations and challenges. *JICA-RI Working Paper*, (39), 1—31.

Сведения об авторе: *Мелконян Лусине Арменовна* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-0294-8076; e-mail: melkonyan-la@rudn.ru

About the author: *Melkonyan Lusine Armenovna* — Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, People's Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0003-0294-8076; e-mail: melkonyan-la@rudn.ru